

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 2 (14) 2022**

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Дзидзов Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Долива-Клепацкая Анна, доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Мешко Горазд, доктор права, профессор, Мариборский университет, г. Марибор, Республика Словения

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прапиестис Йонас, доктор права, профессор, Вильнюсский университет, г. Вильнюс, Литовская Республика

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Пиц Анна, доктор права, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Фунта Ростислав, доктор права, Высшая школа Данубиуса, г. Комарно, Словацкая Республика

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 10.06.2022. Дата выхода в свет: 17.06.2022.

Усл. печ. л. 11,8. Тираж 100 экз. Заказ № .

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2022.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 2 (14) 2022

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Ruslan M. Dzidzoev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Anna Doliva-Klepatskaya, Dr. of Sci. (Law), Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Gorazd Meshko, Doctor of Law, Professor, University of Maribor, Maribor, Republic of Slovenia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Jonas Prapiestis, Doctor of Law, Professor, Vilnius University, Vilnius, Republic of Lithuania

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anna Pisch, Doctor of Law, Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Rastislav Funta, Doctor of Law, Danubius High School, Komarno, Slovak Republic

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science - Legal sciences (group of specialties - 12.00.00 Legal sciences; scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state; 12.00.02 – Constitutional Law; constitutional litigation; municipal law; 12.00.03 – Civil Law; business law; family law; private international law; 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; criminal executive law; 12.00.09 - Criminal procedure; 12.00.12 – Criminalistics; forensic expert activity; operational investigative activity; 12.00.14 – Administrative law; administrative process; 12.00.15 - Civil procedure; arbitration process).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 10.06.2022. Release date: 17.06.2022.

Usl. pech. l. 11,8. Edition of 100 copies. Order No. .

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Чуева А.С. Понятие и состав финансового правонарушения (финансового деликта) как специфические методологические основания исследования финансово-правовой ответственности: теоретико-правовой аспект..... 7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы..... 14

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Инжиева Б.Б. Онтология и гносеология гражданского оборота..... 21

Кириенко А.А. Ненадлежащее оказание медицинской услуги как основание компенсации морального вреда в гражданском праве..... 28

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Голенко Д.В. Особенная часть УК РФ 1996 г.: современное состояние и перспективы развития..... 34

Решетникова Г.А. Субъект принуждения к даче показаний в контексте законопроекта об установлении уголовной ответственности за пытки..... 40

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Костенко Р.В. Оценка достаточности доказательств судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей 47

Лошкобанова Я.В. Оптимизация процедуры уголовного судопроизводства в целях обеспечения устойчивости и стабильности экономических отношений..... 58

Семенцов В.А., Глимейда В.В. Технология видео-конференц-связи и ее применение в уголовном судопроизводстве..... 67

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Калужина М.А. Место и роль оперативно-розыскной деятельности в зарубежной пенитенциарной практике..... 77

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Епифанова Е.В. Публично-правовое регулирование системы медицинских биобанков: постановка проблемы..... 87

Лупарев Е.Б. Проблемы административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации..... 93

Пащенко И.Ю. Искусственный интеллект и смежные технологии: о понятии, информационной природе и публично-правовых аспектах 99

КОНФЕРЕНЦИИ; СИМПОЗИУМЫ; НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ

Семенцов В.А. Юбилейная международная научно-практическая конференция кафедры уголовного процесса..... 106

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE	
<i>Arina S. Chueva</i> The concept and composition of a financial offense (financial tort) as a specific methodological basis for the study of financial and legal responsibility: theoretical and legal aspect.....	7
CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LITIGATION; MUNICIPAL LAW	
<i>Ruslan M. Dzhidzoev, Albina S. Lolaeva</i> Digital (electronic) democracy in Russia: the concept and limits.....	14
CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW	
<i>Buinta B. Inzhieva</i> Ontology and epistemology of civil turnover.....	21
<i>Andrei A. Kirienko</i> Improper provision of medical services as a basis for compensation for moral damage in civil law.....	28
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL EXECUTIVE LAW	
<i>Diana V. Golenko</i> Special part of the criminal code of the Russian Federation of 1996: current status and development prospects.....	34
<i>Gulnara A. Reshetnikova</i> The subject of compulsory to give statements in the context of the bill on the establishment of criminal responsibility for torture.....	40
CRIMINAL PROCEDURE	
<i>Roman V. Kostenko</i> Assessment of the sufficiency of evidence by the judge when passing sentences based on the results of consideration of criminal cases with the participation of jurors.....	47
<i>Yana V. Loshkobanova</i> Optimization of the procedure criminal proceedings in order to ensure sustainability and stability economic relations.....	58
<i>Vladimir A. Sementsov, Vitaliy V. Glimeida</i> Video conferencing technology and its application in criminal proceedings.....	67
CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY	
<i>Marina A. Kaluzhina</i> The place and the role of operational search activities in foreign penal practice.....	77
ADMINISTRATIVE LAW; ADMINISTRATIVE PROCESS	
<i>Elena V. Epifanova</i> Public law regulation of the system of medical biobanks: problem statement.....	87
<i>Evgeniy B. Luparev</i> Problems of administrative responsibility for the dissemination of deliberately false information.....	93
<i>Ilya Yu. Paschenko</i> Artificial intelligence and related technologies: about the concept, information basis and public legal aspects.....	99
CONFERENCES; SYMPOSIUMS; SCIENTIFIC SEMINARS	
<i>Vladimir A. Sementsov</i> Anniversary international scientific-practical conference of the department of criminal procedure.....	106

**ПОНЯТИЕ И СОСТАВ ФИНАНСОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
(ФИНАНСОВОГО ДЕЛИКТА) КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Чуева А.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Чуева А.С. Понятие и состав финансового правонарушения (финансового деликта) как специфические методологические основания исследования финансово-правовой ответственности: теоретико-правовой аспект. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-7-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 020-23-47

E-mail: arina.chuieva.81@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.04.2022

Статья принята к печати: 30.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Целью настоящей статьи выступает анализ одного из наиболее существенных среди специфических методологических оснований исследования финансово-правовой ответственности – финансового правонарушения (финансового деликта). Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым сформулировать дефиницию финансового правонарушения (финансового деликта); определить проблематику (как на теоретическом, так и на практическом уровнях), связанную с конструированием и практическим применением его состава сообразно современным российским реалиям.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: общеправовые эвристические, сравнительного анализа, системный.

В результате проведенного исследования автором сформулированы собственные выводы, а также некоторые проблемные аспекты теоретического и правоприменительного характера. Так, была представлена дефиниция финансового правонарушения (финансового деликта); определено понятие юридического состава финансового правонарушения (финансового деликта), раскрыто содержание каждого его элемента; сделаны выводы о необходимости продолжения научных исследований института «финансово-правовой ответственности».

Ключевые слова: деликт, финансовый деликт, финансовое правонарушение, состав финансового правонарушения (финансового деликта), финансово-деликтное отношение, финансово-правовая ответственность.

**THE CONCEPT AND COMPOSITION OF A FINANCIAL OFFENSE
(FINANCIAL TORT) AS A SPECIFIC METHODOLOGICAL BASIS FOR
THE STUDY OF FINANCIAL AND LEGAL RESPONSIBILITY:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECT**

Arina S. Chueva

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Chueva A.S. The concept and composition of a financial offense (financial tort) as a specific methodological basis for the study of financial and legal responsibility: theoretical and legal aspect. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-7-13>

CONTACT INFORMATION:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 020-23-47

E-mail: arina.chueva.81@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.04.2022

The article has been accepted for publication: 30.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The purpose of this article is to analyze one of the most significant among the specific methodological foundations of the study of financial and legal responsibility - financial offense (financial tort). In order to achieve this goal it seems necessary to formulate a definition of a financial offense (financial tort); define the problems (both at the theoretical and practical levels) associated with the construction and practical application of its composition in accordance with modern Russian realities.

The goal and objectives of the work defined the methodology of this study, which is based on a number of methods, in particular: general philosophical heuristic, comparative analysis, systematic.

As a result of the study the author formulated his own conclusions, as well as some problematic aspects of theoretical and law enforcement nature. Thus, the definition of a financial offense (financial tort) was presented; the concept of legal composition of a financial offense (financial tort) was defined, the content of each of its elements was disclosed; conclusions on the need to continue scientific research of the institute of "financial and legal responsibility" were made.

Keywords: tort, financial tort, financial offense, composition of a financial offense (financial tort), financial and tort relation, financial and legal responsibility.

Введение

Предметом внимания в данной статье выступает финансовое правонарушение, исследование его понятия и конструкции состава. Необходимость подобного рода исследования обусловлена, прежде всего тем, что финансовое правонарушение является одним из специфических методологических оснований, без которого анализ института финансово-правовой ответственности вряд ли достигнет желаемого результата.

Справедливости ради отметим, что методологии исследования юридической ответственности в правовой науке уделено немало внимания [2; 10; 12]. Безграничен и научный интерес к методологии исследования ее отдельных видов (уголовной, гражданско-правовой, административной, финансово-правовой, дисциплинарной и др.) [1; 4; 5; 7; 11; 14]. На наш взгляд, российская правовая наука нуждается в подобного рода разработках, прежде всего потому, что «юридическая ответственность является одной из центральных и важнейших категорий, поскольку право, правонарушение и ответственность неразрывно связаны. Юридическая ответственность

необходима, чтобы поддерживать социальный порядок, обеспечивать режим законности, пресекать нарушения и защищать права и свободы граждан и т.д.» [3, с. 171].

Не стоит забывать о том, что немаловажную роль в процессе реализации финансово-правовой ответственности занимает юридическая квалификация правонарушений, которая имеет место на всех стадиях производства по делам, связанным с нарушением финансового законодательства. При этом, процедура квалификации сопряжена, прежде всего, с соотношением признаков совершенного действия / бездействия с каждым элементом состава противоправного деяния пошагово. Однако, отсутствие закрепленной на законодательном уровне дефиниции финансового правонарушения зачастую порождает ряд спорных вопросов на практике. Кроме того, по сей день остается нерешенным вопрос о составе и видах финансовых правонарушений. Полагаем, что в настоящее время назрела острая необходимость совершенствования, качественной доработки отечественного финансового законодательства в названном направлении, что в свою очередь позволит миновать негативные последствия совершения противоправных деяний не только в сфере экономики нашего государства, но и в жизнедеятельности и жизнеобеспечении общества. К сожалению, это не единственный нерешенный на законодательном уровне вопрос, касающийся финансово-правовой ответственности, что снова и снова влечет за собой массу диссонансов в процессе осуществления правоприменительной деятельности уполномоченными органами власти, а также сводит на нет одну из важнейших функций юридической ответственности – воспитательную (суть которой – почтительное отношение к праву).

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование логико-методологического арсенала, в основе которого лежат общеправовые эвристические методы, методы сравнительного анализа, а также системный метод.

Результаты исследования

Результаты исследования состоят в следующем:

1. Согласно методологическим правилам научного исследования термин «финансовый деликт» является видовым понятием и подчиняется родовому – «деликт».

2. Под финансовым деликтом (финансовым правонарушением) следует понимать противоправное (в нарушение актов финансового законодательства), виновное, асоциальное действие / бездействие субъектов финансового права, обладающих деликтоспособностью, влекущее за собой финансово-правовую ответственность.

3. Под юридическим составом финансового правонарушения (финансового деликта) целесообразно понимать совокупность элементов, имеющих первостепенное значение в процессе осуществления квалификации поступка субъекта правоотношения в качестве финансового правонарушения, являющихся необходимыми и достаточными для возложения финансово-правовой ответственности.

4. В юридический состав финансового правонарушения (деликта) входят следующие элементы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

5. Совершение финансового деликта (финансового правонарушения) порождает финансово-деликтное отношение, т.е. такое правовое отношение, которое складывается в связи с финансово-правовой ответственностью, является ее юридическим выражением.

6. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о теоретической и практической проблеме определения дефиниции, состава и видов финансовых правонарушений (финансовых деликтов) и о необходимости совершенствования отечественного финансового законодательства в названном направлении.

Научная дискуссия

В рамках настоящей статьи термины «финансовое правонарушение» и «финансовый деликт» будут использоваться нами как синонимичные.

Дело в том, что несмотря на широкое применение в юридической литературе таких правовых категорий, как «правонарушение», «проступок» и «деликт», к сожалению, единый подход к обоснованию их понимания на доктринальном уровне отсутствует.

Справедливости ради следует признать, что термин «деликт» не имманентен российской правовой традиции, в отличие от европейских континентальных правовых порядков [17; 18; 19; 20; 21], а если таковой и употребляется, то в основном в отношении нарушения норм гражданского законодательства [6]. Потому, употребление и использование терминов «финансовый деликт», «финансово-деликтное отношение» в финансовом праве и их универсализация на финансовые правоотношения вызывает у большинства ученых ряд вопросов. Однако не стоит забывать о том, что

юридическая наука не стоит на месте, она развивается. Ее эволюция осуществляется, прежде всего, за счет обретения новых знаний, которые вырабатывают ученые путем апробации и различного рода дискуссий. Безусловно, любое новое научное изыскание или открытие юридической науки не становится «аксиомой картины мира», но в большинстве своем они направлены на выработку рекомендаций и предложений, способствующих ликвидации пробелов законодательства, а также модернизации правоприменительной деятельности. Следовательно, очень важно осуществлять так называемую «стыковку» полученных новых научных достижений с господствующими реалиями современной действительности.

Семантический¹ анализ правовой категории «финансовый деликт», на наш взгляд, целесообразно начинать с исследования термина «деликт» как такового, дабы не нарушать методологического правила о том, что видовое понятие (в нашем случае – «финансовый деликт») подчиняется родовому (у нас – «деликт»). Надо думать, что выявление смысла родового понятия имеет существенное значение и позволит в итоге сформулировать дефиницию финансового деликта.

Итак, согласно Толковому словарю русского языка, деликт – это «незаконное действие, правонарушение, преступление»².

В Большом энциклопедическом словаре, деликт (лат. delictum) определяется как «проступок, правонарушение»³.

В одном из юридических словарей исследуемая нами правовая категория трактуется как «правонарушение, то есть незаконное действие, проступок, преступление; в более узком смысле – гражданское правонарушение, влекущее за собой обязанность возмещения причиненного ущерба»⁴.

Не вдаваясь в глубокий ретроспективный анализ возникновения и развития термина «деликт» отметим, что он является «детисцем» юристов античного Рима. Как свидетельствует история, им обозначалось любое противоправное действие, влекущее за собой то или иное наказание или какие-либо негативные последствия для совершившего подобное действие (т.е. для деликвента). По санкциям, применяемым к деликвенту, и по природе причиненного ущерба деликты было принято делить на публичные («delicta publica» или «crimina») и частные («delicta privata») [9, с. 263; 13, с. 111].

Для нас особый интерес представляет позиция М.Н. Кобзарь-Фроловой, которая исследуя сущность и соотношение таких достаточно важных для юридической науки правовых категорий, как «правонарушение», «проступок» и «деликт», приходит к выводу о том, что «деликт (delictum) – представляет собой виновное противоправное деяние (действие, бездействие) индивидуального или коллективного субъекта, наносящее вред государственным, общественным интересам и интересам личности и выражающееся в неисполнении своих обязанностей и обязательств, запрещенное соответствующей правовой нормой под угрозой наказания». Таким образом, деликт, по мнению М.Н. Кобзарь-Фроловой, достаточно широкая в понимании категория, которая «включает в себя нарушение гражданско-правовых норм и запретов физическими и юридическими лицами, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязательств, административные и налоговые правонарушения, дисциплинарные проступки и преступления» [8, с. 56]. Данная позиция ученой близка и нам.

На основании вышеизложенного, мы предпримем попытку сформулировать собственную дефиницию термина «финансовый деликт (финансовое правонарушение)».

Так, *под финансовым деликтом (финансовым правонарушением)* предлагаем понимать противоправное (в нарушение актов финансового законодательства), виновное, асоциальное действие / бездействие субъектов финансового права, обладающих деликтоспособностью, влекущее за собой финансово-правовую ответственность.

¹ Семантика (от греч. sēmantikos – обозначающий) – раздел языкознания, изучающий значение единиц языка, прежде всего слов (См.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Большая российская энциклопедия»; Спб.: «Норинт»; 1997. С. 1080.

² Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование; 2018. С. 246.

³ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Большая российская энциклопедия»; Спб.: «Норинт»; 1997. С. 338.

⁴ Юридический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. 2-е изд. М.: Институт новой экономики; 2014. С. 125.

В свою очередь, совершение финансового деликта (финансового правонарушения) порождает так называемое финансово-деликтное отношение, т.е. такое правовое отношение, которое складывается в связи с финансово-правовой ответственностью, является ее юридическим выражением. Схема такова: охранительное финансовое правоотношение – финансовый деликт – финансово-деликтное отношение [16].

Как нами было отмечено ранее, огромную роль в процессе реализации финансово-правовой ответственности занимает юридическая квалификация правонарушений. На всех стадиях производства по делам, связанным с нарушением актов финансового законодательства, процедура квалификации сопряжена с соотнесением признаков совершенного деяния с каждым элементом состава финансового правонарушения (деликта). Потому, очень важно понимать, что является правовая структура (юридический состав) финансового правонарушения (деликта).

Так, под *юридическим составом финансового правонарушения (финансового деликта)* предлагаем понимать совокупность элементов, имеющих первостепенное значение в процессе осуществления квалификации поступка субъекта правоотношения в качестве финансового правонарушения, являющихся необходимыми и достаточными для возложения финансово-правовой ответственности.

В юридический состав финансового правонарушения (деликта) входят: *объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона*.

Объект финансового правонарушения (деликта) – это общественные отношения, охраняемые нормами финансового права, на которые направлены противоправные действия (бездействие) его субъекта.

Так, например, объектом налогового правонарушения, как разновидности финансового правонарушения, в первую очередь являются финансовые интересы государства, доходная часть бюджета и внебюджетных фондов, возможности осуществления налогового и валютного контроля, банковского надзора, права иных лиц, а также государственные интересы, защищаемые финансовым законодательством [15, с. 276].

В уголовно-правовой науке имеет место разграничение объекта преступления на общий, родовый и непосредственный, что по мнению некоторых ученых¹, вполне уместно и с позиции иных правонарушений. Финансовые правонарушения в этом плане не исключение.

Так, общим объектом финансового правонарушения выступает весь круг общественных отношений, охраняемых финансово-правовыми нормами. Иными словами, речь идет о таких общественных отношениях, которые связаны с установленной государством (муниципальными образованиями) процедурой формирования, распределения, перераспределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, охраняемой мерами финансово-правовой ответственности.

Родовым объектом финансового правонарушения выступает относительно самостоятельная совокупность процедур в области публичной финансовой деятельности, за несоблюдение которых применяются специальные меры финансово-правовой ответственности. Непосредственным – конкретное правоотношение, процедура, охраняемые нормами финансового права под угрозой применения мер финансово-правовой ответственности.

Объективная сторона правонарушения позволяет сделать заключение о том, что, где и когда имело место быть, а также выяснить какой именно вред был причинен. Таким образом, *под объективной стороной финансового правонарушения* понимается внешнее проявление противоправного действия (бездействия) в объективной действительности. Важно отметить, что объективная сторона любого правонарушения, в том числе финансового, включает следующие обязательные элементы (признаки): 1) деяние; 2) противоправность действия (бездействия); 3) нанесенный деянием вред; 4) причинная связь между действием (бездействием) и вредными последствиями. Такие элементы, как способ, время, место, обстановка целесообразно относить к факультативным.

По нашему мнению, объективная сторона финансового деликта, ее обязательные и факультативные составляющие играют огромную, первостепенную роль при осуществлении юридической квалификации правонарушения уполномоченными органами правоприменительной деятельности. Действительно, без установления признаков объективной стороны вред ли

¹ Горлова Е.Н. Ответственность за нарушение финансового законодательства: учебное пособие для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М; 2019. С. 44.

представится возможным определить стало ли объектом противоправного посягательства то или иное общественное отношение, охраняемое финансово-правовыми нормами.

Субъектом финансового правонарушения является лицо (физическое, юридическое), нарушившее противоправным деянием финансовое законодательство и обладающее дееспособностью. Однако здесь не обойтись без определенных условий (помимо дееспособности). Так, к субъекту-физическому лицу предъявляются такие требования как, достижение определенного возраста, в частности 16 лет, а также вменяемость.

Наконец, *субъективная сторона финансового правонарушения* отражает психическое отношение лица к содеянному и включает в себя такие элементы как, вина (основной признак), цель и мотив (факультативные признаки).

Подводя итог вышеизложенному подчеркнем, что всякое правонарушение – феномен негативный. Любая цивилизованная страна упорно борется с подобного рода неблагоприятными явлениями, которые токсично сказываются как на правах, свободах и интересах ее граждан, так и на интересах общества и государства в целом. Сопротивление оказывается либо посредством предупреждения совершения противоправных действий / бездействий, либо же возложением юридической ответственности за противоправное деяние, которое уже совершено. Потому, очень важно, чтобы на законодательном уровне были конкретно обозначены доминирующие направления того или иного вида юридической ответственности.

Поскольку предметом нашего внимания является исследование института финансово-правовой ответственности, позволим себе выступить с предложением о необходимости закрепления в финансовом законодательстве дефиниций следующих правовых категорий: «финансово-правовая ответственность», «финансовое правонарушение», «финансовая санкция», «меры финансового принуждения». Кроме того, как нами было отмечено ранее, необходимо на законодательном уровне решить вопрос о составе финансовых правонарушений и их видах. Представляется, что совершенствование отечественного финансового законодательства в «данном ключе» положительным образом скажется на национальной экономической безопасности нашего государства.

Список использованной литературы:

1. Алексеев И.А. Муниципально-правовая ответственность: проблемы теории и практики: монография. Москва: Проспект; 2016.
2. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как охранительное правоотношение. *Советское государство и право*. 1980;(8):122–125.
3. Бейсенова А.У. О методологии исследования юридической ответственности. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2020;1(59):170–176.
4. Варул П.А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности: монография. Таллин, 1986.
5. Дворецкий М.Ю. Методология исследования эффективной реализации правовой категории «уголовная ответственность»: проблемы отечественной теории. *Вестник Тамбовского университета*. 2015;3(143):154–162.
6. Евстигнеев Э.А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве. *Вестник гражданского права*. 2020;(1):33–59. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59.
7. Запольский С.В. Финансовое право: методология исследований, генезис, система: монография. Москва: РАП; 2013.
8. Кобзарь-Фролова М.Н. Соотношение правонарушения, проступка, преступления и деликта. *Вестник российской таможенной академии*. 2010;(1):50–57.

References:

1. Alekseev I.A. [*Municipal legal responsibility: problems of theory and practice*]. Moscow: Prospect; 2016. (In Russ.).]
2. Bazylev B.T. [Legal responsibility as a protective legal relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1980;(8):122–125. (In Russ.).]
3. Beisenova A.U. [On the methodology of the study of legal responsibility]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2020;1(59):170–176. (In Russ.).]
4. Varul P.A. [*Methodological problems of the study of civil liability*]. Tallinn, 1986. (In Russ.).]
5. Dvoret'skii M.Yu. [Methodology of research on effective implementation of the legal category of "criminal responsibility": problems of domestic theory]. *Vestnik Tambovskogo universiteta = Bulletin of the Tambov University*. 2015;3(143):154–162. (In Russ.).]
6. Evstigneev Eh.A. [Issues of correlation between guilt and causation in tort law]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2020;(1):33–59. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59. (In Russ.).]
7. Zapol'skii S.V. [*Financial law: research methodology, genesis, system*]. Moscow: RAP; 2013. (In Russ.).]
8. Kobzar'-Frolova M.N. [Correlation of offense, misdemeanor, crime and tort]. *Vestnik rossiiskoi tamozhennoi akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2010;(1):50–57. (In Russ.).]

9. Кобзарь-Фролова М.Н. Административный деликт: самозванец или сформировавшийся правовой феномен? *Сибирское юридическое обозрение*. 2020;17(2):262–272. DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-262-272.
10. Липинский Д.А. О понятии и методологии исследования юридической ответственности. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2009;1(4):76–82.
11. Носова Ю.Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та; 2011.
12. Ореховский А.И. Ответственность и ее социальная природа: (Методологический аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та; 1978.
13. Попугаев Ю.И. О деликте, деликлизации и совершенствовании административно-деликтного нормотворчества. *Вестник экономической безопасности*. 2016;(3):111–118.
14. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М; 2012.
15. Сукиасян Н.Г., Сукиасян Г.А. Понятие, особенности и состав финансово-правового нарушения. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016;5(3(16)):274–281.
16. Чуева А.С. О понимании и правовой природе финансово-деликтного отношения. *Очерки новейшей камералистики*. 2022;(1):7–11.
17. Borghetti J.-S. The Culture of Tort Law in France. *Journal of Education, Teaching and Learning*. 2012;(3).
18. Fedtke J. The Culture of German Tort Law. *Journal of Education, Teaching and Learning*. 2012;(3).
19. Jacquemet-Gauche A. *La responsabilite de la puissance publique en France et en Allemagne. Etude de droit compare*. Paris, 2013.
20. Oliphant K. Cultures of Tort Law in Europe. *Journal of Education, Teaching and Learning*. 2012;(3).
21. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference* / Ed. by C. von Bar, E. Clive.
9. Kobzar'-Frolova M.N. [Administrative torts: an impostor or a formed legal phenomenon?] *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2020;17(2):262–272. DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-262-272. (In Russ.).
10. Lipinski D.A. [On the concept and methodology of the study of legal responsibility]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*. 2009;1(4):76–82. (In Russ.).
11. Nosova Yu.B. [Disciplinary responsibility of civil servants of the Russian Federation]. Voronezh: Voronezh State University Press; 2011. (In Russ.).
12. Orekhovskii A.I. [Responsibility and its social nature: (Methodological aspect)]. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University; 1978. (In Russ.).
13. Popugaev Yu.I. [On Tort, Tortization, and the Improvement of Administrative Tort Rulemaking]. *Bulletin of Economic Security = Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti*. 2016;(3):111–118. (In Russ.).
14. Serkov P.P. [Administrative Responsibility in Russian Law: Current Understanding and New Approaches]. Moscow: Jur. Norma, NIC INFRA-M; 2012. (In Russ.).
15. Sukiasyan N.G., Sukiasyan G.A. [The concept, features and composition of financial and legal violations.] *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2016;5(3(16)):274–281. (In Russ.).
16. Chueva A.S. [On the Understanding and Legal Nature of the Financial-Tort Relationship.] *Ocherki noveishei kameralistiki = Essays on Recent Cameralistics*. 2022;(1):7–11. (In Russ.).
17. Borghetti J.-S. The Culture of Tort Law in France. *Journal of Education, Teaching and Learning*. 2012;(3).
18. Fedtke J. The Culture of German Tort Law. *Journal of Education, Teaching and Learning*. 2012;(3).
19. Jacquemet-Gauche A. *La responsabilite de la puissance publique en France et en Allemagne. Etude de droit compare*. Paris, 2013.
20. Oliphant K. Cultures of Tort Law in Europe. *Journal of Education, Teaching and Learning*. 2012;(3).
21. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference* / Ed. by C. von Bar, E. Clive.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуева Арина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1664-265X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arina S. Chueva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1664-265X>

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW;
CONSTITUTIONAL LITIGATION;
MUNICIPAL LAW

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-14-20>

ЦИФРОВАЯ (ЭЛЕКТРОННАЯ) ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДЕЛЫ

Дзидзоев Р.М.*¹, Лолаева А.С.²

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

²ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»
(Кирова ул., д. 37, г. Владикавказ, РСО-Алания, 362040)

Ссылка для цитирования: Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):14–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-14-20>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 968-99-01

E-mail: drm@law.kubsu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 07.04.2022

Статья принята к печати: 07.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Целью данной статьи является исследование понятия и явления цифровой (электронной) демократии как выражения российской демократической государственности на современном этапе ее развития. Определяется закономерность цифровой демократии, ее предопределенность научно-техническим прогрессом, глобальной цифровизацией политико-правовых процессов в стране, интенсивным внедрением в публично-правовое пространство интерактивных информационно-коммуникационных технологий в цифровом измерении, качественным образом меняющих уровень взаимоотношений государства, общества и личности за счет расширения участия граждан во всей совокупности публично-правовой деятельности на разных уровнях государственной и муниципальной организации, повышающих уровень государственной демократии.

В статье исследуется соотношение демократии традиционной в ее непосредственном и представительном выражениях с демократией электронной, утверждается их принципиальное единство, состоящее в выражении суверенной воли народа, и одновременно допускающее их организационно-технические различия, позволяющие характеризовать цифровую демократию как инновационную форму демократии, основанную на широком использовании современных цифровых технологий в механизмах народовластия.

Новизна исследования предопределяется новизной самого явления цифровой (электронной) демократии, относительно недавно ставшей достоянием российской публично-правовой действительности, пока не получившего в юридической науке единого понятийного и концептуального понимания.

Ключевые слова: демократия, демократия цифровая (электронная), демократия традиционная, научно-технический прогресс, цифровизация политико-правового пространства, информационно-коммуникационные технологии, сетевое общение, цифровое общество, цифровое государство.

DIGITAL (ELECTRONIC) DEMOCRACY IN RUSSIA: THE CONCEPT AND LIMITS

Ruslan M. Dzidzoev*¹, Albina S. Lolaeva²

¹FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

²FGBOU VO "Gorsky State Agrarian University"

(Kirova str., 37, Vladikavkaz, RNO-Alania, 362040)

Link for citation: Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. Digital (electronic) democracy in Russia: the concept and limits. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):14–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-14-20>

CONTACT INFORMATION:

Ruslan M. Dzidzoev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 968-99-01

E-mail: drm@law.kubsu.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 07.04.2022

The article has been accepted for publication: 07.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The purpose of this article is to study the concept and phenomenon of digital (electronic) democracy as an expression of Russian democratic statehood at the present stage of its development. The regularity of digital democracy is determined, its predetermination by scientific and technological progress, the global digitalization of political and legal processes in the country, the intensive introduction of interactive information and communication technologies in the digital dimension into the public legal space, qualitatively changing the level of relations between the state, society and the individual by expanding the participation of citizens in the totality of public legal activities on the different levels of state and municipal organization that increase the level of state democracy.

The article examines the relationship of traditional democracy in its direct and representative expressions with electronic democracy, asserts their fundamental unity, consisting in the expression of the sovereign will of the people, and at the same time reveals their organizational and technical differences, which make it possible to characterize digital democracy as an innovative form of democracy based on the widespread use of modern digital technologies in the mechanisms of popular will.

The novelty of the research is determined by the novelty of the phenomenon of digital (electronic) democracy itself, which relatively recently became the property of Russian public-legal reality, which has not yet received a unified conceptual and conceptual understanding in legal science.

Keywords: democracy, digital (electronic) democracy, traditional democracy, scientific and technological progress, improvisation of the political and legal space, information and communication technologies, digital society, digital state.

Введение

Вопросы цифровой (электронной) демократии в мире, включая Российскую Федерацию, в начале текущего столетия вызвали повышенное научное внимание, в том числе представителей юридической науки, в первую очередь, конституционно-правовой. Доктрина цифровой демократии, –

отмечается в науке, – вызывает огромный интерес среди ученых, политиков, государственных деятелей [10, с. 30].

Обостренный научный интерес к проблематике электронной демократии детерминирован усиленной цифровизацией политико-правового пространства в контексте формирования информационного общества и государства, повсеместным использованием новейших информационно-коммуникационных технологий в управленческих процессах, основывающихся на электронном (цифровом) взаимодействии граждан с органами публичной власти, в том числе в части гражданского их участия во властной деятельности, неуклонным переходом политико-правовых явлений в цифровое измерение, к новой научно-технологической парадигме цифровых логистических систем, к сетевому принципу построения публично-властных отношений. Как отмечает С.А. Авакьян, электронно-цифровые технологии меняют окружающий мир, ставят новые задачи перед государством, обществом, гражданам и их объединениями [1, с. 23].

Как нами отмечалось, электронная или цифровая демократия активно внедряется в государственную практику России, «сопутствуя традиционным институтам демократии, усиливая участие граждан в политической жизни общества» [9, с. 10].

Это ставит перед юридической наукой такие вопросы, как понятие цифровой (электронной) демократии в предметных константах, ее содержательные и формально-организационные показатели, ее оригинальность, соотношение с демократией традиционной, тенденции и перспективы развития – вопросы, требующие адекватного и своевременного ответа с учетом масштабов и динамики распространения электронных процессов в публично-правовой сфере.

Методы исследования

В статье использована современная методология научного познания, включающая как общенаучные методы, так и частнонаучные, совокупность которых позволила выявить закономерности, содержание и специфику электронной демократии в координатах формирования цифрового общества и государства, определить перспективы ее развития в сочетании с демократией классического типа.

Результаты исследования

К результатам исследования можно отнести раскрытие политической и правовой природы цифровой (электронной) демократии в контексте глобальной цифровизации общественно-политических процессов, определение ее значения и места в системе российской демократии, формулирование ее научного определения с учетом практики реализации в России и потребностей демократического развития страны.

Научная дискуссия

Активная цифровизация политического и правового пространства, наблюдаемая в последнее время, приводит к расширению участия граждан в механизмах формирования, принятия, реализации публично-властных решений и контроля за их исполнением на всех уровнях и стадиях государственной и муниципальной деятельности, неуклонному переходу от демократии традиционной к цифровым (электронным) формам народного волеизъявления.

Цифровизация политико-правового пространства сказывается на содержании и пределах демократического процесса, обеспечивая массовую вовлеченность граждан в управленческую деятельность с использованием таких сетевых ресурсов, как электронные услуги, электронные сайты официальных органов и должностных лиц, интернет-приемные, электронные консультации, электронные ходатайства, электронные петиции, электронное обсуждение и электронное голосование с использованием интернет-взаимодействия.

Как отмечают зарубежные исследователи, «виртуальное пространство интернета является основой качественно иного общества, в котором восторжествует действительная свобода и прямая демократия» [7].

Электронная демократия характеризуется он-лайн-овым проведением различных кампаний, высоким уровнем самоорганизации он-лайн сообщества на фоне отсутствия значительных социальных различий между членами такого сообщества, использованием электронной среды как средства распространения политической информации [11, с. 124-125].

Исследуя природу термина «электронная демократия», ученые отмечают, что это «основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [8]. Подчеркивается, что у «электронной демократии есть огромный потенциал, позволяющий оптимизировать коммуникацию между властными

институтами и населением»¹.

Современные цифровые технологии повышают доступ граждан в публичные сферы путем предоставления технико-организационных удобств, вызванных экономией времени и техническим упрощением совершения юридически значимых действий, минимизирует административное воздействие на волеизъявление граждан.

Главное предназначение электронной демократии – привлечение населения к участию в политической жизни [4]. Электронные средства массовой информации способствуют повышению степени вовлеченности населения в процессе разработки и принятия государственных решений [2, с. 97].

Цифровая демократия, становясь частью политической реальности, сокращает разрыв между управленческими структурами и рядовыми гражданами, гарантирует последним доступ к информации, участие в управленческом процессе [13, с. 99–100].

Цифровизация расширяет диапазон демократического процесса, формируя такие институты электронной демократии, как электронный парламент, электронное правительство, электронное правосудие, электронный муниципалитет, получившие признание и применение в сферах публичной деятельности.

Таким образом, цифровизация публично-правового пространства в конечном итоге приводит к расширению и повышению публичного участия в управлении делами государства, своевременному и адекватному учету волеизъявления населения, народа как носителя суверенитета и источника власти в Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ) и соответственно к усилению демократического режима в стране. Не случайно в странах авторитарного типа цифровые технологии не находят широкого применения (Северная Корея, Куба). Уровень цифровизации публично-властной деятельности в современном мире становится определяющим критерием демократичности государства.

Электронная демократия в России опирается на системную нормативно-правовую и документальную базу, способствующую ее поступательному развитию и практическому освоению, включающую Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»²; Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 г. № 632-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года»³; Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»»⁴; Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»⁵; Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁶.

В науке конституционного права наблюдаются попытки понятийного определения электронной (цифровой) демократии в ее содержательных и пространственно-временных измерениях, осуществляемые в теоретических координатах исходных понятий демократии, народовластия и народного волеизъявления с учетом практических результатов. Так, В.А. Овчинников и Я.В. Антонов определяют электронную демократию как «комплексное

¹ Руденко В.Н. Толерантность и современные демократические практики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-i-sovremennye-demokraticheskie-praktiki/viewer> (дата обращения: 12.06.2021).

² О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 года № 65 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

³ О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: Распоряжение Правительства РФ от 06 мая 2008 года № 632-р (ред. от 10.03.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2372.

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 313 (ред. от 18.12.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

⁵ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 года № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁶ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09 мая 2017 года № 203 [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2021 [прочитано 12 июня 2021]. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>.

представление всех демократических процессов с использованием информационно-коммуникационных технологий, основанное на принципах электронного управления» [6, с. 5–8]. Т.Я. Антонов указывает, что электронная демократия предоставляет населению реальные возможности для инициирования эффективного диалога с государством, опирающимся на конституционные идеи народовластия [5, с. 39].

Ниже приводится авторское определение электронной (цифровой) демократии, сформулированное с учетом достигнутого уровня ее доктринального осмысления и практики реализации, в том числе в Российской Федерации.

В самом общем приближении цифровая (электронная) демократия в России представляет собой организационно-правовой формат участия граждан в официальных сферах с использованием информационно-коммуникационных технологий в цифровом измерении, в механизмах народного волеизъявления по вопросам публичной важности, отражающий интерактивный уровень взаимодействия граждан с государством, обеспечивающий массовое и постоянное участие населения в публично-властной деятельности.

Исследование рассматриваемой тематики требует ответа на вопрос о соотношении демократии цифровой (электронной) с демократией классической или традиционной, их взаимовлиянии и взаимодействии.

Очевидно, что понятие цифровой демократии восходит к общему пониманию демократии как реальному участию народа в публичных делах. В своем исконном значении демократия предоставляет личности правовую возможность влияния на состояние и динамику публичной власти, прежде всего, государственной, в собственных интересах путем официального выражения своей воли, трансформируемой в публично-властные решения.

В аксиологическом отношении демократия традиционная и цифровая неразличимы, имеют общую конституционно-правовую природу, характеризующуюся целевым и функциональным единством, интегрирующим народный суверенитет как первичный источник публичной власти.

Различие коренится в организационно-правовых способах осуществления народовластия, различимых в технологическом отношении.

Электронная демократия в отличие от традиционной основывается на использовании цифровых технологий в механизмах народного волеизъявления, интерактивных средствах коммуникации в сетевом пространстве, электронных способах представления и учета гражданской позиции.

Реализация демократии традиционной (или т.н. привычной в отличие от цифровой) предполагает личное непосредственное участие гражданина в официальном волеизъявлении, осуществлении им физических действий, фиксирующих его индивидуальную волю (заполнение избирательного бюллетеня, его опускание в урну для голосования и пр.), в то время как электронная демократия основывается на цифровых технологиях, электронных способах передачи информации, удостоверяющих субъективное волеизъявление, ускоряющих и облегчающих воздействие общественного мнения на официальную среду.

Таким образом, различие между демократией традиционной и цифровой (электронной) носит главным образом технологический характер, диктуемый потребностями научно-технического прогресса, цифровизации политических процессов.

Исходя из этого цифровую (электронную) демократию следует расценивать как разновидность, инновационную форму демократии как народовластия. В литературе отмечается, что невозможно характеризовать цифровую (электронную) и традиционную демократию в антагонистических плоскостях, ибо они преследуют одну цель – осуществление власти непосредственно народом [3, с. 117].

Электронная демократия в самом общем виде понимается как осуществление власти народом в электронной форме либо же еще проще – как традиционная демократия, воплощенная в электронной форме. Цифровая (электронная) демократия становится эволюционной трансформацией традиционной демократии» [12, с. 30].

Система демократии традиционно делится на демократию непосредственную (прямую), ведущими институтами которой выступают выборы народных представителей и референдум как народное голосование по вопросам публичной важности в самых разнообразных проявлениях, и демократию представительную, реализуемую выборными органами парламентского типа, действующими от имени населения.

Соотношение названных организационно-правовых форм народовластия с демократией электронной не является однозначным.

В сферах прямого народовластия содержательные пределы традиционной и цифровой демократии не различимы, выборы и референдум одинаково могут осуществляться с использованием традиционных и электронных способов волеизъявления, что касается демократии представительной, то здесь цифровые возможности остаются ограниченными.

Пока трудно представить, тем более реализовать, полную цифровизацию деятельности законодательных или судебных органов, хотя уже сегодня активно осваиваются системы электронного парламента, электронного правосудия, электронного правительства.

Да и демократия непосредственная до конца не соединима с электронной. Так, массовые публичные мероприятия в виде митингов и демонстраций проходят в непосредственном режиме, хотя их реализация в электронном формате технически осуществима.

Цифровизация политических и управленческих процессов трансформирует систему демократии, усиливая и расширяя совещательные формы ее проявления, связанные не с принятием законченных решений, а с массовым и устойчивым общественным участием в их обсуждении, создающим режим т.н. патиципаторной демократии или демократии участия (от англ. – participation – участие). Как отмечает И. Масуда, представительная демократия являлась наиболее эффективной для индустриального общества, однако она не самая эффективная применительно к информационному обществу. Если рассматривать именно информационное общество, то здесь наиболее эффективной становится демократия участия, которая может быть достигнута исключительно за счет новейших технологических и информационных разработок [14, с. 187].

Оценивая перспективы развития цифровой (электронной) демократии в России, следует констатировать ее перспективный характер, диктуемый объективными потребностями цифровизации публично-правовой действительности в контексте формирования сетевого общества и цифрового государства.

С высокой вероятностью можно предположить, что демократия цифровая, электронная (интернет-демократия) будет вытеснять из политико-правового пространства и заменять собой элементы и проявления демократии классической, морально устареваемой, оставаясь приоритетным направлением, доминантой демократического развития, утрачивая инновационный характер.

Тем не менее, преждевременно говорить о полном торжестве электронной демократии над традиционной, далеко себя не исчерпавшей. Достаточно сказать, что основная масса электората в нашей стране, состоящая из пожилого населения, предпочитает традиционные способы волеизъявления, с чем законодатель вынужден считаться.

Современный демократический процесс в России, реализующий конституционные требования построения правового демократического государства, в обозримой перспективе будет основываться на гибком сочетании механизмов классической и цифровой демократии, их диалектическом синтезе, обеспечивающим полноту выражения суверенной воли российского народа. В этом смысле позволительно говорить о сложившейся в современной России синтетической модели построения демократии, сочетающей традиционные и интерактивные способы объективизации народного волеизъявления.

Список использованной литературы:

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право. *Конституционное и муниципальное право*. 2019;(7):23–32.
2. Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М.: КНОРУС; 2013.
3. Антонов Я.В. Конституционно-правовые основы электронной демократии в России. *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2016;7(1(23)):117–125.
4. Антонов Я.В. Политико-правовые аспекты формирования концепции электронной демократии в России и государствах-участниках СНГ. *Российский юридический журнал*. 2017;(5):46–57.

References:

1. Avak'yan S.A. [Information space of knowledge, digital world and constitutional law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2019(7):23– 32. (In Russ.)]
2. Akopov G.L. [Internet and politics. Modernization of the political system based on innovative political Internet communications]. MOSCOW: KNORUS; 2013. (In Russ.)]
3. Antonov Ya.V. [Constitutional and legal foundations of electronic democracy in Russia]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhIGS = Scientific Proceedings of the Northwestern Institute of Management RANEPА*. 2016;7(1(23)):117–125. (In Russ.)]
4. Antonov Ya.V. [Political and legal aspects of the formation of the concept of electronic democracy in Russia and the CIS member states]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*.

5. Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов. *Российская юстиция*. 2017;(12):38–41.
6. Антонов Я.В., Овчинников В.А. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии. *Российская юстиция*. 2016;(5):5–8.
7. Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства. Давос, Швейцария; 1996.
8. Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив: монография. М.: Изд-во «АЛКИГАММА»; 2004.
9. Дзидзоев Р.М. Институты электронной (цифровой) демократии в России. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2019;(2):10–13.
10. Киреева Е.Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность. *Конституционное и муниципальное право*. 2019;(7):29–32.
11. Курячая М.М. Гражданин, общество, государство, инновации: современные механизмы взаимодействия. Краснодар: Просвещение-Юг; 2017.
12. Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(4):23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-4-23-26.
13. Никулина Ю.В. Цифровая демократия и электронное участие в информационном обществе. *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2016;(15):99–100.
14. Masuda I. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington, USA: World Future Society; 1981.
- 2017;(5):46–57. (In Russ.)
5. Antonov Ya.V. [Electronic democracy as a political and legal mechanism for coordinating private and public interests]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2017;(12):38–41. (In Russ.)
6. Antonov Ya.V., Ovchinnikov V.A. [The legal structure of electronic voting in the system of electronic democracy]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2016;(5):5–8. (In Russ.)
7. Barlou Dzh. P. [Declaration of Independence of Cyberspace]. Davos, Switzerland; 1996. (In Russ.)
8. Grachev M.N., Madatov A.S. [*Democracy: research methodology, analysis of prospects*]. Moscow: ALKIGAMMA; 2004. (In Russ.)
9. Dzidzoev R.M. [Institutes of electronic (digital) democracy in Russia]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2019;(2):10–13. (In Russ.)
10. Kireeva E.Yu. [Digital democracy: myths and reality]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2019;(7):29–32. (In Russ.)
11. Kuryachaya M.M. [*Citizen, society, state, innovations: modern mechanisms of interaction*]. Krasnodar: Prosveshchenie-South; 2017. (In Russ.)
12. Lolaeva A.S. [Digital (electronic) and traditional democracy: issues of correlation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2021;(4):23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-4-23-26 (In Russ.)
13. Nikulina Yu.V. [Digital democracy and electronic participation in the information society]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly = Scientific Proceedings of the Republican Institute of Higher Education*. 2016;(15):99–100. (In Russ.)
14. Masuda I. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington, USA: World Future Society; 1981.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дзидзоев Руслан Мухарбекович*

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5229-4413>

Лолаева Альбина Славовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9021-7531>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ruslan M. Dzidzoev*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5229-4413>

Albina S. Lolaeva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the FGBOU VO "Gorsky State Agrarian University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9021-7531>

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW;
BUSINESS LAW;
FAMILY LAW;
PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-21-27>

ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Инжиева Б.Б.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
(Пушкина ул., д. 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия, 358000)

Ссылка для цитирования: Инжиева Б.Б. Онтология и гносеология гражданского оборота. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2022;14(2):21–27.
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-21-27>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Инжиева Буйнта Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
Адрес: Пушкина ул., д. 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия, 358000
Тел.: +7 (909) 399-01-10
E-mail: inbuinta@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 16.04.2022

Статья принята к печати: 16.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: *Целью* данной статьи является раскрытие онтологических и гносеологических свойств гражданского оборота. Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым выявить онтологические смыслы понятия «гражданский оборот», дать перечень его онтологических характеристик, определить и дифференцировать гносеологические подходы к его познанию.

Для решения поставленных задач в статье будет использован ряд *методов* исследования: метод структурного анализа; сравнительный метод; феноменологический подход.

В *результате* исследования было выявлено, что гражданский оборот имеет двойственную природу, поскольку включает в себя две различные стороны: оборот в фактическом значении, который объемлет все виды и формы реального товарно-денежного обмена на рынке; оборот в нормативном значении, который рассматривается с точки зрения права, то есть в качестве определенного стандарта или образца.

Вывод: сквозной онтологической и гносеологической характеристикой гражданского оборота является его двойственность, которая в онтологическом аспекте представлена наличием нормативного и фактического измерений, а в гносеологическом – столкновением реалистического и конструктивистского подходов. При этом существует генетическая связь, с одной стороны, между фактическим состоянием гражданского оборота и реалистической моделью его познания, а с другой стороны, между социальным конструктивизмом в гносеологии и нормативным образом гражданского оборота. Гносеологические элементы даже включаются в состав онтологической природы гражданского оборота, поскольку представления о нем определяют характер его нормативного регулирования, которое, в свою очередь, прямо влияет и на его фактические свойства.

Ключевые слова: гражданский оборот, онтология, гносеология, эпистемология, интересы гражданского оборота, стабильность гражданского оборота, реализм, конструктивизм.

ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY OF CIVIL TURNOVER

Buinta B. Inzhieva

FGBOU VO "Kalmyk State University B.B. Gorodovikov".
(Pushkina str., 11, Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000)

Link for citation: Inzhieva B.B. Ontology and epistemology of civil turnover. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):21–27. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-21-27>

CONTACT INFORMATION:

Buinta B. Inzhieva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor Department of Civil Law and Procedure of the FGBOU VO "Kalmyk State University B.B. Gorodovikov"

Address: Pushkina str., 11, Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000

Tel.: +7 (909) 399-01-10

E-mail: inbuinta@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 16.04.2022

The article has been accepted for publication: 16.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The purpose of this article is to reveal the ontological and epistemological properties of civil turnover. To achieve this goal, it seems necessary to identify the ontological meanings of the concept of "civil turnover" as tasks, to give a list of its ontological characteristics, to define and differentiate epistemological approaches to its cognition.

To solve the tasks set in the article, a number of research methods will be used: the method of structural analysis; comparative method; phenomenological approach.

As a result of the study, it was revealed that civil turnover has a dual nature, since it includes two different sides: turnover in the actual meaning, which encompasses all types and forms of real commodity-money exchange on the market; turnover in the normative meaning, which is considered from the point of view of law, that is, as a certain standard or sample.

Conclusion: a cross-cutting ontological and epistemological characteristic of civil turnover is its duality, which is represented in the ontological aspect by the presence of normative and factual dimensions, and in the epistemological aspect by the clash of realistic and constructivist approaches. At the same time, there is a genetic connection, on the one hand, between the actual state of civil turnover and the realistic model of its cognition, and on the other hand, between social constructivism in epistemology and the normative image of civil turnover. Epistemological elements are even included in the ontological nature of civil turnover, since ideas about it determine the nature of its regulatory regulation, which, in turn, directly affects its actual properties.

Keywords: civil turnover, ontology, epistemology, epistemology, interests of civil turnover, stability of civil turnover, realism, constructivism.

Введение

С философской точки зрения любой объект обладает фундаментальными характеристиками в смысле его онтологии, т.е. природы и качеств [3; 6], и гносеологии, т.е. способов его познания [14, с. 8–9; 13, с. 11–21]: «первая ставит вопрос о том, что существует, каковы основные элементы существующего и их взаимоотношения, вторую же волнует вопрос, как и в какой мере бытие познаваемо»¹.

Вопрос об онтологических характеристиках гражданского оборота, таким образом, требует выявления наиболее важных свойств, определяющих глубинную сущность данного явления.

¹ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Философия». Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2003. С. 3.

Методы исследования

Методология исследования включает в себя: метод структурного анализа; сравнительный метод; феноменологический подход.

Результаты исследования

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что с онтологической точки зрения гражданский оборот демонстрирует свою двойственную природу, поскольку имеет две различные стороны:

1) Оборот в фактическом значении, который включает в себя все виды и формы реального товарно-денежного обмена на рынке;

2) Оборот в нормативном значении, который рассматривается с точки зрения права, то есть в качестве определенного социального стандарта или образца.

В первом случае гражданский оборот – это факт социально-экономической действительности, который может существовать не только в юридическом, но в более широком контексте, в отличие от второго варианта, который значительно сужает рамки понятия. Однако ни один из двух аспектов игнорировать нежелательно.

Научная дискуссия

Например, Ю.В. Виниченко к наиболее значимым онтологическим чертам гражданского оборота относит именно экономические факторы, в том числе общественное разделение труда, позднее – производственную специализацию, которая создает условия для оборота вещей от держателя благ к нуждающемуся, а также персонификацию имущества, то есть установку на присвоение (собственность) как базовое условие для возникновения гражданского оборота: «одним из онтологических начал системы гражданского оборота – фактором, детерминировавшим ее появление, – следует признать персонификацию имущества (индивидуальное присвоение благ, индивидуальную собственность в экономическом смысле). Данный фактор имел значение не только на стадии зарождения (возникновения) системы оборота; в качестве неперменного, конститутивного условия функционирования данной системы он выступает на всем протяжении истории общества. «Ничьи» блага обращаться не могут» [1, с. 260].

Безусловно, онтологически гражданский оборот обусловлен ограниченностью и редкостью ресурсов (объективная недостаточность ресурсов как на уровне государств, так и на уровне групп или индивидов провоцирует к тому, чтобы вступать в обменные отношения с другими субъектами), а также уровнем материального, технического и технологического общественного развития: уровень гражданского оборота в связи с техническим и технологическим прогрессом повышался, а его структура и форма обретали и продолжают обретать более сложный характер. Современность показывает, как гражданский оборот осуществляется не только в реальности, но и в виртуальности, зачастую стирая границы между реальным и цифровым миром [1, с. 270].

Вместе с тем вызывают сомнение некоторые другие гипотезы об онтологических началах гражданского оборота, в частности, о его якобы географической детерминированности: «С точки зрения функционирования системы гражданского оборота под воздействием географического фактора проявляется, в частности, такое свойство данной системы, как «реактивность» (характеризующее поведение системы, однозначно обусловленное воздействием среды), а также свойство адаптивности (характеризующее степень приспособленности системы к новым условиям ее развития) и соответствующий ему функциональный процесс приспособления системы к изменяющимся условиям жизнедеятельности – адаптацию» [1, с. 273–274].

Географический фактор, по всей видимости, может повлиять лишь на конкретные параметры гражданского оборота, но не на его сущность, которая остается неизменной вне зависимости от локации. Следовательно, данный фактор является онтологически индифферентным.

То же самое можно сказать о выделяемых Ю.В. Виниченко антропологических константах гражданского оборота, к которым отнесены, в частности, безграничность потребностей субъектов (гражданский оборот базируется на том, что у субъекта нет точки, в которой его потребности и желания завершаются и прекращаются; даже если какие-либо из потребностей теряют актуальность, то формируются новые), а также персональные ценностные качества субъектов – их этические, морально-нравственные личностные свойства [1, с. 285].

Как представляется, безграничность потребностей человека является недоказуемой и по этой причине сама не обладает достаточной онтологической основательностью, в то время как личностные качества субъектов гражданского оборота вообще не оказывают принципиального влияния на его природу, а лишь на относительно случайные и малозначимые особенности.

Вместе с тем перечень онтологических свойств гражданского оборота можно дополнить следующими:

1) Открытость гражданского оборота, которая позволяет участникам оборота вступать в коммуникацию, беспрепятственно совершать сделки, обсуждать и формулировать правила своего взаимодействия и т.п. (что обеспечено соответствующими принципами гражданского законодательства, включая свободу договора, беспрепятственность осуществления гражданских прав и т.п.);

2) Взаимность (симметричность). Оборот невозможен помимо эквивалентного обмена, при котором субъекты оборота онтологически признают друг друга, а также ценность и полезность тех благ, которые они вводят в оборот;

3) Конкурентный характер гражданского оборота, который автоматически следует из идей ограниченности ресурсов и персонификации имущества. Другой субъект воспринимается в качестве лица, претендующего на то же самое желаемое благо. При этом предполагается, что конкуренция влечет за собой не только борьбу, но и создание более совершенных условий для гражданского оборота, развитие технологий и общее улучшение механизма оборота;

4) Многоуровневая структура гражданского оборота, которая позволяет любому субъекту гражданских прав переключаться между микромасштабом (индивид, семья) и макромасштабом (общество), что дает возможность обнаружить и освоить необходимые ресурсы, а также соотнести свои индивидуальные интересы с общественными и публичными.

Онтологическим характером обладает также связь гражданского оборота с временем. Фактор срочности актов, сделок, жизни вещей и т.п. программирует характер связи между субъектами гражданского оборота. Наличие сроков становится условием для возникновения гражданских правоотношений.

Гносеология (теория познания) исследует природу человеческих представлений о реальности, механизм их формирования и критерии достоверности¹ [10].

Специфика юридического познания выражается в его преимущественно прикладном, прагматическом характере, т.е. в направленности на достижение конкретных социальных результатов.

Таким образом, гносеологический подход призван ответить на вопрос о том, на чем основываются и каким образом формируются существующие знания о гражданском обороте.

Однако единой целостной системы представлений о гражданском обороте не существует. Имеющиеся знания о нем можно разделить на три основные группы:

– законодательные – лежащие в основе нормативно-правового регулирования или транслируемые посредством него;

– судебные – представленные в конкретных судебных решениях или общих разъяснениях высших инстанций;

– доктринальные – вырабатываемые научным сообществом путем наблюдения и обобщения фактов правовой реальности, включая законодательство и судебную практику.

Современная философская гносеология характеризуется также плюрализмом концепций познания [7; 9; 15]. С некоторой долей условности можно утверждать, что наиболее влиятельными моделями познания являются, в-первых, «реалистические» (описательные, отражательные) и «конструктивистские», различаемые в зависимости от того, является ли субъект познания скорее пассивным реципиентом (получателем) информации или ее активным создателем.

С точки зрения реалистического подхода, познающий субъект имеет дело с объектами, существующими независимо от самого процесса познания, которое, свою очередь, должно им соответствовать [8, с. 8–9].

Напротив, конструктивизм делает акцент на том, что предмет познания не дается в готовом виде, а возникает лишь в результате самой познавательной деятельности, в основе чего лежит «представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений» [4, с. 65].

Анализ представлений о гражданском обороте, содержащихся в актах гражданского законодательства, судебной практике и цивилистической литературе, свидетельствует о сложном сочетании обоих гносеологических подходов.

¹ Dew J.K., Foreman M.W. How Do We Know? An Introduction to Epistemology. IVP Academic; 2014.

Уже в сфере законодательного регулирования понимание гражданского оборота выглядит двойственно.

Так, в п. 2 ст. 15 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывается: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота...». В данном случае гражданский оборот понимается скорее в качестве объективно существующего явления, обладающего относительной независимостью по отношению к гражданско-правовому регулированию.

Иначе обстоит дело, например, в п. 4 ст. 49 ГК РФ: «Гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте (ст. 2) регулируются настоящим Кодексом». Установка, в соответствии с которой участниками гражданского оборота могут быть только законно признанные лица, говорит о том, что здесь гражданский оборот рассматривается уже не как автономно функционирующий механизм, а как система, устройство которой определяется юридическими нормами. Гражданский оборот представлен не как саморазвивающийся процесс, а как результат законодательного конструирования.

По смыслу ряда положений ГК РФ (п. 1–3 ст. 129, п. 3 ст. 209 и др.), гражданским оборотом считаются только правомерные действия субъектов гражданского права. Тем самым гражданский оборот противопоставляется другому понятию, также фигурирующему в законодательных актах, а именно «незаконному обороту», который преследуется в соответствии со ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и т.п.

Различение «гражданского» и «незаконного» оборота также основано на конструктивистском подходе, поскольку приписывание обороту такого качества, как «гражданский», не может являться предметом эмпирического наблюдения, не присуще обороту априори, а возникает вследствие решения законодателя.

Доминирование конструктивистского подхода к познанию гражданского оборота характерно и для судебной практики.

Специфика судебной практики заключается в том, что, в отличие от законодательства, она не исследует гражданский оборот в целом, а только его отдельные проявления или свойства, имеющие значение для того или иного конкретного дела.

В значительной своей части представления о гражданском обороте, отраженные в судебной практике, повторяют аналогичные конструкции, закрепленные в законодательстве.

Вместе с тем судебная практика выработала и некоторые самостоятельные характеристики гражданского оборота, прямо не предусмотренные законом. Так, судами было введено понятие «интересы гражданского оборота». Например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 05 августа 2020 г. по делу № А40-108548/2018 указывается, что установление законодателем презумпции неплатежеспособности или недостаточности имущества должника призвано оградить интересы гражданского оборота и его участников от недобросовестных действий отдельных субъектов, а также обеспечить стабильность гражданского оборота.

Таким образом, судебная практика презюмирует наличие у гражданского оборота собственных интересов, отличных от интересов его участников. Этот вывод, очевидно, не мог быть сделан в результате исследования фактического состояния гражданского оборота, а является конструктом, вытекающим из идеальной модели.

То же самое относится к понятиям стабильности и надежности гражданского оборота, которые также были сформулированы в судебной практике. Так, в п. 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Склиановой, Р.М. Склиановой и В.М. Ширяева» отмечается: «Конституционные принципы свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств предполагают наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота...»¹. При этом указанные свойства также, разумеется, не выявлялись путем изучения реального состояния гражданского оборота, а предписываются ему в качестве принципов.

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Склиановой,

Особенность доктринального, или научного познания гражданского оборота состоит в том, что оно происходит на эпистемологическом уровне, то есть предполагает объективность и методологическую оснащенность, а также критическую рефлексию получаемых знаний [6, с. 5–6; 11; 15; 16].

Как правило, в рамках доктринальных исследований ставится задача описания существующего состояния гражданского оборота, а не его конструирования или изменения.

Однако при этом предметом познания становится не столько фактический товарно-денежный обмен на рынке, сколько его нормативный образ, уже представляющий собой продукт социального конструирования.

При этом эмпирическая (социально-экономическая) составляющая гражданского оборота часто даже полностью отрицается. Примером может служить позиция А.О. Рыбалова, который вслед за О.А. Красавчиковым [5, с. 26] полагает, что содержанием гражданского оборота является переход не вещей, а имущественных прав, объектами которых эти вещи являются: «Покупателю нужна не просто вещь, способная удовлетворять его интересы, а вещь, на которую у него будет право. Ему может быть нужна даже не сама вещь, а только право на нее; однако, когда ему необходима именно вещь, чтобы пользоваться ею, такое пользование юридически может быть предоставлено лишь посредством соответствующего субъективного права (правом собственности, правом на владение и пользование, правом только на пользование). Иными словами, предметом всех сделок с вещами всегда будет право на вещи. Именно субъективное право выступает предметом обмена, объектом оборота» [12, с. 90].

Аналогичным образом можно интерпретировать отнесение к онтологическим свойствам гражданского оборота разумность субъектов, которые наделены потенциалом и природной познавательной способностью адекватно воспринимать действительность, видеть и понимать причинно-следственные связи вещей и явлений, а также действовать целесообразно этой связи, что гарантирует не только следования нормам и правилам гражданского оборота, но и возможности саморегуляции и самоорганизации системы [1, с. 276]. Очевидно, данный вывод также не основан на каких-либо наблюдениях над реально происходящими рыночными процессами, а представляет собой лишь проекцию разумности как нормативного требования к субъектам гражданских правоотношений, закрепленного в п. 2 ст. 6 ГК РФ.

Таким образом, сквозной онтологической и гносеологической характеристикой гражданского оборота является его двойственность, которая в онтологическом аспекте представлена наличием нормативного и фактического измерений, а в гносеологическом – столкновением реалистического и конструктивистского подходов.

При этом существует генетическая связь, с одной стороны, между фактическим состоянием гражданского оборота и реалистической моделью его познания, а с другой стороны, между социальным конструктивизмом в гносеологии и нормативным образом гражданского оборота.

Можно даже утверждать, что гносеологические элементы по-своему включаются в состав онтологической природы гражданского оборота, поскольку представления о нем определяют характер его нормативного регулирования, которое, в свою очередь, прямо влияет и на его фактические свойства.

Список использованной литературы:

1. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот: опыт системного исследования: монография. Иркутск: Издательство БГУ; 2019.
2. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма; ИНФРА – М; 2013.
3. Гутнер Г.Б. Методология, онтология и возвратное движение мысли. *Вопросы философии*. 2011;(7):166–173.
4. Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление. В: Лекторский В.А., редактор.

References:

1. Vinichenko Yu.V. [*Civil circulation: experience of systemic research*]. Irkutsk: BSU Publishing House; 2019. (In Russ.)
2. Gadzhiev G.A. [*Ontology of law: (critical study of the legal concept of reality)*]. M.: Norma; INFRA – M; 2013. (In Russ.)
3. Gutner G.B. [Methodology, ontology and return movement of thought]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2011;(7):166–173. (In Russ.)
4. Kasavin I.T. [*Constructivism as an idea and direction*]. In: Lektorsky V.A., ed. *Constructivism in the theory of*

- Конструктивизм в теории познания*. М.: ИФРАН; 2008. (In Russ.)] *knowledge*. Moscow: IFRAN; 2008. (In Russ.)]
5. Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). *Ученые записки СЮИ. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса*. 1957;(5):3–27.
5. Krasavchikov O.A. [Soviet civil turnover (the concept and main links)]. *Uchenye zapiski SYUI. Voprosy grazhdanskogo, trudovogo prava i grazhdanskogo protsessa = Scientific notes SUI. Issues of civil, labor law and civil process*. 1957;(5):3–27. (In Russ.)]
6. Красиков В.И. Онтологии. *Вопросы философии*. 2013;(9):43–51.
6. Krasikov V.I. [Ontologies]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2013;(9):43–51. (In Russ.)]
7. Кузнецова Н.И. Эмпирическое и теоретическое в эпистемологии и философии науки. *Философия науки и техники*. 2021;26(2);5–9.
7. Kuznetsova N.I. [Empirical and theoretical in epistemology and philosophy of science]. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of science and technology*. 2021; 26(2);5–9. (In Russ.)]
8. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии. В: Лекторский В.А., редактор. *Познание, понимание, конструирование*. М.: ИФРАН; 2007.
8. Lektorskii V.A. [Discussion of anti-realism and realism in modern epistemology]. In: Lektorskii V.A., ed. *Cognition, understanding, design*. Moscow: IFRAN; 2007. (In Russ.)]
9. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая: монография. М.: Эдиториал УРСС; 2001.
9. Lektorskii V.A. [Epistemology classical and nonclassical]. М.: Editorial URSS; 2001. (In Russ.)]
10. Медведев В.И. Трансцендентальность гуманитарного познания. *Философский журнал*. 2022; 15(1):69–84.
10. Medvedev V.I. [Transcendence of humanitarian knowledge]. *Filosofskii zhurnal = Philosophical Journal*. 2022;15(1):69–84. (In Russ.)]
11. Порус В.Н. На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей. *Эпистемология и философия науки*. 2021;58(2):34–42.
11. Porus V.N. [Towards a reform of the system of epistemological goals and values]. *Ehpistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2021;58(2):34–42. (In Russ.)]
12. Рыбалов А.О. Экономические блага и гражданский оборот. В: Рожкова М.А., редактор. *Объекты гражданского оборота*. М.: Статут; 2007.
12. Rybalov A.O. [Economic benefits and civil circulation]. In: Rozhkova M.A., red. *Objects of civil circulation*. М.: Statute; 2007. (In Russ.)]
13. Скурко Е.В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты). *Ленинградский юридический журнал*. 2010;(2):7–21.
13. Skurko E.V. [Foundations of modern epistemology of law (theoretical and practical aspects)]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad legal journal*. 2010;(2):7–21. (In Russ.)]
14. Шабалина Е.И. К вопросу о гносеологии в юриспруденции и ее значении для реализации задач правоохранительной деятельности. *Юрист – правоведь*. 2017;(1(80)):7–10.
14. Shabalina E.I. [On the issue of epistemology in jurisprudence and its significance for the implementation of the tasks of law enforcement]. *Yurist" – pravoved" = Lawyer – jurist*. 2017;(1(80)):7–10. (In Russ.)]
15. Kornblith H. *Scientific Epistemology: An Introduction*. Oxford University Press; 2021.
15. Kornblith H. *Scientific Epistemology: An Introduction*. Oxford University Press; 2021.
16. Zagzebski L.T. *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*. Oxford University Press; 2020.
16. Zagzebski L.T. *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*. Oxford University Press; 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Инжиева Буйнта Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4685-5787>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buinta B. Inzhieva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor Department of Civil Law and Procedure of the FGBOU VO "Kalmyk State University B.B. Gorodovikov"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4685-5787>

НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ УСЛУГИ КАК ОСНОВАНИЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Кириенко А.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Кириенко А.А. Ненадлежащее оказание медицинской услуги как основание компенсации морального вреда в гражданском праве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):28–33. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-28-33>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Кириенко Андрей Александрович, аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 389-03-77

E-mail: kirienko_a@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.05.2022

Статья принята к печати: 06.06.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты, связанные с компенсацией морального вреда ввиду оказания медицинских услуг ненадлежащего качества как основного гражданско-правового способа защиты личных неимущественных прав граждан на жизнь и здоровье, первым и основным элементом которых является право на медицинскую помощь.

Автор исследования обращает внимание на то, что компенсация морального вреда ввиду оказания медицинских услуг ненадлежащего качества нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и совершенствовании судебного правоприменения.

Ключевые слова: моральный вред, нематериальные блага, неимущественные права пациента, ненадлежащая медицинская помощь, физические или нравственные страдания, компенсация, противоправные действия врача.

IMPROPER PROVISION OF MEDICAL SERVICES AS A BASIS FOR COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN CIVIL LAW

Andrei A. Kirienko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kirienko A.A. Improper provision of medical services as a basis for compensation for moral damage in civil law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):28–33. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-28-33>

CONTACT INFORMATION:

Andrei A. Kirienko, Postgraduate student in the Civil Law Department of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 389-03-77

E-mail: kirienko_a@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 05.05.2022

The article has been accepted for publication: 06.06.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The article deals with theoretical and practical aspects related to compensation for moral damage due to the provision of medical services of inadequate quality as the main civil law way of protecting the personal non-property rights of citizens to life and health, the first and main element of which is the right to medical care.

The author of the study draws attention to the fact that compensation for non-pecuniary damage due to the provision of medical services of inadequate quality needs further theoretical understanding and improvement of judicial law enforcement.

Keywords: moral harm, intangible benefits, non-property rights of the patient, inadequate medical care, physical or mental suffering, compensation, medical misconduct.

Введение

Проблематика темы настоящего исследования связана с основополагающими естественными субъективными правами человека на жизнь и здоровье, первым и основным элементом которых является право на медицинскую помощь. Быстро развивающиеся общественные потребности, в том числе вызванные стремительным научным прогрессом (развитие трансплантологии, фармакологии, реаниматологии, генетики, эмбриологии и т.д.), увеличение различного рода предложений на рынке медицинских услуг, в частности, по диагностике, профилактике и лечению заболеваний, реабилитации состояния здоровья человека, корректировке внешности и повышению продолжительности жизни людей неизбежно влечет возникновение ситуаций, при которых желания и ожидания потребителей таких услуг не всегда соответствуют фактическим результатам. В частности, в отдельных случаях при оказании медицинской помощи (медицинских услуг) жизни и здоровью граждан причиняется вред (физические или нравственные страдания), который может служить основанием для взыскания с виновных лиц компенсации морального вреда в случае некачественно оказанной услуги.

Целью исследования выступает анализ отдельных проблемных аспектов, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг как основания компенсации морального вреда в гражданском праве.

Методы исследования

Методология исследования включает комплекс логических методов (описание, классификация, определение, доказывание и т.д.), а также диалектику, метод критического анализа, метод системно-структурного анализа, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Отталкиваясь от правовой позиции К.Б. Ярошенко, автор рассматривает личные неимущественные права на жизнь и здоровье как урегулированные нормами права связи между определенными субъектами по поводу личных неимущественных благ [11, с. 9–20].

Результаты исследования

Жизнь и здоровье – это нематериальные блага, являющиеся объектами личных субъективных неимущественных прав, подлежащих гражданско-правовой судебной защите путем компенсации морального вреда, причиненного при оказании необходимой медицинской помощи. Компенсация морального вреда ввиду оказания медицинских услуг ненадлежащего качества является основным гражданско-правовым способом защиты права каждого на жизнь и здоровье, нуждающимся в дальнейшем теоретическом осмыслении и совершенствовании судебного правоприменения.

Научная дискуссия

По цели осуществления прав право на жизнь и здоровье принято относить к личным неимущественным правам, которые направлены на психическое и физическое благополучие [5]. Первостепенное значение конечно же имеет право на жизнь. На этот счет Н.И. Матузов справедливо писал, что «право на жизнь – первое фундаментальное естественное право человека, без которого все другие права лишаются смысла, ибо покойникам, никакие права не нужны» [6, с. 198].

Что касается права на здоровье, то в силу ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ объект этого права – здоровье следует рассматривать как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма». Право на здоровье нередко нарушается вследствие медицинских ошибок при оказании медицинской помощи. Нельзя не отметить, что, рассматривая споры, вытекающие из договора возмездного оказания медицинских услуг, суды, как правило, признают потребителя медицинских услуг слабой стороной соответствующего правоотношения [2, с. 60–62; 1, с. 19–24], правомерно применяя при этом законодательство о защите прав потребителей.

В научном сообществе активно ведутся дискуссии по вопросам как компенсации морального вреда ввиду оказания медицинских услуг ненадлежащего качества в целом, так и элементов, входящих в состав данного деликта [4, с. 31–37; 9]. Правоприменительная практика, стремящаяся к разрешению данных споров в соответствии с нормами материального права и правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации, не приобрела единообразного подхода к разрешению данной категории споров, ошибки судами допускаются во всех инстанциях гражданского судопроизводства. Хотя, например, по одному из дел Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что факт смерти одного из супругов в результате оказания ему некачественной, некачественной медицинской помощи может являться основанием для компенсации морального вреда другому супругу².

Моральный вред определяется в ст. 151 ГК РФ как как физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные нематериальные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага.

Указанное также находит свое доктринальное подтверждение. Так, по мнению А.Д. Кирдякиной и Л.Н. Верещагиной «моральный вред означает нравственные (страх, возмущение, обида, переживания в связи с физической неполноценностью и др.) или физические (боль, удушье, головокружение и др.) страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные нематериальные права либо нарушающими имущественные права гражданина» [3, с. 93].

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»³ под моральным вредом предложено понимать нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные нематериальные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие нематериальные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Сравнение содержания вышеуказанных определений показывает, что как с точки зрения законодателя, так и судебного правоприменителя под моральным вредом понимаются физические и (или) нравственные страдания.

Следует отметить, что компенсация морального вреда является основным гражданско-правовым способом защиты личных нематериальных прав граждан. Обязательства по компенсации морального вреда относятся к деликтным внедоговорным охранительным обязательствам.

Сужая рассмотрение вопроса компенсации морального вреда до конкретного основания, а именно, в связи с оказанием медицинской помощи (медицинских услуг) ненадлежащего качества, определимся с правовыми понятиями «медицинская помощь» и «медицинская услуга»,

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2019 года по делу № 71-КГ18-12 [сайт]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации; 2022 [протитировано 25 апреля 2022]. Доступно: https://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1748002.

³ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года № 10 (ред. от 06.02.2007 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

закрепленными в ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно указанному нормативно-правовому акту, медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг; медицинская услуга – медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение.

Как пишет Н.С. Пономарев, «медицинская помощь – это особая и весьма специфическая форма возмездных отношений между пациентом и медицинскими организациями. И медицинская помощь, и медицинские услуги представляют собой совокупность благ медицинского назначения, которые предоставляются исключительно и только по договорам. Неизменность содержания и цели медицинской помощи при разнообразии форм ее достижения – вот основной смысл и сущность данной юридической конструкции» [7, с. 44]. Однако нельзя не отметить, что как медицинская помощь, так и медицинская услуга должны быть надлежащего качества. В противном случае предусмотрена гражданско-правовая ответственность, включая компенсацию морального вреда.

В целях контроля качества оказываемых медицинских услуг действующее правовое регулирование предусматривает различные механизмы. В их реализации принимают участие как сами лечебные учреждения в форме проведения врачебных комиссий, так и компетентные в области здравоохранения органы власти, страховые компании, различные экспертные организации и объединения медицинских работников.

Вместе с тем все из вышеперечисленных видов контроля не лишены своих недостатков. В первую очередь они обусловлены наличием неясностей и противоречий в нормативной базе здравоохранения и часто встречающейся неполнотой отражаемых в медицинской документации сведений, что в ряде случаев вызывает в судебных разбирательствах сложности, связанные с установлением причинно-следственной связи между оказанной помощью (услугой) и наступившими для жизни и (или) здоровья пациента негативными последствиями.

Одним из ключевых элементов, образующих состав обсуждаемого в данной публикации деликта, является причинно-следственная связь. При ее установлении важно выделять основные причины (первопричины), с которых начинается развитие гражданского правонарушения, и вспомогательные причины, формирующие вектор его развития.

Бесспорное определение первичных и вторичных причин не всегда по силам экспертам, проводящим судебно-медицинские экспертизы, ошибки в этом допускают и суды при оценке заключений судебных экспертиз. Потому перед служителями Фемиды стоит непростая задача по последовательной проверке всех причин события и исключения тех, которые не влияют на конечный результат, для вынесения законных и обоснованных судебных актов.

Правовым основанием гражданско-правовой ответственности за причинение вреда при ненадлежащем оказании медицинской услуги (помощи) являются нормы гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда». Статья 1064 ГК РФ закрепляет общее правило, согласно которому вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. В силу ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Исходя из этого, ответчиком по данной категории дел будет выступать медицинская организация, работник которой является причинителем вреда жизни и здоровью пациента.

Т.И. Хмелева справедливо отмечает, что субъектный состав данных правоотношений состоит в том, что в медицинской деятельности участвуют с одной стороны, юридические лица либо индивидуальные предприниматели, имеющие лицензию на осуществление медицинской помощи, а с другой – физические лица – пациенты [10, с. 235].

Поводом для обращения в суд с иском о компенсации морального вреда может служить причинение вреда жизни (здоровью) пациента, состоящее в причинно-следственной связи с противоправными действиями врача [8, с. 403–408]. При этом поскольку пациент по отношению к медицинскому учреждению является более слабой стороной, не имеющей специальных познаний в соответствующих областях медицинской деятельности, то вина ответчика предполагается, бремя доказывания ее отсутствия и дефектов в оказании медицинской помощи (медицинских услуг) лежит на медучреждении. Данную правовую позицию в своих определениях неоднократно выражал

Верховный Суд Российской Федерации (дела №71-КГ18-12¹, №32-КГ19-26², № 78-КГ19-42³, № 64-КГПР21-1-К9⁴).

Ответственность за причинение морального вреда предусмотрена статьями 1099–1101 ГК РФ в виде взыскания компенсации в денежной форме. Статья 1101 ГК РФ обязывает принимать во внимание характер причиненных потерпевшему страданий с учетом фактических обстоятельств, при которых причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего, учитывать при определении размера компенсации морального вреда требования разумности и справедливости. Статья 151 ГК РФ рекомендует суду учитывать при определении размера компенсации вреда «и иные заслуживающие внимания обстоятельства».

В целях иллюстрации складывающейся правоприменительной практики по данной категории дел и допускаемых судами первой и апелляционной инстанций нарушений норм материального и процессуального права приведем некоторые дела, рассмотренные в 2020–2021 гг. Судебной коллегией по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.

Так, обращаясь в суд с иском о возмещении расходов на погребение истец указал, что в результате ненадлежащего оказания ответчиками медицинской помощи наступила смерть ее супруга К. Суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, отказывая в иске, исходил из того, что причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи и смертью К. не имеется. Отменяя судебные постановления нижестоящих инстанций и направляя дело на новое рассмотрение кассационный суд указал, что по делу остались не выясненными юридически значимые обстоятельства, а именно, приняли ли медицинские учреждения все необходимые и возможные меры по спасению супруга истицы, способствовали ли выявленные дефекты оказания медицинской помощи развитию неблагоприятного исхода (дело № 88-8535/2020).

Рассматривая дело по иску Д. к ГБУЗ о возмещении убытков и компенсации морального вреда, суд кассационной инстанции не согласился с нижестоящими судебными инстанциями указав, что взыскание компенсации морального вреда не поставлено в зависимость от наличия только прямой причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и наступившим вредом. Взыскание компенсации морального вреда возможно и при косвенной (опосредованной) причинной связи, если дефекты (недостатки) оказания работниками медицинского учреждения медицинской помощи истцу могли способствовать ухудшению состояния ее здоровья. При этом ухудшение состояния здоровья человека вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи причиняет ему страдания, что является достаточным основанием для компенсации морального вреда (дело № 88-7686/2021).

В заключение отметим, что компенсация морального вреда ввиду оказания медицинских услуг ненадлежащего качества является основным гражданско-правовым способом защиты права каждого на жизнь и здоровье, нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и совершенствовании судебной практики.

Список использованной литературы:

1. Гибадуллина Л.Т. Пациент как слабая сторона в обязательствах по оказанию медицинских услуг.

References:

1. Gibadullina L.T. [The patient as a weak side due to the risk of complications]. *Meditinskoe pravo* =

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2019 года по делу № 71-КГ18-12 [сайт]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации; 2022 [прочитано 25 апреля 2022]. Доступно: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1748002.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2019 года по делу № 32-КГ19-26 [сайт]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации; 2022 [прочитано 25 апреля 2022]. Доступно: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1836002.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03 марта 2020 года по делу № 78-КГ19-42 [сайт]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации; 2022 [прочитано 25 апреля 2022]. Доступно: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1870416.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 года по делу № 64-КГПР21-1-К9 [сайт]. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации; 2022 [прочитано 25 апреля 2022]. Доступно: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21062021-n-64-kgpr21-1-k9/>.

- Медицинское право.* 2015;(3):19–24.
2. Головачева Е.А. Особенности привлечения к гражданской ответственности лиц и предприятий, оказывающих медицинские услуги в РФ. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2020;(11–2):60–62. DOI: 10.23672/z9045-0592-4430-k.
3. Кирдякина А. Д., Верещагина Л. Н. Проблема возмещения морального вреда в гражданском праве. *Молодой исследователь Дона.* 2021;(5(32)):93–96.
4. Кобец П.Н. Генезис юридической ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг в России в период XI–XX веков. *Вестник Казанского юридического института МВД России.* 2022;1(47):31–37. DOI: 10.37973/KUI.2022.42.48.004.
5. Малеина М.Н. Личные неимущественные права: понятие, осуществление и защита (монография). Москва: МЗ Пресс; 2000.
6. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов. *Правоведение.* 1998;(1(220)):198–212.
7. Пономарев Н.С. К вопросу о соотношении понятий «медицинская помощь» и «медицинские услуги», их юридическое значение для защиты прав и законных интересов граждан. *Медицинское право.* 2019;(3):39–44.
8. Попович М.М. Реализация права граждан на здоровье. *Образование и право.* 2021;(10):403–408. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-10-403-408.
9. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика (монография). М.: Издательство «Infotropic Media»; 2016.
10. Хмелева Т.И., Гуляева А.В. Гражданско-правовая ответственность исполнителя медицинских услуг. *Молодой ученый.* 2021;(46(388)):233–236.
11. Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан (монография). Москва: Изд-во «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации; 1990.
- Medical law.* 2015;(3):19–24. (In Russ.)]
2. Golovacheva E.A. [Features of bringing to civil liability persons and enterprises providing medical services in the Russian Federation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2020;(11–2):60–62. DOI: 10.23672/z9045-0592-4430-k (In Russ.)]
3. Kirdyakina A. D., Vereshchagina L. N. [The problem of compensation for moral damages in civil law]. *Molodoi issledovatel' Dona = Young researcher of the Don.* 2021;(5(32)):93–96. (In Russ.)]
4. Kobets P.N. [Genesis of legal responsibility for the improper provision of medical services in Russia during the XI–XX centuries]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2022;1(47):31–37. DOI: 10.37973/KUI.2022.42.48.004 (In Russ.)]
5. Maleina M.N. [Personal non-property rights concept, implementation and protection]. Moscow: MZ Press; 2000. (In Russ.)]
6. Matuzov N.I [The right to life in the light of Russian and international standards]. *Pravovedenie = Jurisprudence.* 1998;(1(220)):198–212. (In Russ.)]
7. Ponomarev N.S. [On the question of the relationship between the concepts of "medical care" and "medical services", their legal significance for the protection of the rights and legitimate interests of citizens]. *Meditsinskoe pravo = Medical Law.* 2019;(3):39–44. (In Russ.)]
8. Popovich M.M. [Realization of the right of citizens to health]. *Obrazovanie i pravo = Education and law.* 2021;(10):403–408. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-10-403-408 (In Russ.)]
9. Starchikov M.Yu. [Civil liability of medical organizations for harm caused to the life (health) of patients in the provision of medical services: theoretical provisions and judicial practice]. Moscow: Infotropic Media Publishers; 2016. (In Russ.)]
10. Khmeleva T.I., Gulyaeva A.V. [Civil liability of a medical service provider]. *Molodoi uchenyi = Young scientist.* 2021;(46(388)):233–236. (In Russ.)]
11. Yaroshenko K.B. [Life and health under the protection of the law. Civil law protection of personal non-property rights of citizens]. Moscow: Yuridicheskaya literatury Publishing House, Administration of the President of the Russian Federation; 1990. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириенко Андрей Александрович
аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei A. Kirienko
Postgraduate student in the Civil Law Department of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-34-39>

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УК РФ 1996 г.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Голенко Д.В.

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
(Самарский университет)
(Московское шоссе, д. 34, г. Самара, Россия, 443086)

Ссылка для цитирования: Голенко Д.В. Особенная часть УК РФ 1996 г.: современное состояние и перспективы развития. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):34–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-34-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Голенко Диана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

Адрес: Московское шоссе, д. 34, г. Самара, Россия, 443086

Тел.: +7 (927) 690-96-06

E-mail: golenko.diana@bk.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.03.2022

Статья принята к печати: 19.04.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: *Цель* статьи: исследование современного состояния и перспектив развития Особенной части УК РФ. Для достижения поставленной цели определены *задачи*: анализ первоначальной редакции УК РФ, оценка внесенных в него изменений, изучение практики и судебной статистики по применению статей Особенной части УК РФ, анализ теорий и идей, предложенных в отечественной доктрине.

Автор использовал *методы* общенаучные (диалектический метод, логический, системного анализа) и специальные (техничко-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования: Особенная часть отечественного уголовного закона за 25 лет претерпела существенные изменения. В статье приведены примеры концептуальной трансформации: введение статей, где соучастник превращен в исполнителя преступления; возвращение к административной преюдиции; признание состояния опьянения в качестве обстоятельства, изменяющего степень общественной опасности преступления. Обращено внимание на ухудшение законодательной техники на примере некоторых диспозиций и санкций статей. Показано, что нередко создаются «мертвые» статьи. Несмотря на внесение в них изменений, они не «оживают» и не применяются на практике. Это увеличивает объем Особенной части УК РФ, сказывается на системе уголовного закона, не оказывает никакого влияния ни на правоприменение, ни на эффективность уголовного закона.

Вывод: Особенная часть современного отечественного уголовного закона требует глубокой переработки. Существует необходимость в разработке и утверждении концептуальных основ построения Особенной части отечественного уголовного закона. Концептуальные основы могут способствовать упорядочению внесения изменений в УК РФ, выдерживанию концепции уголовного закона, исключению системных ошибок и противоречий внутри закона.

Ключевые слова: Особенная часть уголовного закона, законодательная техника, криминализация, административная преюдиция.

SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 1996: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Diana V. Golenko

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev
(Samara University)
(Moskovskoye shosse, 34, Samara, Russia, 4430086)

Link for citation: Golenko D.V. Special part of the criminal code of the Russian Federation of 1996: current status and development prospects. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):34–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-34-39>

CONTACT INFORMATION:

Diana V. Golenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University)

Address: Moskovskoye shosse, 34, Samara, Russia, 4430086

Tel.: +7 (927) 690-96-06

E-mail: golenko.diana@bk.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.03.2022

The article has been accepted for publication: 19.04.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The purpose of the article is to study the current state and development prospects of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. To achieve this goal, the following tasks were defined: analysis of the initial version of the Criminal Code of the Russian Federation, assessment of the changes made to it, study of practice and judicial statistics on the application of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, analysis of theories and ideas proposed in the domestic doctrine. The author used general scientific methods (dialectical method, logical, system analysis) and special (technical-legal, comparative-legal).

Results of the study: The special part of the domestic criminal law has undergone significant changes over 25 years. The article provides examples of conceptual transformation: the introduction of articles where an accomplice is turned into a perpetrator of a crime; return to administrative prejudice; recognition of the state of intoxication as a circumstance that changes the degree of social danger of a crime. Attention is drawn to the deterioration of legislative technique on the example of some dispositions and sanctions of articles. It is shown that "dead" articles are often created. Despite the introduction of changes in them, they do not "come to life" and are not applied in practice. This increases the volume of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, affects the system of criminal law, and does not have any impact on either law enforcement or the effectiveness of criminal law.

Conclusion: A special part of the modern domestic criminal law requires deep processing. There is a need to develop and approve the conceptual foundations for building the Special Part of the domestic criminal law. The conceptual foundations can help streamline the introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, maintain the concept of the criminal law, and eliminate systemic errors and contradictions within the law.

Keywords: Special part of the criminal law, legislative technique, criminalization, administrative prejudice.

Введение

Особенная часть Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) действует 25 лет. За этот период она характеризуется стабильностью числа разделов и глав и изменчивостью количества и содержания статей. Понимание современного состояния Особенной части УК РФ является важным и необходимым условием для оценки ее эффективности и перспектив развития. Цель статьи: исследование современного состояния и перспектив развития Особенной части УК РФ. Для достижения поставленной цели определены задачи: анализ первоначальной редакции УК РФ, оценка внесенных в него изменений, изучение практики и судебной статистики по применению статей Особенной части УК РФ, анализ теорий и идей, предложенных в отечественной доктрине.

Методы исследования

В работе использована совокупность методов: диалектический, логический, системного анализа, технико-юридический, сравнительно-правовой. Это позволило провести исследование современного отечественного уголовного законодательства в его развитии, соотнести первоначальное состояние Особенной части УК РФ, последующие трансформации и их результат; оценить практику ее применения; спрогнозировать дальнейшие перспективы развития Особенной части УК РФ.

Результаты исследования

С 1996 года по 2021 год Особенная часть отечественного уголовного закона обрела новый облик. Около двухсот федеральных законов внесли в нее изменения. Например, только за январь 2017 – январь 2022 гг. Особенная часть УК РФ изменена 68 федеральными законами: добавлено 25 новых статей, 1 статья утратила силу, подверглись изменениям 89 статей. Темп реформирования отечественного уголовного законодательства с каждым годом нарастает. В доктрине уголовный закон уже давно сравнивают с «тришкиным кафтаном» [11, с. 6].

Особенная часть УК РФ претерпела концептуальные изменения. В подтверждение приведем несколько примеров. В Особенную часть УК РФ введены статьи, где соучастник трансформирован в фигуру исполнителя преступления. В редакции 1996 года за действия пособника, подстрекателя, организатора ответственность наступала со ссылкой на Общую часть УК РФ. В настоящее время это не только так (например, ч. 3 ст. 205¹ УК РФ). Судебная практика изменилась в результате этих новелл. Так, действия 3. были переквалифицированы с ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 205 УК РФ на ч. 3 ст. 205¹ УК РФ¹. Введение фигуры соучастника в качестве исполнителя вносит противоречия в действующий закон, так как положения Общей части УК РФ распространяются и на эти статьи. Статьи Общей и Особенной частей УК РФ в своей совокупности позволяли привлекать к уголовной ответственности соучастников преступления без внесения изменений в Особенную часть УК РФ. Оптимальным вариантом было не изменять уголовный закон в этой части, а применять положения Общей и Особенной части УК РФ в совокупности.

В Особенную часть УК РФ возвращены статьи, содержащие признаки составов с административной преюдицией. Их число с каждым годом растет. Однако то, что сейчас вплетается в уголовно-правовую материю, вызывает тревогу. Составы с административной преюдицией стали «возрождать», например, объективное вменение (ст. 264¹ УК РФ), «позиции «теории опасного состояния личности» [7, с. 145]. Определенные неудачи в создании такого рода статей уже проявили себя на практике². Происходит не декриминализация деяний, а необоснованная криминализация, когда административные правонарушения переходят в ранг преступлений. При этом научного обоснования необходимости таких действий не представлено. Например, введение ст. 264² УК РФ обосновано двумя аргументами: превентивная цель и статистика возбужденных дел за один год³. Хотя в доктрине имеются ресурсы для проведения качественного криминологического исследования [5, с. 727]. Оптимальным является «не смешивать» самостоятельные отрасли законодательства, а искать пути их эффективного применения; использовать иные превентивные меры для уменьшения

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 201-АПУ17-30 от 29 августа 2017 года [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022 [процитировано 15 февраля 2022]. Доступно: <http://www.supcourt.ru>.

² Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой от 8 апреля 2021 года [сайт]. КонсультантПлюс; 2022 [процитировано 15 февраля 2022]. Доступно: <http://www.consultant.ru>.

³ Законопроект № 41607-8 [сайт]. Система обеспечения законодательной деятельности; 2022. [процитировано 15 февраля 2022]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41607-8>.

числа совершаемых административных правонарушений, опираться на уголовно-правовые и криминологические исследования при криминализации деяний. Потребность осмысления проблем построения такого вида статей, и их наличие в законе актуально и в случае введения в отечественный уголовный закон уголовных проступков [6, с. 6].

Приведем еще один пример. Состояние опьянения в первоначальной редакции УК РФ являлось «нейтральным» обстоятельством (ст. 23 УК РФ). Но уже в 2009 году в ст. 264 УК РФ оно стало квалифицирующим и особо квалифицирующим признаком составов преступлений. Позднее оно стало конструктивным признаком состава (ст. 264¹ УК РФ). В результате складывается противоречивая практика. Нередко, лицо доказывает, что употребление алкоголя (иных веществ) произошло после совершения преступления. Изменение ст. 63 УК РФ привело к тому, что суды, в случае установления наличия алкогольного опьянения при совершении различных преступлений, нередко признают его в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Так, например, лицо совершило разбой и кражу, районный суд посчитал отягчающим обстоятельством, что преступления были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Верховный Суд РФ исключил признание этого обстоятельства отягчающим¹. Наличие в Особой части УК РФ двух статей, где состояние опьянения указано в качестве конструктивного и квалифицирующего признаков, свидетельствует, что изменение законодательства в части признания состояния опьянения обстоятельством, повышающим степень общественной опасности, носит противоречивый характер.

В результате вносимых в Особую часть УК РФ изменений в целом ухудшается его законодательная техника. Законодатель то создает объемные, почти казуистичные статьи (например, ст. 141¹ УК РФ), то ограничивается ссылками на иной закон (ст. 264² УК РФ). И тот, и другой путь порочен. Та же проблема наблюдается и при создании санкций. Кроме того, они противоречивы. Например, в ч. 1.1 ст. 205¹ УК РФ предусмотрен более суровый вид наказания, чем в ч. 1 ст. 205 УК РФ [3, с. 47]. В доктрине обращено внимание на многочисленные системные ошибки [8, с. 149], соблюдении принципов уголовного права и положений Общей части УК РФ [4, с. 84–92] при построении санкций.

Противоречивость Особой части УК РФ сказывается и на правоприменение. Можно насчитать порядка 120 статей со значками 1, 2 и т.д. (например, 264² УК РФ и т.п.). Данные судебной статистики за 2019 – первое полугодие 2021 гг. свидетельствуют, что судами не применялись: ст. ст. 141¹, 144¹, 151², 170², 185², 185³, 185⁴, 185⁵, 185⁶, 199³, 199⁴, 200⁶, 207², 215¹, 215⁴, 217¹, 217², 230¹, 230², 234¹, 235¹, 243³, 244⁴, 271¹, 286¹, 330¹ УК РФ. Допустимо предположить, что примерно 20 – 25% из нововведенных статей в Особой части УК РФ «мертворожденные». Законодатель создает «мертвые» статьи, которые пытается «оживить», но этого на практике не происходит. Растет объем Особой части УК РФ, нарушается ее система, но не изменяется эффективность и практика применения.

Научная дискуссия

В ближайшее пятилетие нет оснований полагать, что ситуация улучшится. В Особую часть УК РФ, по-прежнему, будут ситуативно, хаотично вносить изменения, разрушая остатки системы [16, с. 330], создавая противоречия, дополняя ее новыми статьями. Сохранится тенденция на криминализацию новых деяний. Все чаще взор законодателя будет обращен к конструкциям, которые использовались в прошлых уголовных законах. Последние пять лет показали, что наибольшему числу изменений подверглись глава 22 (9 новых статей, 25 изменений 17 статей) и глава 24 УК РФ (3 новые статьи, 17 изменений 14 статей). Для следующих пяти лет, вероятно, будет характерным сохранение преимущественного реформирования главы 24 УК РФ, но также и положений раздела X УК РФ, увеличение объема этих структурных элементов. Однако, по-прежнему, остается важным найти баланс между соблюдением прав человека и криминализацией [2, с. 270], учитывая имеющийся отечественный [15, с. 301] и мировой опыт [10, с. 750]. Применительно к главе 22 УК РФ, возможно, будут редактироваться примечания, позволяющие освободить от уголовной ответственности в случае возмещения вреда. И в этом случае важным является опора на теоретические исследования [14, с. 590], но вряд ли в настоящее время на практике это достижимо.

Спасение Особой части УК РФ видится в разработке концептуальных основ ее построения. В доктрине, например, уже были представлены варианты концепции [1, с. 8], которые обсуждались в трудах отечественных исследователей [13], проект Особой части УК РФ

¹ ВС запретил считать само по себе опьянение отягчающим обстоятельством [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022 [прочитывано 15 февраля 2022]. Доступно: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29447/.

[12, с. 112], который подвергся критике в научной литературе [9, с. 185]. Рассматриваемый компонент уголовного закона в настоящее время следует «освободить» от «мертвых» статей, от необоснованно криминализированных статей, согласовать с Общей частью УК РФ. Новый уголовный закон или его новая редакция должны быть концептуально обоснованными.

Список использованной литературы:

1. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. *Уголовное право*. 2012;(4):4–12.
2. Генрих Н.В. Права человека и криминализация. *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(3):267–281. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).267-281.
3. Голенко Д.В. О законодательном конструировании преступлений террористической направленности в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (на примере ст. 205-205.6). *Юридический вестник Самарского университета*. 2020;6(3):46–52. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-46-52.
4. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2014;(1):84–92.
5. Коняхин В.П. Социально-психологические причины молодежного экстремизма в Краснодарском крае / В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова, А.В. Петровский. *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(6):724–733. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).724-733.
6. Коняхин В.П., Жук М.С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ. *Российский следователь*. 2012;(23):6–8.
7. Коробеев А.И. Бить или не бить: уголовно наказуемые побои как яблоко раздора между двумя ветвями власти. *Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)*: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова; Краснодар: Кубанский государственный университет; 2021.
8. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. Москва: Юрлитинформ; 2019.
9. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;10(107):172–189. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.172-189.
10. Крюссманн Т. Уголовное законодательство и права человека: некоторые примеры развития европейского уголовного права. *Всероссийский криминологический журнал*. 2020;14(5):745–757. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).745-757.
11. Лопашенко Н.А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона.

References:

1. Babaev M., Pudovochkin Yu. [The Concept of Criminal Law Policy of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2012;(4):4–12 (In Russ.)
2. Genrikh N.V. [Human Rights and Criminalization]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2021;15(3):267–281. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).267-281 (In Russ.)
3. Golenko D.V. [On the legislative construction of terrorist crimes in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (on the example of Articles 205-205.6)]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*. 2020;6(3):46–52. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-46-52 (In Russ.)
4. Inogamova-Khegai L.V. [Conceptual provisions of the reform of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava = Journal of Criminology at Baikal State University of Economics and Law*. 2014;(1):84–92. (In Russ.)
5. Konyakhin V.P. [Socio-psychological causes of youth extremism in Krasnodar Krai] / V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova, A.V. Petrovskii. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2021;15(6):724–733. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).724-733 (In Russ.)
6. Konyakhin V.P., Zhuk M.S. [Criminal Misdemeanor Law as a Subfield of Russian Criminal Law: A Prognostic Analysis]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2012;(23):6–8. (In Russ.)
7. Korobeev A.I. [Hitting or not hitting: criminal beatings as a bone of contention between the two branches of government]. *Progress and Continuity in Russian Criminal Law (to the 95th Anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th Anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996)*: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation / ed. by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova; Krasnodar: Kuban State University; 2021. (In Russ.)
8. Korobeev A.I. [Criminal Policy in Russia: From Genesis to Crisis]. Moscow: Yurлитinform; 2019. (In Russ.)
9. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. [Transportation crimes: new project - old flaws]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019;10(107):172–189. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.172-189 (In Russ.)
10. Kryussmann T. [Criminal Law and Human Rights: Some Examples of the Development of European Criminal Law]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2020;14(5):745–757. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).745-757 (In Russ.)
11. Lopashenko N.A. [On the doctrinal prerequisites for the creation of a new criminal law]. *Kriminologicheskii*

Криминологический журнал Балтийского государственного университета экономики и права. 2014;(4):5–13. DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).5-13.
zhurnal Baltiiskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava = Journal of Criminology at the Baltic State University of Economics and Law. 2014;(4):5–13. DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).5-13 (In Russ.)]

12. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания. *Russian Journal of Criminology.* 2007;11(1):109–118. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).109-118.

12. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Khutov K.M., Dolotov R.O. [Theoretical model of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: the main provisions of the structure and content]. *Russian Journal of Criminology.* 2007;11(1):109–118. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).109-118 (In Russ.)]

13. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: монография: в 2 ч. Ч. II. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; 2021.

13. Naumov A.V. [Crime and Punishment in Russian History]. Moscow: Prospect; 2021. (In Russ.)]

14. Пудовочкин Ю.Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности. *Вестник СПбГУ. Право.* 2021;12(3):584–603.

14. Pudovochkin Yu.E. [Theoretical issues of improving the legislation on exemption from criminal responsibility]. *Vestnik SPBGU. Pravo = Vestnik (Herald) of St. Petersburg State University. Law.* 2021;12(3):584–603. (In Russ.)]

15. Рарог А.И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации. *Всероссийский криминологический журнал.* 2020;14(2):298–304. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).298-304.

15. Rarog A.I. [Correlation of the Interests of the Person and the State in the Criminal Law of the Russian Federation]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology.* 2020;14(2):298–304. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).298-304 (In Russ.)]

16. Bezverhov A.G., Norvartyan Y.S. Systematicity of the criminal legislation of Russia: Methodology issues. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2019;12(3):325–342. DOI:10.17516/1997-1370-0397.

16. Bezverhov A.G., Norvartyan Y.S. Systematicity of the criminal legislation of Russia: Methodology issues. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2019;12(3):325–342. DOI:10.17516/1997-1370-0397.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голенко Диана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1810-3556>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana V. Golenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1810-3556>

СУБЪЕКТ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОПРОЕКТА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЫТКИ

Решетникова Г.А.

ИПСУБ «Удмуртский государственный университет»
(Университетская ул., 1, корп. 6, г. Ижевск, Удмуртская республика, 426034)

Ссылка для цитирования: Решетникова Г.А. Субъект принуждения к даче показаний в контексте законопроекта об установлении уголовной ответственности за пытки. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):40–46. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-40-46>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Решетникова Гульнара Аликовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ «Удмуртский государственный университет»

Адрес: Университетская ул., 1, корп. 6, г. Ижевск, Удмуртская республика, 426034

Тел.: +7 (341) 291-60-02

E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.04.2022

Статья принята к печати: 14.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Социальная обусловленность уголовной ответственности за применение пыток очевидна. События, произошедшие в 2021 г. в системе исполнения наказания, послужили поводом для принятия скорых и серьезных мер. Стремление законодателя решить эту социальную проблему, используя уголовно-правовые средства воздействия, заслуживает поддержки при условии соответствия формы выражения уголовно-правового запрета содержанию запрещаемого деяния.

Имеющиеся в законопроекте № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за пытки) предложения, ставят перед теорией, а в случае принятия законопроекта и практикой, ряд вопросов, в частности, о целесообразности включения в ст. 302 УК РФ нового субъекта – «иной сотрудник правоохранительного органа», позволяющее, согласно пояснительной записке, привлекать к уголовной ответственности за пытки сотрудников ФСИН России. В статье на примере указанного субъекта рассматриваются вопросы соответствия признака «иной сотрудник правоохранительного органа» другим объективным и субъективным признакам основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ, их сущности, следовательно, объему криминализации. На этой основе формулируются выводы.

Цель исследования заключается в выявлении допустимости включения в диспозицию нормы ст. 302 УК РФ еще одного субъекта, в способности, с помощью названного изменения решить поставленные в законопроекте задачи.

Цель работы определила решение следующих исследовательских *задач*: анализ приемов, использованных разработчиками законопроекта для криминализации пытки; установление сущностных признаков субъекта принуждения к даче показаний и их взаимообусловленности с иными признаками этого состава преступления; выяснение природы признака «иной сотрудник правоохранительного органа».

При выполнении работы были задействованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные *методы* исследования.

Предпринятое исследование позволило сформулировать некоторые *заключения*: преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, посягает на законность собрания доказательств в части надлежащих субъектов. Учитывая, что каждой стадии уголовного процесса соответствуют свои законодательно установленные участники уголовного судопроизводства с их собственной ролью, характером и направлениями деятельности, и реализуемыми ими функциями, «иной сотрудник правоохранительного органа» к их числу не относится. Происходит подмена понятий, когда процессуальное положение субъекта преступления подменяется должностным положением.

Сформулированные выводы ориентированы на дальнейшую разработку предложений организационно-правового и теоретического характера, формирование механизма уголовно-правового противодействия применению пыток.

Ключевые слова: незаконное физическое воздействие, принуждение, дача показаний, заключение, следователь, лицо, производящее дознание, молчаливое согласие, иной сотрудник правоохранительного органа.

THE SUBJECT OF COMPULSORY TO GIVE STATEMENTS IN THE CONTEXT OF THE BILL ON THE ESTABLISHMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TORTURE

Gulnara A. Reshetnikova

IPSUB "Udmurt State University"

(Universitetskaya str., 1, building 6, Izhevsk, Udmurt Republic, 426034)

Link for citation: Reshetnikova G.A. The subject of compulsory to give statements in the context of the bill on the establishment of criminal responsibility for torture. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):40–46. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-40-46>

CONTACT INFORMATION:

Gulnara A. Reshetnikova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of IPSUB "Udmurt State University"

Address: Universitetskaya str., 1, building 6, Izhevsk, Udmurt Republic, 426034

Tel.: +7 (341) 291-60-02

E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 14.04.2022

The article has been accepted for publication: 14.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The social conditionality of criminal liability for the use of torture is obvious. The events that took place in 2021 in the penitentiary system gave rise to urgent and serious measures. The desire of the legislator to solve this social problem, using criminal law means of influence, deserves support, provided that the form of expression of the criminal law prohibition corresponds to the content of the prohibited act.

The proposals contained in draft law No. 42307-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" (in terms of establishing criminal liability for torture) put before the theory, and if the bill is adopted and practice, a number of questions, in particular, about the advisability of including in Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation of a new subject – "another law enforcement officer", which, according to the explanatory note, makes it possible to prosecute employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for torture. In the article, using the example of the specified subject, the questions of the correspondence of the sign "another law enforcement officer" to other objective and subjective signs of the main corpus delicti under Part 1 of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, their essence, therefore, the scope of criminalization. On this basis, conclusions are drawn.

The purpose of the study is to identify the admissibility of including in the disposition of the norm of Art. 302 of the Criminal Code of another subject, in the ability, with the help of the named change, to solve the tasks set in the bill.

The purpose of the work determined the solution of the following research tasks: analysis of the methods used by the developers of the bill to criminalize torture; establishing the essential features of the subject of coercion to testify and their interdependence with other features of this *corpus delicti*; clarification of the nature of the sign "another law enforcement officer"; determination of the compliance of the named feature with the content of the direct object of coercion to testify, its adequate use in the norm of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation.

When performing the work, general, general scientific, private scientific and special research methods were used.

The conducted research allowed us to come to the following main result: a crime under Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation encroaches on the procedural procedure for obtaining evidence in a criminal case, bearing in mind the proper subjects for their collection. Considering that each stage of the criminal process has its own legally established participants in criminal proceedings with their own role, nature and activities, and the functions they perform, "another law enforcement officer" is not one of them. There is a substitution of concepts when the procedural position of the subject of the crime is replaced by the official position.

The formulated conclusions are focused on the further development of proposals of an organizational, legal and theoretical nature, the formation of a mechanism for criminal law counteraction to the use of torture.

Keywords: illegal physical influence, coercion, giving evidence, conclusion, investigator, person conducting an inquiry, tacit consent, other law enforcement officer.

Введение

Законопроектом № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за пытки), внесенным в декабре 2021 г. в Государственную Думу РФ предлагается расширить круг субъектов принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ). Вместе со следователем и лицом, производящим дознание, в проекте называется иной сотрудник правоохранительного органа. Таким образом, в новой редакции ст. 302 УК РФ «другое лицо» совершает это преступление, не только с ведома либо молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, но и иного сотрудника правоохранительного органа¹. Комментариев по этому предложению не содержится ни в отзыве Верховного Суда РФ, ни в заключении комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству (далее профильный комитет). В пояснительной записке к законопроекту указано, что им, например, может быть сотрудник ФСИН России, что предсказуемо. События, произошедшие в 2021 г. в системе исполнения наказания, согласно пояснениям субъектов законодательной инициативы, послужили причиной для принятия таких серьезных мер².

Проблема применения пыток существует не только в России, она имеется и в других иностранных государствах, например, в США [11, с. 415; 12, с. 823]. Опасность пытки заключается в том, что ее оправдание нередко объясняется государственными интересами [4, с. 13; 10, с. 572; 14, с. 38–40]. Это подрывает авторитет правоохранительной системы любого государства, становится причиной негативного к ней отношения со стороны всего общества³ [13, с. 397].

Элементарная оценка социальных и юридико-криминологических оснований едва ли дает повод для сомнений в необходимости уголовной ответственности за применение пыток. Этой же целью продиктованы и предлагаемые изменения. Как отмечают авторы законопроекта, настоящий проект федерального закона направлен на модернизацию положений Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за пытки⁴. Содержание изменений показывает, что они не расширяют и не сужают сферу уголовно-правовой репрессии, усиление

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [текст: электронный]. Доступно: URL: <file:///C:/Users/QWER/Downloads/207901436-207902453.pdf>.

² См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [текст: электронный]. Доступно: URL: <file:///C:/Users/QWER/Downloads/207901436-207902453.pdf>.

³ Там же.

⁴ Там же.

уголовной ответственности и наказания за применение пытки происходит за счет ранее криминализованных деяний. Интенсивность криминализации реализуется путем выделения квалифицированных составов [6, с. 62]. Так, деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением пытки, содержится в ч. 3 ст. 302 УК РФ¹. Это значит, что квалификация по этой части возможна, если в деянии лица имеются все признаки основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ.

Методы исследования

В работе были использованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные методы исследования. В частности, с помощью общего метода – обобщения, удалось сформулировать выводы в качестве промежуточных и итоговых результатов. Например, в качестве промежуточного результата был сформулирован вывод о том, что в поисках компромисса, законодатель в 2003 г., предусматривая Федеральным законом № 162-ФЗ уголовную ответственность за принуждение к даче показаний все же попытался сохранить процессуальный характер охраняемых правоотношений.

В процессе исследования среди общенаучных методов были использованы диалектический и логический методы исследования. Применявшиеся приемы, такие как, анализ, синтез, индукция и дедукция позволили выяснить и показать, в частности, то, что и потерпевшие, и субъекты преступления по ст. 302 УК РФ подразумевают лиц, принимающих участие в уголовном процессе. Анализ УПК РФ в совокупности с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позволил установить, что сотрудник ФСИН России не обладает необходимым процессуальным статусом для осуществления, процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 302 УК РФ.

Социологический метод исследования использовался для уяснения социальной обусловленности уголовной ответственности за пытки. Формально-юридический метод исследования применялся для установления подлинного смысла нормы ст. 303 УК РФ и оценки ее качества.

Результаты исследования

1. Предлагаемые законопроектом изменения Уголовного кодекса РФ в части установления уголовной ответственности за пытки не расширяют и не сужают сферу уголовно-правовой репрессии, усиление уголовной ответственности и наказания за применение пытки происходит за счет ранее криминализованных деяний. Интенсивность криминализации реализуется путем выделения квалифицированных составов преступлений.

2. Названные в диспозиции нормы ст. 302 УК РФ участники уголовного судопроизводства и совершаемые ими процессуальные действия определяют стадии уголовного процесса, следовательно, пределы совершения, предусмотренных этой статьей преступных деяний.

3. Уголовный закон в ст. 302 УК РФ указывает исключительно на лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства.

4. Включение в диспозицию нормы ст. 302 УК РФ «иной сотрудник правоохранительного органа» не ограничивает совершение рассматриваемого преступления какими-либо стадиями уголовного судопроизводства, то есть вообще не имеет к ним какого-либо отношения.

5. Преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, посягает на процессуальный порядок получения доказательств по уголовному делу, включая надлежащих субъектов по их собиранию. В этом заключается специальный характер нормы, указанной статьи, при ее применении, предусматривающий, специальные правила квалификации, закрепленные в ч. 3 ст. 17 УК РФ.

6. Учитывая, что каждой стадии уголовного процесса соответствуют свои законодательно установленные участники уголовного судопроизводства с их собственной ролью, характером и направлениями деятельности, и реализуемыми ими функциями, «иной сотрудник правоохранительного органа» к их числу не относится. Происходит подмена понятий, когда процессуальное положение субъекта преступления подменяется должностным положением.

Научная дискуссия

Вопрос о субъекте преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ непростой. Споры ведутся не столько по поводу, используемого в диспозиции признака «лицо, производящее дознание», предполагающего не должностное, а процессуальное положение лица [1, с. 359] с вытекающими отсюда правовыми последствиями, сколько вокруг такого понятия, как другое лицо, совершающее это преступление с ведома следователя или лица, производящего дознание, либо с их молчаливого согласия. В научной литературе идет дискуссия о том, является ли это лицо общим или

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [текст: электронный]. Доступно: URL: file:///C:/Users/QWER/Downloads/207901436-207902453.pdf.

специальным субъектом? Так, если автором, другое лицо признается общим субъектом, его исследование, затрагивает вопросы соучастия со специальным субъектом и специальные вопросы ответственности соучастников [3, с. 204]. Поскольку по смыслу ч. 4 ст. 34 УК РФ, лицо, не являясь специальным субъектом преступления, но при этом участвовавшее в его совершении, может выступать как организатор, подстрекатель или пособник.

В случае если «другое лицо» признается специальным субъектом, приобретение этого статуса, по мнению авторов, обуславливается фактом обязательного одобрения его действий следователем [8, с. 40] или лицом, производящим дознание. Например, «заручившись» поддержкой Р.Р. Галиакбарова, В. Панкратов отмечает, что в рассматриваемом случае имеется необходимое соучастие [8, с. 40], «когда законодатель сформулировал составы, в которых проявление собственно соучастия выступает в качестве необходимых, конструктивных признаков конкретных составов».

В судебной практике принуждение к даче показаний, совершаемое «другим лицом» с ведома или с молчаливого согласия лица, в чьем производстве находится расследуемое дело, необязательно (во всех случаях) образует соучастие¹.

Мы не ставили задачи разобраться в вопросах квалификации участия «другого лица» в совершении рассматриваемого преступления. Постановка этих проблем, скорее, иллюстрация неудачного дополнения в 2003 г. Федеральным законом № 162-ФЗ нормы ст. 302 УК РФ этим субъектом², продиктованных теми же соображениями, что и в рассматриваемом законопроекте. Косвенным доказательством этому является дополнение названным законом ст. 117 УК РФ примечанием с определением «пытка»³. Думаем, что дополнение субъектов принуждения к даче показаний другим лицом, было связано также с отсутствием, в частности, у сотрудника ФСИН необходимого процессуального статуса, о чем убедительно свидетельствуют положения уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴. Согласно ряду положений уголовно-процессуального закона (в частности, п. 1 ч. 1 ст. 40, 146, п. 3 ст. 149, 157 УПК РФ) органам дознания, к которым относятся и должностные лица ФСИН выполняют ряд процессуальных действий, включая неотложные следственные. Но вот предварительное расследование органы ФСИН не проводят (ст. 151 УПК РФ). Н. Митин отмечает «усеченность» полномочий органов ФСИН [7, с. 60].

Желание законодателя не допускать совершение преступления, указанного в ст. 302 УК РФ понятно. Хорошо известно, что стремление следователя или лица, производящего дознание благополучно окончить расследование, находящегося в его производстве дела, нередко становится основной причиной незаконных способов собирания доказательств, в использовании для этого, как правило, работников оперативных служб. Хотя, разумеется, не только их, поскольку буквальное толкование признака «другое лицо» предполагает возможность совершения этого преступления любым другим вменяемым физическим лицом, достигшим возраста, установленного УК РФ. Тем не менее, в поисках компромисса законодатель в 2003 г. все же с помощью конструкции «с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание» попытался сохранить процессуальный характер охраняемых правоотношений. Сохраняется ли такая позиция в рассматриваемом законопроекте? Посмотрим далее.

В заключении профильного комитета по законопроекту № 42307-8 отмечается, что включение осужденного в перечень лиц, принуждаемых к даче показаний, признается излишним, потому что согласно ст. 46 УПК РФ осужденным считается обвиняемый в отношении которого вынесен обвинительный приговор суда, тогда как в уголовно-правовом смысле показания могут давать лишь лица в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства⁵.

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 12-О12-5 от 16 февраля 2012 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08 декабря 2003 года № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Там же.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2022 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁵ Заключение комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2022. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8>.

Включение в перечень потерпевших лиц, например, подсудимого, предлагалось в научной литературе и для действующей редакции ст. 302 УК РФ¹ [2, с. 24]. Противники такого предложения считают это не целесообразным, аргументируя свою позицию смыслом ч. 2 ст. 47 УПК РФ, видя в обвиняемом того же подсудимого, осужденного или оправданного [3, с. 202]. Думаем, что здесь нужны другие доводы. Названные в диспозиции, рассматриваемой уголовно-правовой нормы участники уголовного судопроизводства и совершаемые ими процессуальные действия предопределяют стадии уголовного процесса, следовательно, пределы совершения, предусмотренных ст. 302 УК РФ преступных деяний. В этой связи реплика профильного комитета не учитывает того, что включение в диспозицию нормы ст. 302 УК РФ «иной сотрудник правоохранительного органа» не ограничивает совершение этого преступления какими-либо стадиями уголовного судопроизводства, как это сделано в действующей редакции ст. 302 УК РФ – стадиями досудебного производства. Точнее, «иной сотрудник правоохранительного органа» вообще не имеет к стадиям уголовного судопроизводства какого-либо отношения. Этот вывод вытекает из основной сути позиции профильного комитета: потерпевшие, а также лица, совершающие преступления по ст. 302 УК РФ – это лица, принимающие участие в уголовном деле. Имеется такая позиция и в научной литературе [5, с. 87].

Действия, предусмотренные диспозицией ст. 302 УК РФ, имеют целью получение доказательств по делу. Полагаем, что эти действия не следует ограничивать принуждением к даче показаний или к даче заключения исключительно в ходе допроса. Это вполне могут быть и другие следственные действия. Это обстоятельство позволяет согласиться с мнением о том, что данное преступление (ст. 302 УК РФ) объектом посягательства имеет установленный законом порядок получения доказательств по делу, включая субъектов их получения [9, с. 41]. В этом заключается специальная характеристика нормы, указанной статьи, при ее применении, предусматривающий специальные правила квалификации, закрепленные в ч. 3 ст. 17 УК РФ. И подтверждение тому находим в судебной практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая изменила приговор, признав норму ст. 302 УК РФ специальной нормой, а норму ст. 286 УК РФ общей нормой². В другом деле, Президиум Верховного Суда РФ приговор отменил и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления учитывая, что задержанный по подозрению в преступлении, в отношении которого осуществлялись преступные действия по принуждению к даче показаний, не был в установленном законом порядке признан подозреваемым, следовательно, не мог выступать участником уголовного судопроизводства (потерпевшим)³.

Учитывая, что каждой стадии уголовного процесса соответствуют свои законодательно установленные участники уголовного судопроизводства с их собственной ролью, характером и направлениями деятельности, и реализуемыми ими функциями, «иной сотрудник правоохранительного органа» к их числу не относится. В этой связи, каким образом, иной сотрудник правоохранительного органа, не наделенный в соответствии с нормами УПК РФ необходимым процессуальным статусом, может осуществлять предполагаемые ч. 1 ст. 302 УК РФ процессуальные действия? К тому же, в свете предполагаемых изменений, без ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание. Происходит подмена понятий, когда процессуальное положение субъекта преступления подменяется должностным положением, однако в рассматриваемой нами уголовно-правовой норме, должно быть в точности до наоборот.

Список использованной литературы:

1. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия: монография. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект; 2008.
2. Васильева А.М., Васильева Н.А. Признание вины под принуждением. *Администратор суда*. 2012;(2):23–27.
3. Гаг И.А. Некоторые проблемы диспозиции принуждения к даче показаний. *Вестник*

References:

1. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. [*Handbook of the judge: crimes against justice*]. М.: ТК Velby, Prospekt Publishing House; 2008. (In Russ.)]
2. Vasil'eva A.M., Vasil'eva N.A. [Confession of guilt under duress]. *Administrator suda = Court Administrator*. 2012;(2):23–27. (In Russ.)]
3. Gaag I.A. [Some problems of the disposition of coercion to testify]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta =*

¹ Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 17.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 25 октября 2000 года [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022. Доступно: <https://vsrf.ru/files/10738/>.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2001 года [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022. Доступно: <https://vsrf.ru/documents/practice/15044/>.

Кемеровского гос. ун-та. 2015;(4–2(64)):201–204.

4. Дворянсков И. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона. *Уголовное право.* 2005;(1):13–15.

5. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации незаконного понуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ). *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2015;4(34):86–90.

6. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та; 1987.

7. Митин Н. Рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях в учреждениях и органах ФСИН. *Законность.* 2013;(6(994)):57–60.

8. Панкратов В. Ответственность за пытку в уголовном законодательстве Российской Федерации. *Уголовное право.* 2005;(4):38–40.

9. Попов Н., Попова Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 302 УК. *Уголовное право.* 2005;(4):41–44.

10. Чуксина В.В. Предупреждение пыток и связанных с ними видов практики с позиции прав человека. *Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права.* 2015;9(3):571–583.

11. Conley A. Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement Under International Law. *Vienna Journal on International Constitutional Law.* 2013;7(4):415–453.

DOI: <https://doi.org/10.1515/icl-2013-0402>.

12. Luban D., Shue H. Mental Torture: A Critique of Erasures in U.S. Law. *Georgetown Law Journal.* 2012;(100):823–863.

URL: <https://ssrn.com/abstract=1797806>.

13. Weitzer R. Incidents of police misconduct and public opinion. *Journal of Criminal Justice.* 2002;(30,5):397–408. URL: <https://ssrn.com/abstract=2051480>.

14. Westley W. Violence and the Police. *American Journal of Sociology.* 1953;(59):34–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Решетникова Гульнара Аликовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ «Удмуртский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0126-6981>

Bulletin of the Kemerovo State University. 2015;(4–2(64)):201–204. (In Russ.)]

4. Dvoryanskov I. [Punishment or torture: the paradox of the criminal law]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2005;(1):13–15. (In Russ.)]

5. Epikhin A.Yu. [Cross-sectoral problems of qualification of illegal coercion to testify (Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice.* 2015;4(34):86–90. (In Russ.)]

6. Korobeev A.I. [Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization]. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta; 1987. (In Russ.)]

7. Mitin N. [Consideration and resolution of reports of crimes in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service]. *Zakonnost' = Legality.* 2013;(6(994)):57–60. (In Russ.)]

8. Pankratov V. [Responsibility for torture in the criminal legislation of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2005;(4):38–40. (In Russ.)]

9. Popov N., Popova L. [Object of the crime under Art. 302 of the Criminal Code]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2005;(4):41–44. (In Russ.)]

10. Chuksina V.V. [Prevention of torture and related practices from a human rights perspective]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gos. un-ta ehkonomiki i prava = Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law.* 2015;9(3):571–583. (In Russ.)]

11. Conley A. Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement Under International Law. *Vienna Journal on International Constitutional Law.* 2013;7(4):415–453.

DOI: <https://doi.org/10.1515/icl-2013-0402>.

12. Luban D., Shue H. Mental Torture: A Critique of Erasures in U.S. Law. *Georgetown Law Journal.* 2012;(100):823–863.

URL: <https://ssrn.com/abstract=1797806>.

13. Weitzer R. Incidents of police misconduct and public opinion. *Journal of Criminal Justice.* 2002;(30,5):397–408. URL: <https://ssrn.com/abstract=2051480>.

14. Westley W. Violence and the Police. *American Journal of Sociology.* 1953;(59):34–41.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulnara A. Reshetnikova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of IPSUB "Udmurt State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0126-6981>

ОЦЕНКА ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДЕЙ ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРОВ ПО ИТОГАМ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Костенко Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В. Оценка достаточности доказательств судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):47–57. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-47-57>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.04.2022

Статья принята к печати: 18.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Актуальность настоящего научного исследования определяется положительной динамикой развития отечественного законодательства в сторону расширения уголовных дел, подсудных присяжным заседателям. При этом, сложившееся доктринальное отношение по вопросу об оценке достаточности доказательств при постановлении приговоров, в том числе выражаемое в правовых позициях Верховного Суда РФ, выступает важнейшим фактором, оказывающим влияние на существующие подходы в правоприменительной деятельности при производстве в суде с участием присяжных заседателей. Соответственно, значимость обращения с точки зрения теории к проблемам нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики, связанным с оценкой достаточности доказательств председательствующим судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, не вызывает сомнений.

Цель настоящего научного исследования – выявить проблемы нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики, связанные с оценкой достаточности доказательств председательствующим судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, и предложить пути их решения.

Задачами исследования стали: анализ различных научных взглядов в теории уголовного процесса по вопросу об оценке доказательств в суде присяжных, в том числе обращение к актуальной проблеме стандартов доказывания; констатация сложившегося неоднозначного толкования в практике Верховного Суда РФ вопроса об оценке доказательств с точки зрения их достаточности в суде присяжных; исследование норм действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующих оценку достаточности доказательств председательствующим судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей в зависимости от вида выносимого вердикта присяжных; формирование собственной позиции по указанным вопросам, а также формулирование авторских предложений.

Методы: диалектический, формально-логический, юридико-догматический, толкования правовых норм, описательный, дедукция, обобщение.

Результаты:

1. Констатируется необходимость выработки единого доктринального подхода к вопросу об оценке достаточности доказательств в суде присяжных, в том числе посредством внятной правовой позиции Верховного Суда РФ, который вопреки положениям УПК РФ относит оценку достаточности доказательств к исключительной компетенции присяжных заседателей.

2. Обосновывается важность существующих процессуальных гарантий действующего УПК РФ, позволяющих председательствующему судье самостоятельно путем произведенной им оценки достаточности доказательств установить отсутствие в деянии признаков преступления и постановить оправдательный приговор даже вопреки обвинительному вердикту коллегии присяжных заседателей.

3. Указывается на противоречивость законодательного регулирования оснований оправдания по итогам оценки достаточности доказательств председательствующим судьей по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в ч. 5 ст. 348 УПК РФ, в которой одним из оснований для постановления оправдательного приговора названа не доказанность участия подсудимого в совершении преступления, тогда как п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ предусматривает иную формулировку основания оправдания – подсудимый не причастен к совершению преступления.

Ключевые слова: суд присяжных, оценка достаточности доказательств, председательствующий в суде присяжных, постановление приговора.

ASSESSMENT OF THE SUFFICIENCY OF EVIDENCE BY THE JUDGE WHEN PASSING SENTENCES BASED ON THE RESULTS OF CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES WITH THE PARTICIPATION OF JURORS

Roman V. Kostenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kostenko R.V. Assessment of the sufficiency of evidence by the judge when passing sentences based on the results of consideration of criminal cases with the participation of jurors. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):47–57. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-47-57>

CONTACT INFORMATION:

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure
FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.04.2022

The article has been accepted for publication: 18.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The relevance of this scientific research is determined by the positive dynamics of the development of domestic legislation towards the expansion of criminal cases under the jurisdiction of jurors. At the same time, the prevailing doctrinal attitude on the issue of assessing the sufficiency of evidence in sentencing, including expressed in the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, is the most important factor influencing existing approaches in law enforcement activities in court proceedings with the participation of jurors. Accordingly, the significance of the appeal from the point of view of theory to the problems of regulatory regulation and law enforcement practice related to the assessment of the

sufficiency of evidence by the presiding judge when deciding sentences based on the results of consideration of criminal cases with the participation of a jury is beyond doubt.

The purpose of this scientific research is to identify the problems of regulatory regulation and law enforcement practice related to the assessment of the sufficiency of evidence by the presiding judge when passing sentences based on the results of consideration of criminal cases with the participation of a jury, and to suggest ways to solve them.

The objectives of the study were: analysis of various scientific views in the theory of criminal procedure on the evaluation of evidence in a jury trial, including an appeal to the actual problem of standards of proof; statement of the existing ambiguous interpretation in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation of the issue of evaluation of evidence in terms of their sufficiency in a jury trial; the study of the norms of the current criminal procedure legislation of the Russian Federation regulating the assessment of the sufficiency of evidence by the presiding judge when passing sentences based on the results of the consideration of a criminal case with the participation of a jury, depending on the type of jury verdict; the formation of their own position on these issues, as well as the formulation of author's proposals.

Methods: dialectical, formal-logical, legal-dogmatic, interpretation of legal norms, descriptive, deduction, generalization.

Results:

1. It is stated that there is a need to develop a unified doctrinal approach to the issue of assessing the sufficiency of evidence in a jury trial, including through a clear legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, which, contrary to the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, refers the assessment of the sufficiency of evidence to the exclusive competence of jurors.

2. The importance of the existing procedural guarantees of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is justified, allowing the presiding judge to independently establish the absence of signs of a crime in the act by assessing the sufficiency of evidence and to pass an acquittal even despite the guilty verdict of the jury.

3. The inconsistency of the legislative regulation of the grounds for acquittal is indicated based on the results of the assessment of the sufficiency of evidence by the presiding judge following the consideration of criminal cases with the participation of jurors in Part 5 of Article 348 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in which one of the grounds for the decision of the acquittal is not the evidence of the defendant's participation in the commission of a crime, whereas paragraph 2 of Part 2 of Article 302 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides a different formulation of the grounds for acquittal – the defendant is not involved in the commission of a crime.

Keywords: jury trial, assessment of the sufficiency of evidence, the presiding judge of the jury, the ruling of the verdict.

Введение

Действующий УПК РФ позволяет председательствующему судье самостоятельно путем произведенной им оценки достаточности доказательств установить отсутствие в деянии признаков преступления и постановить оправдательный приговор вопреки обвинительному вердикту коллегии присяжных заседателей, однако, согласно особой правовой позиции Верховного Суда РФ, оценка достаточности доказательств относится к исключительной компетенции присяжных заседателей. В то же самое время необходимо констатировать противоречивость законодательного регулирования оснований оправдания в порядке ч. 5 ст. 348 УПК РФ по итогам оценки достаточности доказательств председательствующим судьей при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Методы исследования

В ходе проведения исследования проблем оценки достаточности доказательств судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей использовались общенаучные и частно-научные методы.

В качестве основного был использован диалектический метод познания, который позволил выстроить всю методологию научного исследования.

Формально-логический метод позволил осуществить анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, практику его применения в сфере оценки достаточности доказательств судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Юрико-догматический метод позволил отметить, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в одном из своих решений указала, что вопрос оценки доказательств, в том числе и с точки зрения их достаточности, относится к компетенции присяжных заседателей.

Между тем УПК РФ фактически запрещает председательствующему судье оценивать доказательства с точки зрения их достаточности только при оправдательном вердикте коллегии присяжных заседателей.

Метод толкования правовых норм позволил критически оценить некоторые положения УПК РФ, регламентирующие особенности порядка производства в суде с участием присяжных заседателей.

Дедукция, как метод научного исследования, позволил осуществить переход от общего к частному в результате анализа существующих законодательных норм УПК РФ посредством внесения предложений по их совершенствованию.

В статье используются такие специализированные термины, как «оценка достаточности доказательств», «постановление приговора», «производство в суде с участием присяжных заседателей», «председательствующий судья».

Результаты исследования

В качестве основных результатов проведенного исследования можно указать следующие положения.

1. Действующий УПК РФ обязывает председательствующего формировать описательно-мотивировочную часть обвинительного приговора в соответствии с требованиями, предусмотренными для общего порядка судебного разбирательства (п. 3 ст. 350 УПК РФ). Достаточные доказательства в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора выступают основой не «выводов суда в отношении подсудимого», они представляют собой средство установления конкретных обстоятельств совершённого преступления, доказанность наличия которых является основанием признания подсудимого виновным в совершении преступления, привлечения его к уголовной ответственности и применения различных видов обвинительного приговора.

2. Следует учитывать необходимость корреляции между утвердительными ответами присяжных заседателей на каждый из трех вопросов, указанных в ч. 1 ст. 339 УПК РФ, и основаниями постановления обвинительного приговора председательствующим по уголовному делу. Поэтому в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, выносимого на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, председательствующий обязан отразить, *во-первых*, доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; *во-вторых*, доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что это деяние совершил подсудимый, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; *в-третьих*, доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что подсудимый виновен в совершении этого преступления, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

3. Главный императив для председательствующего сформулирован в ч. 1 ст. 348 УПК РФ. В соответствие с указанной нормой, оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора. Законодатель фактически запрещает председательствующему судье оценивать доказательства с точки зрения их достаточности при оправдательном вердикте коллегии присяжных заседателей.

4. При вынесении оправдательного вердикта коллегией присяжных и при отказе государственного обвинителя от обвинения, председательствующий судья обязан согласиться с результатами оценки доказательств, осуществленными присяжными или государственным обвинителем, в том числе и с точки зрения их достаточности либо недостаточности для установления значимых для уголовного дела обстоятельств. Таким образом, при постановлении оправдательного приговора в этих ситуациях председательствующий судья не оценивает достаточность доказательств.

Научная дискуссия

В науке уголовного процесса делается вывод о том, «процессуальные взаимоотношения судьи и присяжных заседателей строятся в России по англосаксонскому типу – по типу процессуальной доминанты (при превалирующем объеме прав председательствующего в исследовании доказательств). Об этом, в частности, свидетельствуют нормы УПК РФ, закрепляющие такое процессуальное положение судьи-профессионала, при котором он в значительной части решает вопрос об объеме и степени исследования присяжными заседателями доказательств, а также разрешает использование последними конкретных процессуальных способов исследования

доказательств»¹. Поэтому одни авторы рассматривают полномочия председательствующего как правовую предпосылку неправомерного воздействия на присяжных заседателей². Другие предлагают ограничивать познавательную активность председательствующего по делу судьи и сводить ее только к определенным случаям³.

Е.Г. Котеля настаивает на дифференциации правил оценки доказательств для профессиональных участников уголовного судопроизводства и для присяжных заседателей⁴.

Верно также обращается внимание на то, что «при руководстве процессом исследования доказательств в судебном заседании у председательствующего складывается собственное представление о фактических обстоятельствах дела и виновности либо невиновности подсудимого»⁵.

Отдельно следует сказать о том, что современное понимание информационной концепции уголовно-процессуальных доказательств [9, с. 13–15] не вступает в противоречия, например, с такими постулируемыми положениями, согласно которым процессуальная форма доказательств находится в тесной взаимосвязи в структуре элементов доказательственного процесса [6, с. 1011–1012; 7, с. 1684–1685].

Однако, при этом стандарты доказывания (standards of proof), которые выступают критерием достаточности доказательств в странах общего права, практически остаются неизвестными современной российской теории уголовного процесса, прежде всего вследствие того, что в странах континентального права, включая Россию, традиционным был и по-прежнему остается подход, согласно которому единственной целью доказывания в уголовном судопроизводстве является установление не знающей никаких градаций объективной истины, а вероятность практически из нее исключается.

В связи с этим авторы Доктринальной модели доказательственного права РФ предлагают ввести «доказательственный стандарт» [1, с. 20]. «Доказательственный стандарт составляет единое целое с формой уголовного процесса и обуславливает определенную парадигму уголовно-процессуального познания, технологию доказывания (производства) истины. Определяются три вида доказательственных стандартов: «вне разумного сомнения», «высокая степень вероятности», «судебная (процессуальная) истина»⁶.

Наибольшую разработку из всех имеющихся на данный момент получило учение о стандартах доказанности в английской теории и практике уголовного судопроизводства [3, с. 75].

Необходимость доказывания на основе стандарта ясных и убедительных доказательств в делах ряда категорий установил Верховный суд США [8, с. 1034]. Обязательность более высокого стандарта доказывания в американских судах объясняется конституционным требованием о надлежащей правовой защите [4, с. 111].

Стандарт доказанности «вне разумных сомнений» в последнее время подвергается в англоязычной литературе и практике сомнению, поскольку он иногда вызывает трудности в понимании присяжными, ввиду чего его пытаются трактовать как доказательства, которые приводят к уверенности (proof which makes the jury sure), т.е. уверенность в вине [5, с. 106].

В континентальной системе права градация стандартов доказанности практически отсутствует, если не считать некоторых весьма неопределенных критериев для разных видов подозрения в совершении лицом преступления, которые применяются в германском уголовном процессе⁷.

¹ Шидловская Ю.В. Участие присяжных заседателей в исследовании доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007. С. 18.

² Развейкина Н.А. Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 12.

³ Туленков Д.П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 195.

⁴ Котеля Е.Г. Уголовно-процессуальный статус присяжных заседателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 24.

⁵ Беляев М.В. Судебные решения в Российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 324–325.

⁶ Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 63–64.

⁷ Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 34–76.

Со второй половины 2018 года вступили в силу изменения УПК РФ, согласно которым стало возможным производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей в районных судах и по большому перечню статей УК РФ¹. В 2021 году также, как и в 2020 году, доля оправдательных вердиктов и последующих оправдательных приговоров остается стабильной и даже немного растет. Исходя из Сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2021 года, представленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, во всех судах с участием присяжных в первой половине 2021 года были оправданы 31% (196) подсудимых (т.е. каждый третий)². В то же время устойчивой тенденцией практики производства в суде с участием присяжных заседателей в 2021 году остался высокий процент отмены оправдательных приговоров. В первом полугодии 2021 года в апелляционном порядке были отменены 110 оправдательных приговоров и 52 обвинительных, т.е. оправдательные отменялись вдвое чаще³. По мнению С.А. Насонова, «эти показатели свидетельствуют о существовании так называемых «двойных» стандартов – ведь нарушения УПК РФ не могут выявляться преимущественно по делам, завершившимся оправдательным приговором. Приведение стандартов соблюдения норм УПК РФ в судебном заседании с участием присяжных к «общему знаменателю» – задача, от решения которой будет зависеть эффективность дальнейшего расширения этого института»⁴.

Важным фактором, влияющим на существующие подходы в правоприменительной деятельности при производстве в суде с участием присяжных заседателей, выступает сложившееся доктринальное отношение по вопросу об оценке достаточности доказательств при постановлении приговоров, в том числе выражаемое в правовых позициях Верховного Суда РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в одном из своих решений указала, что вопрос оценки доказательств, в том числе и с точки зрения их достаточности, относится к компетенции присяжных заседателей⁵. Полагаю, что данный вывод справедлив лишь отчасти, поскольку согласно ч. 2 ст. 348 УПК РФ, обвинительный вердикт присяжных заседателей обязателен для председательствующего по уголовному делу не во всех случаях. Обвинительный вердикт коллегии присяжных заседателей не препятствует постановлению оправдательного приговора, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления (ч. 4 ст. 348 УПК РФ). В основу оправдательного приговора в данной ситуации должны быть положены достаточные доказательства, свидетельствующие о том, что деяние подсудимого не содержит признаков вменяемого ему в вину преступления. Председательствующий самостоятельно путем произведенной им оценки достаточности доказательств может признать отсутствие в деянии признаков преступления и постановить оправдательный приговор даже вопреки обвинительному вердикту коллегии присяжных заседателей. Отсюда разбирательство уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей может закончиться принятием председательствующим оправдательного приговора, в том числе, когда он признал отсутствие в деянии признаков преступления (п. 2 ч. 1 ст. 350 УПК РФ). В то же самое время, необходимо обратить внимание на то, что ч. 2 ст. 302 УПК РФ не предусматривает такого основания оправдания, как «отсутствие в деянии признаков преступления». По мнению Н.В. Урлекова, п. 2 ч. 1 ст. 350 УПК РФ следует признать противоречивым, и поэтому он считает необходимым в указанной норме словосочетание «не содержит признаков преступления» заменить фразой «отсутствие в деянии подсудимого состава преступления» в соответствующих падежах⁶. По существу аналогичных взглядов придерживается

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2021 года [сайт]. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации; 2022 [протитировано 01 марта 2022]. Доступно: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>.

³ Там же.

⁴ Насонов С.А. Суд присяжных в России: тенденции уходящего года [сайт]. Адвокатская газета; 2022 [протитировано 02 марта 2022]. Доступно: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-tendentsii-ukhodyashchego-goda/>.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09 июля 2009 года № 74-о09-19сп [сайт]. Электронная библиотека «Судебная система РФ»; 2022 [протитировано 01 марта 2022]. Доступно: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_42730.htm.

⁶ Урлеков Н.В. Институт присяжных заседателей: правовые основы деятельности и процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 22.

С.В. Фискевич, который предлагает и в ч. 4 ст. 348 УПК РФ, и в п. 2 ст. 350 УПК РФ изменить словосочетание «не содержит признаков преступления» на формулировку «в деянии подсудимого отсутствует состав преступления»¹.

Отдельные авторы, напротив, не видят противоречий в нормах, предусматривающих возможность оправдания вопреки обвинительному вердикту коллегии присяжных заседателей, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления. «Это возможно, например, когда присяжные заседатели признали недоказанными большинство вмененных подсудимому эпизодов, а то, что признали доказанным, в силу малозначительности не содержит всех необходимых признаков преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ)»².

С указанными рассуждениями соглашается Т.А. Владыкина, которая, опираясь на уже нормы ч. 1 ст. 14 УК РФ, заключает, что, если в деянии подсудимого не установлены признаки преступления это влечет постановление председательствующим оправдательного приговора вопреки обвинительному вердикту присяжных заседателей³.

Оригинальную позицию высказывает Т.Ю. Маркова. На основе анализа полномочий председательствующего судьи, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 348 УПК РФ, она делает вывод, что «во время обсуждения последствий вынесенного присяжными заседателями обвинительного вердикта защитник вправе настаивать на том (не ставя под сомнение правильность вердикта), что деяние, признанное доказанным присяжными заседателями, не содержит *признаков преступления*, что отсутствует событие *преступления* или что не доказано участие подсудимого в совершении *преступления*, т.е. вправе просить судью принять одно из указанных решений. При этом запрет, установленный законодателем, не будет нарушаться, поскольку присяжные заседатели устанавливая доказанность деяния (а не преступления) и совершение этого деяния (а не преступления) подсудимым, а защитник лишь дает правовую оценку фактическим обстоятельствам, признанным доказанными вердиктом»⁴.

Анализ практики Верховного Суда РФ показывает, что применение основания постановления оправдательного приговора председательствующим ввиду того, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления (ч. 4 ст. 383 УПК РФ), отождествляется с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления. Так, «вердиктом коллегии присяжных заседателей Л. признан виновным в том, что, не имея соответствующего разрешения, взял в доме И. газовый револьвер, привез его в центр г. Ульяновска, а затем в свою квартиру, где хранил его, периодически брал и носил его. Затем выбросил этот револьвер в подъезде дома потерпевших И. Признавая Л. виновным в незаконном сбыте газового оружия, суд не учел, что под сбытом следует понимать отчуждение в собственность иных лиц в результате совершения какой-либо противоправной сделки. По данному делу Л. газовый пистолет никому не отчуждал, а выбросил его, убегая от сотрудников правоохранительных органов. Согласно требованиям ч. 4 ст. 348 УПК РФ обвинительный вердикт присяжных заседателей не препятствует постановлению оправдательного приговора, если деяние осужденного не содержит признаков преступления. При таких обстоятельствах судебные решения в части осуждения Л. по ст. 222 ч. 4 УК РФ за незаконный сбыт газового оружия подлежат отмене, а дело – прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления»⁵.

Еще одно исключение из правила об обязательности обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей для председательствующего по уголовному делу предусмотрено в ч. 5 ст. 348 УПК РФ. Председательствующий судья может не согласиться с обвинительным вердиктом присяжных, вынести решение о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на рассмотрение иным составом суда (ч. 5 ст. 348 УПК РФ, п. 4 ст. 350 УПК РФ). Если председательствующий признает, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду

¹ Фискевич С.В. Оценка доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 120–121.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юристъ», 2004. С. 232.

³ Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 259.

⁴ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 29.

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 июля 2005 года № 377п05 [сайт]. Электронная библиотека «Судебная система РФ»; 2022 [процитировано 01 марта 2022]. Доступно: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_32185.htm.

того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, то он выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания. Основанием для такого решения должны стать достаточные доказательства того, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления. Однако, самостоятельно на основе произведенной оценки достаточности доказательств председательствующий судья в данном случае не вправе вынести оправдательный приговор. Он может лишь принять решение о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания. Здесь необходимо обратить внимание на то, что законодатель, допуская возможность председательствующим самостоятельно оценки доказательств с точки зрения их достаточности, основания признания доказательств таковыми согласно ч. 5 ст. 348 УПК РФ, на мой взгляд, определяет не совсем корректно. В ч. 5 ст. 348 УПК РФ одним из оснований для постановления оправдательного приговора названа недоказанность участия подсудимого в совершении преступления, тогда как п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ предусматривает иную формулировку основания оправдания – подсудимый не причастен к совершению преступления.

Указанный выше механизм принятия итоговых судебных решений с участием присяжных заседателей, как справедливо замечает М.В. Беляев, «является сложным и по сути своей смешанным: ключевые его этапы – установление фактических обстоятельств дела и юридическая квалификация – осуществляются разными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, фактически обстоятельства дела устанавливаются «в чистом виде» лицами, не отягощенными юридическими знаниями, а квалификация содеянного и выбор подлежащей применению правовой нормы – председательствующим, принимающим установленные присяжными фактические обстоятельства дела и выносящим решение на условии опосредованного ими познания. Выносимое председательствующим итоговое судебное решение основано не на фактических обстоятельствах дела, имевших место в действительности и установленных им самим, а на фактических обстоятельствах дела в том виде, в котором они установлены присяжными заседателями»¹.

Обвинительный приговор, выносимый на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, постановляется председательствующим в порядке, установленном главой 39 УПК РФ. При обвинительном вердикте председательствующий судья должен обеспечить сторонам возможность исследовать доказательства, не подлежащие исследованию с участием присяжных заседателей, высказаться о содержании состава преступления в деянии, признанном доказанным присяжными заседателями, о квалификации преступления, о признании в действиях подсудимого рецидива преступлений и по другим вопросам, разрешаемым судом при постановлении обвинительного приговора.

В соответствии с ч. 3 ст. 351 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого коллегия присяжных заседателей признала подсудимого виновным, мотивировку квалификации его действий на основании вердикта присяжных заседателей, а также решение по другим вопросам (гражданскому иску, судьбе вещественных доказательств и т.д.).

По нашему мнению, вопрос о том, должен ли председательствующий судья оценивать доказательства с точки зрения их достаточности при вынесении обвинительного приговора на основе обвинительного вердикта коллегии присяжных, имеет однозначный положительный ответ. Поскольку действующий УПК РФ обязывает председательствующего формировать описательно-мотивировочную часть обвинительного приговора в соответствии с требованиями, предусмотренными для общего порядка судебного разбирательства (п. 3 ст. 350 УПК РФ). Достаточные доказательства в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора выступают основой не «выводов суда в отношении подсудимого», они представляют собой средство установления конкретных обстоятельств совершенного преступления, доказанность наличия которых является основанием признания подсудимого виновным в совершении преступления, привлечения его к уголовной ответственности и применения различных видов обвинительного приговора. Кроме того, следует учитывать необходимость корреляции между утвердительными ответами присяжных заседателей на каждый из трех вопросов, указанных в ч. 1 ст. 339 УПК РФ, и основаниями

¹ Беляев М.В. Указ. соч. С. 325–326.

постановления обвинительного приговора председательствующим по уголовному делу. Поэтому в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, выносимого на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, председательствующий обязан отразить, *во-первых*, доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; *во-вторых*, доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что это деяние совершил подсудимый, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; *в-третьих*, доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что подсудимый виновен в совершении этого преступления, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

Оценка достаточности доказательств председательствующим судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей обусловлена и зависит от вида выносимого вердикта присяжных. Согласно ч. 1 ст. 346 УПК РФ, при вынесении коллегией присяжных заседателей вердикта о невиновности подсудимого председательствующий объявляет его оправданным, немедленно освобождает из-под стражи в зале судебного заседания. И лишь после этого суд приступает к обсуждению последствий вердикта. При обсуждении последствий вердикта о невиновности подсудимого стороны высказываются лишь по основаниям постановления оправдательного приговора, предусмотренным ч. 2 ст. 302 УПК РФ, по вопросам, связанным с разрешением гражданского иска и судьбы вещественных доказательств, распределением процессуальных издержек¹.

Главный императив для председательствующего при этом сформулирован в ч. 1 ст. 348 УПК РФ. В соответствии с указанной нормой, оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора. Законодатель фактически запрещает председательствующему судье оценивать доказательства с точки зрения их достаточности при оправдательном вердикте коллегии присяжных заседателей.

Одной из особенностей вердикта присяжных заседателей является то, что они не должны мотивировать свои выводы наличием или отсутствием тех или иных доказательств. Поэтому в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагается только существо обвинения, по поводу которого коллегией присяжных заседателей был вынесен оправдательный вердикт, и содержатся ссылки на вердикт коллегии присяжных заседателей либо отказ государственного обвинителя от обвинения. Приведение доказательств требуется лишь в части, не вытекающей из вердикта, вынесенного коллегией присяжных заседателей (п. 2 ст. 351 УПК РФ). Кроме того, как в описательно-мотивировочной, так и в резолютивной части оправдательного приговора, помимо ссылки на вердикт присяжных заседателей необходимо конкретизировать основания оправдания в соответствии с ответами присяжных заседателей на поставленные перед ними три основных вопроса. При отрицательном ответе на первый вопрос о доказанности деяния подсудимый должен быть оправдан за неустановлением события преступления (п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). При положительном ответе на первый вопрос и отрицательном на второй вопрос о доказанности причастности к совершению преступления подсудимый оправдывается за непричастностью к совершению преступления (п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). При положительном ответе на два первых вопроса и отрицательном на третий вопрос подсудимый должен быть оправдан за отсутствием состава преступления (п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ).

Некоторые процессуалисты связывают предусмотренную действующим уголовно-процессуальным законодательством фактическую невозможность председательствующим судьей адекватно оценить достаточность доказательства в случае вынесения оправдательного вердикта присяжными с тем, что в УПК РФ отсутствуют гарантии того, что оправдательный приговор в суде присяжных также должен быть обоснован достаточными доказательствами, устанавливающими отсутствие события преступления либо отсутствие в деянии состава преступления [2, с. 199].

Другие предлагают видоизменить уголовно-процессуальный закон таким образом, чтобы если судья с учетом результатов судебного следствия до постановки вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, признает, что имеются предусмотренные ч. 2 ст. 302 УПК РФ основания для постановления оправдательного приговора в отношении подсудимого, он мог прервать судебное

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 (ред. от 15.05.2018 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

разбирательство и удалиться в совещательную комнату для постановления оправдательного приговора¹.

Председательствующий может постановить оправдательный приговор по итогам судебного разбирательства с участием коллегии присяжных заседателей в следующих случаях. *Во-первых*, после вынесения оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей (ч. 1 ст. 348 УПК РФ). *Во-вторых*, после вынесения обвинительного вердикта коллегией присяжных заседателей, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления (ч. 4 ст. 348 УПК РФ). *В-третьих*, после отказа государственного обвинителя от обвинения (как указано в п. 2 ч. 1 ст. 351 УПК РФ, в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора может содержаться ссылка на отказ государственного обвинителя от обвинения). В двух из перечисленных случаях, а именно, при вынесении оправдательного вердикта коллегией присяжных и при отказе государственного обвинителя от обвинения, председательствующий судья обязан согласиться с результатами оценки доказательств, осуществленными присяжными или государственным обвинителем, в том числе и с точки зрения их достаточности либо недостаточности для установления значимых для уголовного дела обстоятельств. Таким образом, при постановлении оправдательного приговора в этих ситуациях председательствующий судья не оценивает достаточность доказательств. Однако, того же самого нельзя сказать в третьем из перечисленных нами случаев вынесения оправдательного приговора в суде присяжных.

Список использованной литературы:

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ; 2015.
2. Фискевич С.В. Оценка достаточности доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей. *Общество и право*. 2012;1(38):199–203.
3. Bennett B.M. Evidence: clear and convincing proof: appellate review. *California Law Review*. 1944;(32).
4. Glover R., Murphy P. *Murphy on Evidence*. Oxford; 2013.
5. Keane A., McKeown P. *The Modern Law of Evidence*. Oxford; 2012.
6. Kostenko R.V., Rudin A.V. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018;9(3):1011–1017.
7. Kostenko R.V., Yuriev G.Yu. The admissibility of statements provided by an accused person in the Russian criminal procedure. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018;9(5):1684–1688.
8. Meyers A.B. Rejecting the Clear and Convincing Evidence Standard for Proof of Incompetence. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1997;(87):1016–1039.
9. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2015;9(1):13–143.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>

References:

1. [*Doctrinal Model of Criminal Procedure Evidentiary Law of the Russian Federation and Comments to it*] / Edited by A.S. Alexandrov. Moscow: YurLitinform; 2015. (In Russ.)]
2. Fiskevich S.V. [Assessment of the sufficiency of evidence in the proceedings in court with the participation of jurors]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2012;1(38):199–203. (In Russ.)]
3. Bennett B.M. Evidence: clear and convincing proof: appellate review. *California Law Review*. 1944;(32).
4. Glover R., Murphy P. *Murphy on Evidence*. Oxford; 2013.
5. Keane A., McKeown P. *The Modern Law of Evidence*. Oxford; 2012.
6. Kostenko R.V., Rudin A.V. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018;9(3):1011–1017.
7. Kostenko R.V., Yuriev G.Yu. The admissibility of statements provided by an accused person in the Russian criminal procedure. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018;9(5):1684–1688.
8. Meyers A.B. Rejecting the Clear and Convincing Evidence Standard for Proof of Incompetence. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1997;(87):1016–1039.
9. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2015;9(1):13–143.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Kostenko

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>

¹ Урлеков Н.В. Указ. соч. С. 22.

Author ID: 57205319331

Researcher ID: AAC-7003-2020

Author ID: 57205319331

Researcher ID: AAC-7003-2020

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Лошкобанова Я.В.

Краснодарский университет МВД России
(Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005)

Ссылка для цитирования: Лошкобанова Я.В. Оптимизация процедуры уголовного судопроизводства в целях обеспечения устойчивости и стабильности экономических отношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):58–66. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-58-66>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лошкобанова Яна Валерьевна, кандидат юридических наук, преподаватель-методист Краснодарского университета МВД России, майор полиции
Адрес: Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005
Тел.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: yanavolkolup@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.03.2022

Статья принята к печати: 30.04.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Масштаб проблемы уголовно-процессуального механизма обеспечения прав предпринимателей весьма обширен. Он выходит за рамки одной области правового регулирования и весь комплекс проблем в целом может быть решен только при проведении крупного междисциплинарного исследования, в котором будут рассмотрены и разрешены вопросы не только уголовно-процессуального, но и уголовного, гражданского, гражданского процессуального характера.

В данной статье представляем результаты изучения некоторых уголовно-процессуальных аспектов, имеющих, как представляется, фундаментальное значение для построения вектора современного уголовно-процессуального регулирования в отношении предпринимателей, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Основной аспект – это целесообразность и возможные направления дифференциации процессуальной формы по такому основанию, как занятие предпринимательской деятельностью. В прикладном отношении эти факторы постараемся отразить на примере применения меры пресечения к предпринимателям.

Целью данного исследования выступает оптимизация процессуальных правил участия предпринимателей в уголовном судопроизводстве в целом и в случае применения к ним мер пресечения.

Задачами исследования стали: изучение существующих процессуальных форм, применяемых при вовлечении предпринимателей в уголовное судопроизводство, определение их «слабых» мест на примере применения заключения под стражу, оценка их с точки зрения эффективности, критериями которой мы рассматриваем надежность защиты личных интересов гражданина, защиты его имущественных прав, обеспечения его законных интересов, как лица, занимающегося предпринимательской деятельностью.

В исследовании применялась совокупность традиционных научных *методов*, в числе которых, всеобщий метод диалектического единства и противоречия, общенаучные теоретические и эмпирические методы (анализ, включая контент-анализ документов, обобщение, гипотезы,

систематизация, описание, системно-функциональный) а также частно-научные методы (сравнительно-правовой и формально-юридический).

Результаты проведенного исследования – это авторский подход к уголовно-процессуальному регулированию отношений с участием предпринимателей, отличающийся по основным признакам от избранного законодателем; выявление совокупности наиболее важных проблем, касающихся уголовно-процессуальной формы применения заключения под стражу.

Сформированная совокупность теоретических выводов и практических рекомендаций потенциально может быть использована в рамках законотворческой, правоприменительной деятельности, а также для продолжения научных исследований в указанной сфере.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, совершенствование, предприниматели, процессуальная форма, права, законные интересы, защита.

OPTIMIZATION OF THE PROCEDURE CRIMINAL PROCEEDINGS IN ORDER TO ENSURE SUSTAINABILITY AND STABILITY ECONOMIC RELATIONS

Yana V. Loshkbanova

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Yaroslavskaya str., 28, Krasnodar, Russia, 350005)

Link for citation: Loshkbanova Ya.V. Optimization of the procedure criminal proceedings in order to ensure sustainability and stability economic relations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):58–66. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-58-66>

CONTACT INFORMATION:

Yana V. Loshkbanova, Cand. of Sci. (Law), teacher-methodologist Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

Address: Yaroslavskaya str., 28, Krasnodar, Russia, 350005

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yanavolkolup@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.03.2022

The article has been accepted for publication: 30.04.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The scale of the problem of the criminal procedure mechanism for ensuring the rights of entrepreneurs is very extensive. It goes beyond the scope of one area of legal regulation and the whole complex of problems as a whole can be solved only by conducting a major interdisciplinary study, in which issues of not only criminal procedure, but also criminal, civil, and civil procedural nature will be considered and resolved.

In this article we present the results of studying some criminal procedural aspects that seem to be of fundamental importance for building a vector of modern criminal procedural regulation in relation to entrepreneurs involved in criminal proceedings. The main aspect is the appropriateness and possible directions of differentiation of the procedural form on such a basis as engaging in entrepreneurial activity. In the applied aspect, we will try to reflect these factors by the example of the application of a preventive measure to entrepreneurs.

The purpose of this study is to optimize the procedural rules for the participation of entrepreneurs in criminal proceedings in general and in the case of the application of preventive measures to them.

The objectives of the study were: to study the existing procedural forms used in involving entrepreneurs in criminal proceedings, to identify their "weak" points on the example of the use of detention, to evaluate them from the point of view of effectiveness, the criteria of which we consider the reliability of protecting the personal interests of a citizen, protecting his property rights, ensuring his legitimate interests as a person engaged in entrepreneurial activity.

The study used a set of traditional scientific methods, including the universal method of dialectical unity and contradiction, general scientific theoretical and empirical methods (analysis, including content analysis of documents, generalization, hypotheses, systematization, description, system-functional) as well as private scientific methods (comparative legal and formal legal).

The results of the conducted research are the author's approach to the criminal procedural regulation of relations with the participation of applicants, which differs in main features from the one chosen by the employer; identification of a set of the most important problems concerning the criminal procedural form of the use of detention.

Keywords: criminal proceedings, improvement, entrepreneurs, process form, rights, legitimate interests, protection.

Введение

Предпринимательство в любом государстве выступает основой для формирования экономической основы, а его уровень, количественные и качественные характеристики, позволяют оценить степень материального благополучия как отдельных лиц, граждан, так и государства в целом. Значимость предпринимательства обуславливает подходы к его защите, обеспечению эффективности, стабильности и безопасности функционирования. Не менее значимыми выступает, как представляется, и такой фактор, как законность самого бизнеса [1; 11; 17]. Изучение этой стороны социально-правовых процессов представляет важный сегмент современной юридической науки [14; 18], включая, например, такие достаточно новые для нашего уголовного судопроизводства вопросы, как право на молчание в связи с недопустимостью раскрытия коммерческой или иной тайной. В данном случае есть множество примеров изучения этого права, применительно к самым разным участникам уголовного судопроизводства, в частности, врачам [13], но отсутствуют соответствующие исследования в отношении предпринимателей. Поэтому перед законодателем в части правового регулирования предпринимательства и его защиты в уголовном судопроизводстве стоит весьма сложная задача: создать баланс [2; 15; 16], при котором бизнес не нарушает установленные принципы правового благополучия государства и общества и при этом свободно и эффективно решает свои собственные задачи, где свою нишу занимает и уголовно-процессуальное регулирование.

Как представляется, обе части этого уравнения в современном отечественном уголовном судопроизводстве находятся в состоянии постоянной динамики и достичь устойчивого равновесия пока не получается.

Для нашего исследования исходными, отправными точками стали следующие тезисы:

– постепенное и прогрессивное развитие предпринимательства является залогом стабильности экономического положения, в связи с чем защита прав хозяйствующих субъектов составляет важную политическую, экономическую и законодательную задачу;

– решение данной задачи обеспечивается в том числе, посредством установления правил участия предпринимателей в уголовном судопроизводстве, которые (правила) должны максимально способствовать сохранению бизнеса, позволять избегать причинения излишнего, неоправданного ему ущерба;

– в таком контексте бизнес становится одним из элементов совокупности публичных интересов, поскольку государство заинтересованно в том, чтобы бизнес-сообщество чувствовало себя уверенно и было защищено от любых неправомерных ограничений и вмешательств, включая и необоснованное уголовное преследование, подчеркнем, что предпринимательство, законное и правомерное, деятельность которого направлена на удовлетворение потребностей всего общества, граждан и государства;

– исходя из предыдущего тезиса бизнес должен быть соотнесен с назначением уголовного судопроизводства, поскольку по своей сути он не совпадает с правами и законными интересами граждан, понимаемых в соответствии с Конституцией РФ, как принадлежащие им *лично* права и свободы. Таким образом, бизнес, как одно из проявлений экономических отношений в обществе, становится самостоятельным объектом, подлежащим охране уголовно-процессуальными средствами и способами.

За период с 2016 года в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) введены в общей сложности порядка 20 изменений, касающихся установления различного рода преференций предпринимателям, подозреваемым, обвиняемым в совершении экономических преступлений: от полного запрета на применение заключения под стражу при определенных

условиях, до установления особого порядка изъятия предметов и документов, и специальных правил оценки некоторых деклараций, подлежащих приобщению в качестве вещественных доказательств¹.

К числу особенно активно обсуждаемых научных проблем относится форма избрания в отношении предпринимателей заключения под стражу в качестве меры пресечения. В.В. Рудич констатирует, что независимо от наличия прямого запрета на применение заключения под стражу, суды находят возможность заключать предпринимателей под стражу [9, с. 203].

Отмечается, что «каждое из оснований заключения под стражу ... устанавливается судом на основе анализа всей совокупности устанавливаемых фактов с учетом личной ситуации каждого обвиняемого», а обвинение обязано «продемонстрировать абсолютную необходимость заключения обвиняемого или подозреваемого под стражу или продления срока содержания под стражей»².

О.А. Зайцев в этой связи правильно указывает на необходимость повышенного уровня гарантий обоснованности в процедуре судебного заседания при решении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей [7, с. 109].

О необходимости использовать доказательства в целях обоснования вывода о целесообразности заключения под стражу пишут и другие авторы [6, с. 168; 7, с. 119]. Выдвигаются альтернативные варианты, а именно предлагается представление суду двух «пакетов» с материалами уголовных дел – открытых и закрытых для стороны защиты, чтобы обеспечить тайну предварительного расследования [1, с. 92].

Пишут ученые и том, что в рамках процедуры судебного заседания, в котором рассматривается вопрос о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу могут исследоваться и использоваться для становления судом решения не только доказательства, но и сведения иного процессуального статуса [8, с. 74–75].

Также не можем не отметить отсутствие прямых предложений, направленных на совершенствование процедуры установления всех необходимых обстоятельств при избрании заключения под стражу в отношении лиц, занимающихся хозяйственной деятельностью.

Нельзя обойти вниманием мнение о том, что все изменения, происходящие в этой сфере, ведут к созданию отдельной процессуальной формы, критерием выделения которой выступает предпринимательство, как профессиональное занятие лиц, вовлекаемых в его сферу [3, с. 165; 4, с. 102; 10, с. 32]. При этом высказываются и отрицательные мнения в этой части [12, с. 35].

Российский уголовный процесс в целом подвержен достаточно масштабной дифференциации, что, помимо положительного воздействия, обуславливает повышенное давление на правоприменителя, когда различные по своему содержанию процедуры могут объединяться в одном уголовном деле и это требует особого внимания не только следователя, иных должностных лиц по соблюдению каждого общего или особенного правила, но и других участников, что, в целом осложняет решение стоящих перед ними задач.

Полагаем, что значимость дифференциации процессуальной формы в сфере уголовного судопроизводства весьма высока, чтобы можно было спонтанно предпринимать меры по ее реализации в случаях, когда отсутствует объективная к тому необходимость.

Методы исследования

Проведенное исследование основано на применении современных научных методов. В рамках научных изысканий проверялась гипотеза о целесообразности разработки и возможности существования отдельной самостоятельной процессуальной формы, предназначенной для уголовного судопроизводства, в рамки которого вовлекаются лица, занимающиеся предпринимательской и иной экономической деятельностью.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421; О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459; О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 года № 315-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4474; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 498-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7816.

² Качалова О.В., Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления: учебно-метод. материалы. М.: Деловой стиль; 2019. С. 35, 48.

Всеобщий метод диалектического единства и противоречия позволил выявить наиболее общие, принципиально значимые признаки процессуальной формы, определить противоречия и изучить их содержательно. Результатом применения данного метода стали теоретические знания, уточняющие сущность процессуальной формы и объективные критерии ее дифференциации.

Широко применялся метод анализа для раскрытия понятия процессуальной формы, ее элементов, характерных черт, а также определения принципиальной основы, признаков, критериев и правил дифференциации.

Широко использовался гипотетический метод: выдвижение гипотез, проверка их научной и практической состоятельности (включая социальную) и построение соответствующих выводов.

На всех этапах исследования применялся метод систематизации, позволивший выявить корреляционные связи между отдельными элементами уголовно-процессуальной формы, а также определить формы и способы их взаимодействия. Системно-функциональный метод был необходим для раскрытия функциональной нагрузки каждого исследуемого элемента уголовно-процессуальной формы и выявления потребности в его дифференциации применительно к участию предпринимателей.

Традиционные частно-научные методы (сравнительно-правовой и формально-юридический) использовались для выявления тождества и различия в законодательном регулировании сходных уголовно-процессуальных отношений и истолкования их смысла для успешного правоприменения.

Результаты исследования

1. Дифференциация уголовного судопроизводства представляет собой объективный процесс адаптации процессуальных правил к складывающимся в социуме условиям и свидетельствует о гибкости процессуальной формы.

Выделяем два основных уровня дифференциации:

– глобальный (особенности процедуры масштабны, затрагивают все основные этапы и элементы уголовного судопроизводства). Именно этот уровень говорит о формировании отдельной формы уголовного судопроизводства;

– локальный, при котором особенности затрагивают лишь отдельные процессуальные действия.

Основаниями дифференциации глобального характера могут быть исключительные по своей общественной значимости факторы.

2. Особенности процедуры уголовного судопроизводства в отношении или с участием предпринимателей имеют объективный, но локальный характер, поскольку особенности процессуальной формы локализованы в отдельных процессуальных институтах и не имеют широкого распространения.

Соответственно нет никаких объективных оснований говорить о наличии отдельной процессуальной формы (производства) в отношении или с участием предпринимателей.

Научная дискуссия

В современном российском государстве и обществе большое значение приобретает правовая защищенность хозяйствующих субъектов, от чего, как правильно отмечается в литературе, в значительной степени зависит «инвестиционная привлекательность страны» [3, с. 166], и можно добавить – привлекательность предпринимательства как идеи и основного тренда в развитии экономики страны в целом. Поэтому одной из задач внутриэкономической политики становится создание и поддержание наиболее благоприятного «климата» для развития предпринимательства, его устойчивости и приоритетности.

В данном направлении делаются многочисленные и весьма разнообразные шаги, комплексно воздействующие на все стороны общественной жизни, необходимые для развития идеи предпринимательства: принимаются законодательные и иные нормативные правовые акты, снижаются налоговая и иные виды финансовой нагрузки на начинающих предпринимателей, разрабатываются и внедряются различные государственные программы по поддержке бизнеса разного уровня¹. В этой части свою лепту вносит и уголовно-процессуальное право.

В качестве новации уголовно-процессуального законодательства следует рассматривать правила применения заключения под стражу в отношении предпринимателя. В соответствии

¹ См., например: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 316 [сайт]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов; 2022 [процитировано 20 января 2022]. Доступно: <https://docs.cntd.ru/document/499091764>.

положениями ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу не может быть применено к индивидуальному предпринимателю в случае подозрения или обвинения его в совершении преступлений, предусмотренных в этой же части ст. 108 УПК РФ.

Этот запрет имеет свои границы и особенности реализации. В то же время при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ и в соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹ запрет на применение заключения под стражу действует в отношении:

– лиц, в установленном законом порядке зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей;

– членов органа управления коммерческой организации, если их деятельность связана с осуществлением полномочий по управлению организацией либо в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью;

– иных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления в соучастии с лицом (лицами) являющимися предпринимателями или членами органа управления коммерческой организации.

Совокупность внесенных в процедуру применения заключения под стражу изменений свидетельствует о существенных отличиях от общего порядка и позволяет констатировать создание отдельной (дифференцированной) процессуальной формы заключения под стражу, применяемой в отношении лиц, занимающихся предпринимательской либо иной хозяйственной деятельностью.

Изучение иных мер процессуального принуждения, предусмотренных отечественным уголовно-процессуальным законом, показало отсутствие каких-либо отличий, связанных с применением в отношении указанной категории участников уголовного судопроизводства. И это обстоятельство позволяет заключить: институт мер процессуального принуждения в целом не подвержен дифференциации по такому основанию, как занятие предпринимательской деятельностью, а указанные особенности заключения под стражу носят локальный, частный и ситуативный характер [5, с. 142].

В то же время установленная процедура применения заключения под стражу в отношении предпринимателей нуждается в доработке, что подтверждается результатами изучения судебной практики. Масштабное распространение в практике приобрело требование судов к органам предварительного расследования о представлении *доказательств*, подтверждающих наличие оснований к заключению предпринимателей под стражу², хотя УПК РФ такого требования не предусматривает.

Наглядным, полагаем примером является дел по которому суд отказал в применении заключения под стражу в отношении гражданина, задержанного при переходе государственной границы и при отсутствии разрешения следователя на выезд за пределы Российской Федерации³.

Судебная практика свидетельствует о наличии существенных расхождений правоприменителей в оценке содержания закона и истолкования уголовно-процессуального механизма применения заключения под стражу в отношении предпринимателей. Как представляется, основная причина данной ситуации заключается в создании для предпринимателей режима наибольшего благоприятствования при проведении в их отношении уголовного преследования без системной проработки всех необходимых уголовно-процессуальных институтов.

На наш взгляд, решений этой проблемы может быть несколько.

1. Отказ законодателя от создания специального порядка применения заключения под стражу для предпринимателей. Наряду с этим предлагаем усилить прокурорский надзор и судебный контроль за законностью и обоснованностью ходатайств органов предварительного расследования о

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 // Российская газета. 2016. № 266.

² Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 года [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022 [прочитано 20 января 2022]. Доступно: https://www.vsrif.ru/Show_pdf.php?Id=11238.

³ Апелляционное постановление № 22К-4376/2017 от 05 июля 2017 года по делу № 22К-4376/2017 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2022 [прочитано 21 января 2022]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/d1lyNZUiBQml/>.

применении заключения под стражу, в том числе и к предпринимателям, например, путем утверждения такого рода ходатайства прокурором.

2. Создание совокупности дополнительных процессуальных гарантий для предпринимателей в случае обращения органов предварительного расследования в суд с ходатайством о заключении их под стражу. В таком качестве можно предусмотреть дополнительное основание для отказа суда в применении заключения под стражу – отсутствие возможности обеспечить нормальное функционирование предприятия, организации и др.

3. Предусмотреть в уголовно-процессуальном законе право гражданина-предпринимателя на вызов в судебное заседание свидетелей, подтверждающих производственную необходимость его непосредственного участия в хозяйственной деятельности.

Данное научное направление, безусловно, имеет большие перспективы в плане разработки концепции, и отдельных направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства при формировании дополнительных гарантий для хозяйствующих субъектов и минимизации общественно-значимых потерь от их вовлечения в уголовное судопроизводство.

Список использованной литературы:

1. Азаренок Н.В. Проблема ознакомления с материалами, предоставленными следователем в суд в порядке ст. 108 УПК РФ. *Вестник Омской юридической академии*. 2016;(4(33)):91–94.
2. Волков К.А. Совершенствование правосудия по уголовным делам в отношении предпринимателей. *Российский следователь*. 2013;(18):36–39.
3. Гладышева О.В. Уголовное судопроизводство в отношении предпринимателей: современные проблемы и пути их решения. *Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования*: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России; 2017.
4. Гладышева О.В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения. *Вестник Удмуртского гос. ун-та*. 2018;28(1):101–105.
5. Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография / под общ. ред. проф. В.А. Семенцова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; 2020.
6. Зайцев О.А. Отдельные аспекты международно-правового стандарта обоснованности принятия судом решения о заключении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, под стражу. *Вестник Томского гос. ун-та*. 2016;(409):167–170.
7. Зайцев О.А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве. *Журнал российского права*. 2021;25(10):108–126.
8. Никитина С.В. Процессуальная форма и обоснованность судебных решений в досудебном производстве по уголовным делам. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(1):72–79. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-13-1-72-79>.
9. Рудич В.В. Применение меры пресечения в виде

References:

1. Azarenok N.V. [The problem of familiarization with the materials provided by the investigator to the court in accordance with Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*. 2016;(4(33)):91–94. (In Russ.)]
2. Volkov K.A. [Improvement of justice in criminal cases against entrepreneurs]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2013;(18):36–39. (In Russ.)]
3. Gladysheva O.V. [Criminal proceedings against entrepreneurs: modern problems and ways to solve them]. *Modern criminal procedural law of Russia: lessons of history and problems of further reform: collection of materials of the International Scientific-Practical Conference*. Orel: Orel Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2017. (In Russ.)]
4. Gladysheva O.V. [Rules of criminal proceedings against entrepreneurs: problems and ways to solve them]. *Vestnik Udmurtskogo gos. un-ta = Bulletin of the Udmurt State University*. 2018;28(1):101–105. (In Russ.)]
5. Gladysheva O.V., Potapenko S.V., Sementsov V.A. [Criminal and procedural means of securing property and personal non-property rights]. Krasnodar: Kuban State University; 2020. (In Russ.)]
6. Zaitsev O.A. [Certain aspects of the international legal standard of the validity of a court decision on the detention of a person accused (suspected) of committing a crime]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta = Bulletin of the Tomsk State University*. 2016;(409):167–170. (In Russ.)]
7. Zaitsev O.A. [Procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of entrepreneurs in criminal proceedings]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(10):108–126. (In Russ.)]
8. Nikitina S.V. [Procedural form and validity of judicial decisions in pre-trial proceedings in criminal cases]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;(1):72–79. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-13-1-72-79> (In Russ.)]
9. Rudich V.V. [Application of a preventive measure

- заклучения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. *Общество и право*. 2015;(1(51)):197–205.
10. Сычев П.Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства. *Предпринимательское право*. 2012;(4):30–33.
11. Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. М.: Юрлитинформ; 2020.
12. Химичева О.В., Химичева Г.П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства. *Вестник Московского университета МВД России*. 2018;(1):33–36.
13. Berlin J. The Right to Fight: Attorney-Client Protections for Physicians and Other Professionals Under Threat. *Texas medicine*. 2018;114(12):44–45. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85059493570&partnerID=40&md5=d040ecc2e073e017ac1271b4700e0333>.
14. Dyson M., Jarvis P. Remedies of the criminal courts. *Commercial Remedies: Resolving Controversies*. 2017. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85047904499&doi=10.1017%2f9781316759905.022&partnerID=40&md5=DOI: 10.1017/9781316759905.022>.
15. Kotlán P. Relationship of Criminal Proceedings to Civil Litigation, Insolvency and Tax Proceedings. *Danube*. 2020;11(2):141–155. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85088632982&doi=10.2478%2fdanb-2020-0008&partnerID=40&md5=49ffdf0c8383947bd06ad9b95d1536a>. DOI: 10.2478/danb-2020-0008.
16. Murhula P.B.B., Tolla A.D. The effectiveness of restorative jus-tice practices on victims of crime: Evidence from South Africa. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2020;9(3):1–13. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85097229041&doi=10.5204%2fIJCJSD.1511&partnerID=40&md5=47027c35d00403dfbc34b1c2a15e8f9cDOI: 10.5204/IJCJSD.1511>.
17. The Israeli legislation against terrorist financing. *Journal of Financial Crime*. 2004;11(4):366–379. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-84993073633&doi=10.1108%2f13590790410809329&partnerID=40&md5=DOI: 10.1108/13590790410809329>.
18. Wilson S. Law, morality and regulation: Victorian experiences of financial crime. *British Journal of Criminology*. 2006;46(6):1073–1090. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-33750612125&doi=10.1093%2fbjc%2fazl067&partnerID=40&md5=7c06ae53029f111f6ca17107ddab31de> DOI: 10.1093/bjc/46.6.1073
- in the form of detention against suspects and accused of committing crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activity]. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2015;(1(51)):197–205. (In Russ.)
10. Sychev P.G. [Legal protection of business entities: problems of criminal proceedings]. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*. 2012;(4):30–33. (In Russ.)
11. Sychev P.G. [Criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity]. М.: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)
12. Khimicheva O.V., Khimicheva G.P. [Differentiation as the main trend of modern criminal proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):33–36. (In Russ.)
13. Berlin J. The Right to Fight: Attorney-Client Protections for Physicians and Other Professionals Under Threat. *Texas medicine*. 2018;114(12):44–45. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85059493570&partnerID=40&md5=d040ecc2e073e017ac1271b4700e0333>.
14. Dyson M., Jarvis P. Remedies of the criminal courts. *Commercial Remedies: Resolving Controversies*. 2017. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85047904499&doi=10.1017%2f9781316759905.022&partnerID=40&md5=DOI: 10.1017/9781316759905.022>.
15. Kotlán P. Relationship of Criminal Proceedings to Civil Litigation, Insolvency and Tax Proceedings. *Danube*. 2020;11(2):141–155. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85088632982&doi=10.2478%2fdanb-2020-0008&partnerID=40&md5=49ffdf0c8383947bd06ad9b95d1536a>. DOI: 10.2478/danb-2020-0008.
16. Murhula P.B.B., Tolla A.D. The effectiveness of restorative jus-tice practices on victims of crime: Evidence from South Africa. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2020;9(3):1–13. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85097229041&doi=10.5204%2fIJCJSD.1511&partnerID=40&md5=47027c35d00403dfbc34b1c2a15e8f9cDOI: 10.5204/IJCJSD.1511>.
17. The Israeli legislation against terrorist financing. *Journal of Financial Crime*. 2004;11(4):366–379. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-84993073633&doi=10.1108%2f13590790410809329&partnerID=40&md5=DOI: 10.1108/13590790410809329>.
18. Wilson S. Law, morality and regulation: Victorian experiences of financial crime. *British Journal of Criminology*. 2006;46(6):1073–1090. URL: [https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-33750612125&doi=10.1093%2fbjc%2fazl067&partne](https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-33750612125&doi=10.1093%2fbjc%2fazl067&partnerID=40&md5=7c06ae53029f111f6ca17107ddab31de)

10.1093/bjc/azl067.

rID=40&md5=7c06ae53029f111f6ca17107ddab31de
DOI: 10.1093/bjc/azl067.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лошкобанова Яна Валерьевна

кандидат юридических наук, преподаватель-методист
Краснодарского университета МВД России, майор
полиции

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0715-047X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana V. Loshkbanova

Cand. of Sci. (Law), teacher-methodologist Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Police Major

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0715-047X>

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-67-76>

ТЕХНОЛОГИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Семенцов В.А.*, Глимейда В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А., Глимейда В.В. Технология видео-конференц-связи и ее применение в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):67–76. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-67-76>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 13.04.2022

Статья принята к печати: 13.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: В статье исследуются исторические предпосылки возникновения и современное понимание сущности видео-конференц-связи, применяемой в отечественном уголовном судопроизводстве. Подчеркивается отсутствие единства подходов к именованию указанной технологии, когда не учитываются правила орфографии. Проводится отграничение видео-конференц-связи от технологии веб-конференции и делается вывод о двойственной ее правовой природе в уголовном судопроизводстве: как способа осуществления процессуальных действий и как системы технических средств. На базе имеющихся положений УПК РФ об использовании видео-конференц-связи и складывающейся судебной практики обосновывается необходимость закрепления в законе понятия и порядка ее применения в уголовном судопроизводстве, включая его досудебные стадии, поскольку общей нормы о правилах применения технических средств при производстве следственных действий недостаточно.

Цель настоящего исследования – обоснование необходимости закрепления в законе понятия и порядка применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. *Задачи* исследования: проведение комплексного исследования исторических предпосылок возникновения и сущности видео-конференц-связи; формулирование предложения о применении единого подхода к именованию указанной технологии; определение перспективного направления применения видео-конференц-связи – в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Проведенное исследование основано на традиционных общенаучных и частноправовых *методах* познания, в числе которых диалектика, анализ, синтез, обобщение, логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.

Результатами исследования стала совокупность новых положений, расширяющих научные представления о технологии видео-конференц-связи и особенностях ее применения в сфере уголовного судопроизводства, включая его досудебные стадии.

Выдвигается и обосновывается мнение о двойственной правовой природе видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве: как способа осуществления процессуальных действий и как системы технических средств, а также о ее отграничении от технологии веб-конференции.

Ключевые слова: современные технологии, видео-конференц-связь, уголовное судопроизводство, досудебное производство, правовая доктрина, судебная практика.

VIDEO CONFERENCING TECHNOLOGY AND ITS APPLICATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vladimir A. Sementsov*, Vitaliy V. Glimeida
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A., Glimeida V.V. Video conferencing technology and its application in criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):67–76. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-67-76>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@.yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 13.04.2022

The article has been accepted for publication: 13.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The article examines the historical background of the emergence and modern understanding of the essence of video conferencing used in domestic criminal proceedings. The lack of unity of approaches to the naming of this technology is emphasized when spelling rules are not taken into account. The separation of video conferencing from web conference technology is carried out and the conclusion is made about its dual legal nature in criminal proceedings: as a method of carrying out procedural actions and as a system of technical means. On the basis of the existing provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the use of video conferencing and emerging judicial practice, the need to consolidate the concept and procedure for its application in criminal proceedings, including its pre-trial stages, is justified, since the general rule on the rules for the use of technical means in the production of investigative actions is insufficient.

The purpose of this study is to substantiate the need to consolidate the concept and procedure for the use of video conferencing in criminal proceedings in the law. Research objectives: conducting a comprehensive study of the historical prerequisites for the emergence and essence of video conferencing; formulating a proposal for the application of a unified approach to the naming of this technology; determining the promising direction of the use of video conferencing – in the pre-trial stages of criminal proceedings.

The conducted research is based on traditional general scientific and private legal methods of cognition, including dialectics, analysis, synthesis, generalization, logical, system-structural, comparative legal, formal legal, etc.

The results of the study were a set of new provisions that expand scientific ideas about video conferencing technology and the features of its application in the field of criminal proceedings, including its pre-trial stages.

The opinion on the dual legal nature of video conferencing in criminal proceedings is put forward and substantiated: as a method of carrying out procedural actions and as a system of technical means, as well as its separation from the technology of a web conference.

Keywords: modern technologies, video conferencing, criminal proceedings, pre-trial proceedings, legal doctrine, judicial practice.

Введение

Современная технология удаленного взаимодействия, основанная на достижениях научно-технического прогресса, занимает особое место в человеческой деятельности, предоставляя возможность воспринимать и передавать информацию на большие расстояния, что способствует

экономии времени, сил и средств. Благодаря дистанционным техническим средствам, участники подобного взаимодействия, разделенные географически, получают возможность видеть и слышать друг друга.

«С развитием цифровых технологий, – пишут В. Лаптев и В. Федин, – методы передачи информации, традиций и культурного кода между участниками общественных отношений претерпели кардинальные изменения» [18, с. 138].

Опосредованная коммуникация с использованием такой информационной технологии как видео-конференц-связь позволяет общаться двум и более пользователям как внутри страны, так и за ее пределами. Сущность видео-конференц-связи заключается в одновременной передаче аудиовизуальной информации на расстоянии в режиме реального времени нескольким адресатам.

Первая попытка общаться с использованием технологии «телефонии» была предпринята еще Т.А. Эдисоном, у которого возникла идея создания аэрофона (1860 г.) – аналога телефона, который был способен переносить человеческий голос на значительные расстояния (около 10 км). В это же время пришло понимание того, что с помощью систем связи можно передавать не только голос, но и изображение.

7 апреля 1927 г. министр торговли США – Герберт Гувер (ставший два года спустя президентом страны) обратился к собравшимся в Нью-Йорке чиновникам и журналистам с использованием комплекса телевизионной связи, когда его изображение и речь передавались в режиме реального времени по каналам электросвязи на расстояние свыше 320 км.

В 1936 г. немецкий изобретатель Георг Шуберт представил первую работающую систему – прообраз современной видеотелефонии – которую назвали «визуальной телефонной системой», позволявшей организовывать сеансы связи на расстоянии 1000 км и более.

В начале 1990-х годов, наконец, появилась видеоконференцсвязь, основанная на Интернет-протоколах, были разработаны более эффективные технологии сжатия видео, а системы видеоконференцсвязи начали работать на базе персональных компьютеров¹.

Методы исследования

Проведенное исследование было основано на совокупности традиционных научных методов, в числе которых диалектика, направленная на выявление существующих и перспективно возможных противоречий в исследуемой области знаний, объяснение закономерностей их происхождения и обоснование возможных путей их решения.

Важное место в методологической основе исследования занимают общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, прогнозирования, эвристический, а также частно-научные методы – сравнительного правоведения, формально-юридический. Различные виды анализа (логического, системного, функционального, семантического) позволили получить полезные новые знания о сущности понятия «видео-конференц-связь», его истолкования применительно к сфере уголовного судопроизводства, способах его легального закрепления, определения его места в структуре технологий, допустимых к применению в уголовном судопроизводстве, решить иные актуальные вопросы современной науки уголовного процесса.

Результаты исследования

Оценивая в целом сущность видео-конференц-связи, применяемой в отечественном уголовном судопроизводстве, констатируется, что это аудиовизуальная технология удаленного взаимодействия его участников в режиме реального времени. Указанное понимание является широким, поскольку, может включать различные субтехнологии, в том числе и веб-конференцию.

С учетом правил орфографии предлагается использовать единый подход к именованию видео-конференц-связи в законе и практике его применения.

На базе исторических предпосылок возникновения и современного понимания сущности видео-конференц-связи ее понятие и порядок применения должны получить свое закрепление в тексте УПК РФ.

Обоснована необходимость применения видео-конференц-связи в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Научная дискуссия

В свободной энциклопедии «Википедия» видеоконференция определяется как область информационной технологии, обеспечивающая одновременно двустороннюю передачу, обработку,

¹ Краткая история видеосвязи: от зарождения до полноценного коммерческого использования [сайт]. Труконф; 2022. Доступно: <https://trueconf.ru/blog/news/kratkaya-istoriya-videosvyazi.html>.

преобразование и представление видеoinформации на расстоянии в режиме реального времени с помощью аппаратно-программных средств вычислительной техники. Видеоконференция является развитием функции аудио конференц-связи, существовавшей изначально только в области телефонии¹.

Взаимодействие в режиме видеоконференций также называют сеансом видео-конференц-связи. Сегодня видеоконференция используется не только для консультаций пациентов, встреч и совещаний, но и в правоохранительной деятельности, в суде, обеспечивая опосредованную коммуникацию независимо от месторасположения участников, а сеанс проведения видеоконференции получил название видео-конференц-связи.

В литературе утверждается, что «внедрение в жизнь современного общества цифровых технологий – процесс закономерный и прогрессивный, запущенный на многих сферах государственной деятельности России и за рубежом, что позволяет оптимистично относиться к принципиальной возможности цифровизации уголовного судопроизводства» [17, с. 395].

Как считают Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова и С.Б. Бальхаева, в условиях цифровой трансформации экономики, социальной сферы и государственного управления право сохраняет устойчивую роль регулятора социально-экономических и иных общественных процессов, обеспечивая как стабильность, так и необходимую преобразовательную деятельность индивидуумов и публичных институтов [14, с. 4].

В сфере отечественного уголовного судопроизводства тенденция использования технологии видео-конференц-связи начала складываться после принятия 10 декабря 1998 г. решения Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с правовой позицией которого осужденному, ходатайствующему об участии в судебном заседании, должно быть реально обеспечено право изложить свою позицию относительно всех аспектов дела и довести ее до сведения суда².

Основываясь на постановлении Конституционного Суда от 10 декабря 1998 г. и с учетом базовых предписаний УПК РСФСР об использовании технических средств в уголовном процессе, 18 ноября 1999 г. в Челябинском областном суде впервые состоялось рассмотрение кассационной жалобы с применением технологии видео-конференц-связи, когда осужденный находился не в зале судебного заседания, а в следственном изоляторе. С 19 апреля 2000 г. началось формирование видео-конференц-связи с высоким качеством и стабильностью работы в Верховном Суде Российской Федерации, когда было рассмотрено три уголовных дела в режиме удаленного присутствия [11, с. 101].

Прямое законодательное закрепление возможности применения технологии видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве было предусмотрено в первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. (ч. 3 ст. 376), но исключительно при поступлении уголовного дела с кассационными жалобой или представлением, с предоставлением осужденному, содержащемуся под стражей или отбывающему наказание в виде лишения свободы, и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на приговор, права изложить суду свою позицию дистанционно, по месту фактического пребывания.

Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ ст. 35 УПК РФ дополнена частями четвертой – седьмой и в части шестой узаконено правило, согласно которому при решении вопроса о подсудности обвиняемый вправе участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи³.

В дальнейшем состоялось еще несколько решений законодателя о дополнении УПК РФ положениями об использовании систем видео-конференц-связи:

¹ Видеоконференция [сайт]. Википедия – свободная энциклопедия; 2022. Доступно: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Видеоконференция>.

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 года № 27-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6341.

³ О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2009 года № 346-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (часть I). Ст. 6422.

1) 20 марта 2011 г. ст. 240 УПК РФ дополнена частью четвертой, с предписаниями о применении видео-конференц-связь в ходе судебного разбирательства при допросе свидетелей и потерпевших, с регламентацией особенностей такого допроса в ст. 278.1 УПК РФ¹;

2) 23 июля 2013 г. ст. 399 УПК РФ дополнена частью 2.1, предоставляя потерпевшему, его законному представителю и представителю права участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференц-связи²;

3) 21 июля 2014 г. ст. 241 УПК РФ дополнена частью 6.1, в содержание которой включено требование об использовании систем видео-конференц-связи при участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей и в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Опять же 21 июля 2014 г. внесены изменения в ч. 1 ст. 293 УПК РФ о предоставлении подсудимому последнего слова с использованием систем видео-конференц-связи³;

4) 5 декабря 2017 г. в УПК РФ введена статья 473.4, и в ее части третьей предусмотрено право лица, в отношении имущества которого приговором, постановлением суда иностранного государства принято решение о конфискации и которое содержится под стражей, участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференц-связи⁴.

Что характерно, расширение числа случаев использования видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве сопровождалось изменением подходов к именованию указанной технологии. Так, в документах судебной реформы в сфере информатизации и автоматизации судов за 2001 г. она употреблялась в слитном написании («видеоконференцсвязь»)⁵, с использованием указанной формулировки в судебной практике⁶.

Позднее стала использоваться формулировка «видеоконференц-связь», причем не только в сфере уголовного, но и иных видов судопроизводства⁷.

Наконец, наметилась тенденция именованию в юридической литературе указанной технологии с акцентом на раздельном написании «видео-конференц-связь», что привело к закреплению 05 декабря 2017 г. соответствующей формулировки в ст. 473.4 УПК РФ.

Приказом Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 30 декабря 2020 г. № 267 внесены изменения в название и содержание приказа от 28 декабря 2015 г. № 401, с заменой ранее используемого термина «видеоконференц-связь» на словосочетание

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1686.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4050.

³ О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4252.

⁴ О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05 декабря 2017 года № 387-ФЗ // Российская газета. 2017. 8 декабря.

⁵ Об информатизации и автоматизации судов: Постановление Совета судей РФ от 16 ноября 2001 г. № 65 (Документ опубликован не был) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-6032/15 22К-6032/2015 от 02 октября 2015 года по делу № 22К-6032/2015; Приговор Ейского городского суда Краснодарского края № 1-365/2015 от 20 октября 2015 года по делу № 1-365/2015 (с разъяснением осужденному права ходатайствовать об участии лично или посредством видеоконференцсвязи в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: ч. 6 ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в ред. от 29 июля 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

«видео-конференц-связь»¹. Такая же тенденция наблюдается и в иных нормативных правовых актах и официальных документах², в также в правоприменении³.

Вместе с тем, в судебной практике по-прежнему встречаются иные варианты исследуемой формулировки (например, видео-конференц связь⁴).

Поскольку варианты написания этого сложного слова разнятся, то не ясно, какой же из них правильный?

Считаем, что в соответствии с правилами орфографии это новое слово, возникшее в русском языке с приходом современных технологий, следует писать слитно и через дефис, т.е. «видео-конференц-связь», когда первая часть сложного слова «видео-» присоединяется к пишущемуся через дефис слову «конференц-связь».

Однако в действующей редакции УПК РФ до сих пор используются 2 варианта написания исследуемого термина: в тринадцати случаях как видеоконференц-связь и лишь в одном – «видео-конференц-связь», т.е. в соответствии с правилами орфографии. Кроме того, в УПК РФ отсутствует понятие видео-конференц-связи, не раскрывается ее содержание и не определяется место в системе используемых научно-технических средств. Не решены эти вопросы и в других видах судопроизводства: административном, арбитражном, гражданском и конституционном.

При этом имеется зарубежный опыт нормативного закрепления понятия указанной дистанционной технологии. Так, в УПК Эстонской Республики видеоконференцсвязь определяется в качестве технического решения, позволяющего участникам процесса непосредственно видеть и слышать в прямой трансляции показания лица, не находящегося в следственном органе, прокуратуре или суде, с правом задавать ему вопросы через лицо, ведущее производство⁵.

В современной России использование систем видео-конференц-связи в судопроизводстве более подробно, чем в УПК РФ, регламентировано подзаконными нормативными правовыми актами.

В п. 1.5 приказа Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. видео-конференц-связь (ВКС) определяется как способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами⁶.

Определение видео-конференц-связи как способа производства процессуальных действий предполагает установление порядка или режима их осуществления при применении указанной технологии, с соблюдением ее процессуальной формы. Вместе с тем, действующий УПК РФ не закрепляет порядка применения видео-конференц-связи, ограничиваясь лишь упоминанием такой возможности при производстве судом отдельных процессуальных действий, на что обращают внимание и другие ученые (например, Ю.С. Курочкина [8, с. 305–308], А.В. Казакова [5, с. 48–53]).

Еще более неоднозначно разрешается вопрос о возможности применения технологии видео-конференц-связи на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Общая норма о правилах производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ) позволяет применять технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, но не содержит указания о праве следователя применять видео-конференц-связь.

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 30 декабря 2020 года № 267 «О внесении изменений в приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции» и Регламент организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утвержденный этим приказом // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Информация Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2020 года «Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Апшеронского районного суда Краснодарского края от 13 апреля 2020 года по делу № 2А-473/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 16 апреля 2020 года по делу № 1-84/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 года (в ред. от 15 июля 2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: Приказ Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 (в ред. от 30 декабря 20210 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2020. № 9.

О.А. Зайцев и П.С. Пастухов справедливо отмечают потребность по оптимизации и рационализации предварительного расследования как основной стадии досудебного производства на основе происходящих изменений в период цифровой трансформации общества [4, с. 752], хотя очевидно, что это связано с необходимостью достижения разумного баланса между внедрением информационных технологий и обеспечением конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни [10, с. 231]. Именно человек должен быть в центре внимания правоприменителя, а цифровые технологии служить инструментом, который максимально способствует исключению возможности принятия формальных решений [13, с. 5].

На возможность использования в условиях пандемии систем видео-конференц-связи не только на судебных, но и досудебных стадиях указывают Е.В. Смахтин и И.Г. Смирнова [12, с. 544], а М.М. Менжега, М.В. Савельева, А.Б. Смушкин в своей статье предлагают активнее использовать видео-конференц-связь при производстве в дистанционном режиме таких следственных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, освидетельствование [9, с. 248].

Несмотря на то, что применение видео-конференц-связи в досудебном производстве следователем прямо в законе не установлено, такая возможность все же имеется, с учетом того истолкования технологии видео-конференц-связи, которое дано в п. 1.5 приказа Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г.

Представляется, что по своей правовой природе видео-конференц-связь имеет двойственный характер: с одной стороны, она является «способом» или «режимом» производства процессуальных действий, а с другой – определенным набором технических средств (системой), используемых при производстве процессуальных действий (в этом значении суды в своих решениях используют формулировки по типу «путем использования систем видеоконференц-связи»¹; «допрошен посредством видеоконференц-связи»²).

Вопрос природы технологий в уголовном судопроизводстве нашел отражение в правовой доктрине, когда весь спектр используемых научно-технических достижений условно разделен на две группы: технологии и технические средства. Если первые представляют собой способ производства процессуальных действий, определенный порядок применения технических средств, то вторые – определенные инструменты, орудия, приспособления, применяемые в уголовном процессе³, причем по-прежнему дискуссионна позиция о соотношении технологий и технических средств [1, с. 135–142].

Р.М. Шагеева понимает видео-конференц-связь как современную технологию обмена аудио- и видеoinформацией [16, с. 67–76], А.В. Дашкин [3, с. 201–203] и М.А. Царев причисляют ее к информационным технологиям [15, с. 559-566].

Полагаем необходимым обратить внимание на ряд существенных признаков видео-конференц-связи.

Во-первых, как уже было отмечено, видео-конференц-связь представляет собой определенную технологию и способ взаимодействия участников уголовного судопроизводства. В этом значении видео-конференц-связь представляется частью большой группы научно-технических средств, используемых в судопроизводстве, именуемой «технологии». Они являются научно-обоснованным знанием о том, как применять техническое средство, какие технические средства в рамках реализации одной технологии могут использоваться. Представленные такими достижениями научно-технического прогресса, как аудиозапись, видео-конференц-связь, стенографирование и др., они нередко отождествляются с техническими средствами, в связи с чем, в отечественной доктрине, не всегда признаются самостоятельной группой достижений научно-технического прогресса, используемых в уголовном судопроизводстве [7, с. 109–112].

Во-вторых, применение видео-конференц-связь заключается в одновременной двух- или многосторонней передаче аудиовизуальной информации, а в случае утраты одного из присущих ей свойств, она перестает быть таковой. Как правило, в таком случае речь идет об иной технологии

¹ Приговор Геленджикского городского суда Краснодарского края от 28 июля 2020 года по делу № 1-387/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Курганского районного суда Краснодарского края от 6 июля 2020 года по делу № 1-30/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 69.

удаленного взаимодействия (телефония, видеотрансляция и др.), либо о технической ошибке, которая, как правило, приводит к отложению рассмотрения дела судом¹.

В-третьих, использование как двух-, так и многосторонне удаленного взаимодействия не влияет на качество технологии видео-конференц-связи, применяемой в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, видео-конференц-связь требует взаимодействия участников уголовного судопроизводства в режиме реального времени и этот признак отличает ее от иных технологий, позволяющих фиксировать аудиовизуальную информацию, передавать ее в разные моменты времени.

Наконец, особое значение имеет требование допустимости применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Здесь следует отметить, что границы допустимости применения видео-конференц-связи имеют неоднозначный характер. Если для судебных стадий право и порядок применения видео-конференц-связи имеет нормативное закрепление, то для досудебных стадий это требование выражено в общем правиле производства следственных действий, позволяющем использовать технические средства.

Необходимо учитывать еще одно обстоятельство: понятие видео-конференц-связи происходит от общего названия технологии «videoconferencing», подразумевающего целую группу субтехнологий (технологий организации и синхронизации данных), основанных на принципе двусторонней передачи, обработки, преобразования и представления видеоинформации на расстоянии в режиме реального времени с помощью средств вычислительной техники. В их числе: веб-конференция, веб-видеоконференция, видео-конференц-связь и др.

В связи с этим, общим понятием видеоконференции в научно-технической сфере является представление ее, как области информационной технологии, обеспечивающей одновременно двустороннюю передачу, обработку, преобразование и представление видеоинформации на расстоянии в режиме реального времени с помощью аппаратно-программных средств вычислительной техники.

Многообразие формулировок и отличительные особенности указанных видов видеоконференции нередко приводят к проблемам определения правового статуса указанных технологий, трудностям в определении видео-конференц-связи.

В литературе отмечается, что «webconferencing» используется в два раза чаще, чем «videoconferencing». В русскоязычном сегменте Интернета это соотношение обратное. Кроме того, активно используется аббревиатура «ВКС» для сокращенного обозначения видео-конференц-связи [2, с. 25].

В период неблагоприятной эпидемиологической обстановки Верховный Суд Российской Федерации начал выборочное рассмотрение дел безотлагательного характера с использованием технологии веб-конференции. 21 апреля 2020 г. Верховным Судом были проведены первые заседания по рассмотрению дел посредством веб-конференции, после чего практика рассмотрения дел с использованием веб-конференции начала активно внедряться в деятельность нижестоящих судов².

Восприятие видео-конференц-связи и веб-конференции как одной и той же технологии, но под разными названиями, ошибочно. Основное различие веб-конференции и видео-конференц-связи заключается в технических требованиях к оборудованию, на что указывается и в специальной литературе [2, с. 24–38] и в официальных документах Верховного Суда [6]. Действительно, сущность технологии веб-конференции состоит в том, что это онлайн-мероприятие в реальном времени на основе аудио- или видео-конференц-связи, с обязательной демонстрацией контента, чаще всего, слайдов презентации. В качестве точки входа при использовании веб-конференции используется веб-браузер и ссылка на мероприятие, за счет чего веб-конференция получила второе, более известное, название – вебинар. При этом, наиболее требовательной и гарантирующей безопасность передачи данных является все же видео-конференц-связь, что является одной из причин ее более широкого применения в судопроизводстве. Тем не менее, веб-конференция может иметь перспективу ее закрепления в УПК РФ наряду с видео-конференц-связью.

¹ ВС защитил участника процесса, которого подвела видеоконференцсвязь [сайт]. Право.ру; 2021. Доступно: <https://pravo.ru/story/233211/>.

² Встать с дивана – суд идет. Суды начали проводить заседания в режиме онлайн. Российская газета – Федеральный выпуск № 91(8145) [сайт]. Российская газета; 2020. Доступно: <https://rg.ru/2020/04/26/reg-szfo/sudy-nachali-provodit-zasedaniia-v-rezhime-onlajn.html>.

Список использованной литературы:

1. Аминев З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства». *Правовое государство: теория и практика*. 2018;(2(52)):135–142.
2. Архипец И.А., Бежецков Д.Е., Данилова Ю.Э., Кандров Д.Ю., Солодовник М.Н., Федотов А.А. Открытые решения веб- / видеоконференцсвязи и проект open-meetings. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии*. 2018;1(1):24–38.
3. Дашкин А.В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе. *Молодой ученый*. 2018;(24 (210)):201–203.
4. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019;(46):752–775. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777.
5. Казакова А.В. Возможности применения видеоконференц-связи в уголовном процессе. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2019;(3(25)):48–53.
6. Коробка Е. Верховный Суд приступил к рассмотрению дел в режиме веб-конференций. *Адвокатская газета*. 2020. 22 апреля.
7. Кун Д.Е. Сущность и значение технических средств в уголовном судопроизводстве. *Теория и практика общественного развития*. 2016;(3):109–112.
8. Курочкина Ю.С. Проблемы проведения судебных действий следственного характера с использованием видеоконференцсвязи. *Вестник Костромского государственного университета*. 2018;24(2):305–308.
9. Менжега М.М., Савельева М.В., Смушкин А.Б. Организация уголовного судопроизводства в период пандемии при отсутствии решения о введении ЧС (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19). *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(2):248–260. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).248-260.
10. Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017;(36):231–236. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-231-236.
11. Семенцов В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий. *Библиотека криминалиста*. 2016;(6):100–106.
12. Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. Особенности информатизации уголовного процесса в условиях

References:

1. Aminev Z.F. [On the issue of fixing the concept of "technical means" in the criminal procedure law]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Legal state: theory and practice*. 2018;(2(52)):135–142. (In Russ.)]
2. Arkhipets I.A., Bezhetkov D.E., Danilova Yu.Eh., Kandrov D.Yu., Solodovnik M.N., Fedotov A.A. [Open web / videoconferencing solutions and the open-meetings project]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informatsionnye tekhnologii = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Information Technology*. 2018;1(1):24–38. (In Russ.)]
3. Dashkin A.V. [The use of videoconferencing systems in criminal proceedings]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2018;(24 (210)):201–203. (In Russ.)]
4. Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. [Formation of a new strategy for investigating crimes in the era of digital transformation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2019;(46):752–775. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777 (In Russ.)]
5. Kazakova A.V. [Possibilities of using videoconferencing in criminal proceedings]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedural and criminalistic readings*. 2019;(3(25)):48–53. (In Russ.)]
6. Korobka E. [The Supreme Court has started considering cases in the mode of web conferences]. *Advokatskaya gazeta = Advocate newspaper*. 2020. April 22. (In Russ.)]
7. Kun D.E. [The essence and significance of technical means in criminal proceedings]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2016;(3):109–112. (In Russ.)]
8. Kurochkina Yu.S. [Problems of conducting investigative judicial actions using videoconferencing]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2018;24(2):305–308. (In Russ.)]
9. Menzhega M.M., Savel'eva M.V., Smushkin A.B. [Organization of criminal proceedings during a pandemic in the absence of a decision on the introduction of an emergency (on the example of the COVID-19 coronavirus infection pandemic)]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2021;15(2):248–260. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).248-260 (In Russ.)]
10. Pastukhov P.S., Losavio M. [The use of information technologies to ensure the security of the individual, society and the state]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2017;(36):231–236. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-231-236 (In Russ.)]
11. Sementsov V.A. [Application of videoconferencing technology in a court session and in the course of investigative actions]. *Biblioteka kriminalista = Library of criminalist*. 2016;(6):100–106. (In Russ.)]
12. Smakhtin E.V., Smirnova I.G. [Features of informatization of the criminal process in a pandemic:

- пандемии: новые вызовы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2021;12(3):544–554. DOI: 10.21638/spbu14.2021.304. [new challenges]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right.* 2021;12(3):544–554. DOI: 10.21638/spbu14.2021.304 (In Russ.)]
13. Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2021;14(5):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23. [13. Stepanov O.A., Pechegin D.A., D'yakonova M.O. [On the issue of digitalization of judicial activity]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics.* 2021;14(5):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.4.23 (In Russ.)]
14. Тихомирова Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая трансформация. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2021;(2):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23. [14. Tikhomirova Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Bal'khaeva S.B. [Law and digital transformation]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics.* 2021;(2):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23 (In Russ.)]
15. Царев М.А. Вопросы применения системы видеоконференц-связи в уголовном процессе. *Вопросы российской юстиции.* 2021;(14):559–566. [15. Tsarev M.A. [Questions of the use of the videoconferencing system in criminal proceedings]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Questions of Russian justice.* 2021;(14):559–566. (In Russ.)]
16. Шагеева Р.М. Об использовании видеоконференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам. *Правовое государство: теория и практика.* 2020;(4–2(62)):67–76. [16. Shageeva R.M. [On the use of videoconferencing in pre-trial proceedings in criminal cases]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of law: theory and practice.* 2020;(4–2(62)):67–76. (In Russ.)]
17. Gladysheva O.V., Kostenko R.V., Sementsov V.A. Digitization: problems of use and protection of information in criminal proceedings. *Studies in Computational Intelligence.* 2019;826:395–401. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_46 [17. Gladysheva O.V., Kostenko R.V., Sementsov V.A. Digitization: problems of use and protection of information in criminal proceedings. *Studies in Computational Intelligence.* 2019;826:395–401. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_46]
18. Laptev V., Fedin V. Legal awareness in a digital society. *Russian law journal.* 2020;8(1):138–157. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157. [18. Laptev V., Fedin V. Legal awareness in a digital society. *Russian law journal.* 2020;8(1):138–157. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенов Владимир Александрович*

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1127-5603>
Author ID: 57194869679

Глимеида Виталий Витальевич

ассистент и аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-9795>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Sementsov*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1127-5603>
Author ID: 57194869679

Vitaliy V. Glimeida

Assistant and postgraduate student of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-9795>

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-77-86>

МЕСТО И РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКЕ

Калужина М.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Калужина М.А. Место и роль оперативно-розыскной деятельности в зарубежной пенитенциарной практике. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):77–86. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-77-86>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Калужина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.04.2022

Статья принята к печати: 04.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: В статье на основе анализа современного состояния оперативно-розыскного обеспечения отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации анализируются имеющиеся подходы в зарубежной пенитенциарной практике познания противоправного поведения заключенных в местах лишения свободы. Констатируется значимость специфических средств и методов оперативно-розыскной деятельности в решении социально-полезных задач противодействия пенитенциарной преступности. Исходя из ряда факторов, анализа данных официальной статистики свидетельствующих о сосредоточении в местах лишения свободы далеко не лучшей части осужденных делается вывод о наличии проблемных вопросов, в числе которых задачи предупреждения и профилактики терроризма и экстремистских проявлений, выявления и устранения причин и условий им способствующих. Автором подчеркивается важность одного из основных средств противодействия преступности – оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой уполномоченными государственными органами в пределах их компетенции, при этом акцентируется внимание на мерах специального характера.

Опираясь на результаты проводимых исследований рассматривается сущность и содержание оперативно-розыскного обеспечения процесса отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы как самостоятельной организационно-тактической формы, констатируется изменение характера угроз безопасности, требующее поиска комплексных подходов к противостоянию им. Делается вывод о необходимости совершенствования организации и правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Анализируются возможности системного сбора оперативно значимой информации в решении насущных задач в зарубежной пенитенциарной практике. Подчеркивается важность информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности в выявлении и пресечении потенциальных угроз

путем анализа поступающей оперативной информации, снижении неопределенности в принятии управленческих решений.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, деструктивное поведение, профилактика правонарушений.

THE PLACE AND THE ROLE OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN FOREIGN PENAL PRACTICE

Marina A. Kaluzhina

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kaluzhina M.A. The place and the role of operational search activities in foreign penal practice. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):77–86. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-77-86>

CONTACT INFORMATION:

Marina A. Kaluzhina, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University", Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.04.2022

The article has been accepted for publication: 04.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: Based on the analysis of the current state of the operational-search support for serving a criminal sentence in the Russian Federation, the article analyzes the existing approaches in foreign penitentiary practice to the knowledge of the unlawful behavior of prisoners. The significance of specific means and methods of operational-search activity in solving socially useful tasks of counteracting penitentiary crime is stated. Based on a number of factors, the analysis of official statistics indicating the concentration of far from the best part of inmates, it is concluded that there are problematic issues, including the tasks of preventing and preventing terrorism and extremist manifestations, identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to them. The author emphasizes the importance of one of the main means of combating crime – operational-search activities carried out by authorized state bodies within their competence, while focusing on special measures.

Based on the results of the ongoing research, the essence and content of the operational-search support for the process of ensuring the serving of a criminal sentence in the form of imprisonment as an independent organizational and tactical form are considered, a change in the nature of security threats is stated, requiring the search for integrated approaches to countering them. It is concluded that it is necessary to improve the organization and legal regulation of operational-search activities in penal system. The possibilities of systematic collection of operationally significant information in solving urgent problems in foreign penal practice are analyzed. The importance of information and analytical support for operational-search activities in identifying and suppressing potential threats by analyzing incoming operational information and reducing uncertainty in managerial decision-making is emphasized.

Keywords: penitentiary crime, destructive behavior, crime prevention.

Введение

На современном этапе социального развития преступность является одним из факторов, препятствующих стабильному функционированию любого государства: все более устойчивый характер приобретают тенденции увеличения количества тяжких и особо тяжких преступлений, роста профессионализма и организованности преступников, создание глобальной сети транснациональных

связей преступных структур; насилие, способы запугивания, в том числе с применением оружия, как средства разрешения конфликтов в преступной среде, превращаются в инструмент давления на исполнительную власть. Как следствие в местах лишения свободы, отмечается ряд негативных тенденций, сказывающихся в конечном итоге на состоянии оперативной обстановки в учреждениях. Приведем лишь некоторые:

– несмотря на стабильное сокращение абсолютных показателей количества лиц в местах лишения свободы, общее количество заключенных в пенитенциарных учреждениях остается на высоком уровне (Германия – 63 399 чел.; Франция – 70 651 чел.; Италия – 60 971 чел.; Турция – 297 019 чел.; Испания – 58 372 чел.; Великобритания 92 503 чел.; Азербайджан – 21 012 чел.¹; Соединенные Штаты Америки – 157,596 млн заключенных в федеральных тюрьмах);

– растет число лиц, отбывающих уголовное наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (в федеральных тюрьмах США оно превысило 80 %: сейчас каждый второй отбывает наказание на наркопреступления (45,6 %); около четверти за незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ (21,1 %); из них около половины отбывают уголовное наказание в тюрьмах высокой и средней категорий риска (43 %); более половины осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы (56,7 %), почти половина отбывают наказание второй раз и более)²;

– увеличивается количество осужденных с повышенной агрессивностью, психическими отклонениями, склонных к различным проявлениям деструктивного поведения – конфликтам, членовредительству, суициду, нападениям на сотрудников, других осужденных (37 % заключенных, содержащихся в федеральных тюрьмах США относятся к группе высокого риска с возможным рецидивом, 18 % среднего риска, 29 % низкого риска)³.

Статистика рецидивов вызывает тревогу специалистов США, так как около половины взрослых федеральных заключенных в возрасте до 24 лет (и младше) (51 %) и в возрасте от 25 лет до 34 лет (50 %) в будущем вновь совершают преступления. «Ставки» по «фьючерсам рецидивной преступности» США показывают, что около половины взрослых федеральных заключенных в возрасте до 24 лет (и младше) (51 %) и в возрасте от 25 лет до 34 лет (50 %) совершат повторные преступления;

– сохраняется активность криминальных лидеров, систематически предпринимающих попытки дестабилизации ситуации в местах лишения свободы, организующих массовые акции неповиновения, остается значительным число злостных нарушителей режима содержания, по-прежнему вызывает тревогу властей высокая побеговая активность содержащихся под стражей. Наблюдаемое по всей Латинской Америке насилие в тюрьмах зачастую связано с криминальной активностью членов тюремных (нелегальных) банд и организованных преступных группировок, выступающих причиной кровавых беспорядков и чрезвычайно высокой смертности в местах заключения.

В 2021 г. борьба за лидерство среди членов бандобъединений охватила три тюрьмы в государстве Эквадор и привела к гибели 79 чел. В Чили количество насильственных стычек в тюрьмах с участием трех и более человек резко возросло с 808 в 2014 г. до 4000 в 2017 г. Частой причиной увеличения числа опасных столкновений, связанных с насилием в отношении осужденных, выступали режимные меры, связанные с вынужденной изоляцией заключенных в условиях применения антиковидных мер. В 2020 г. более 200 заключенных тюрьмы Сингила в Республике Уганда, опасаясь вспышки COVID-19, совершили массовый побег. Семь из них убиты сотрудниками полиции в ходе проведенной спецоперации и шестнадцать заключенных задержаны⁴;

– констатируется ежегодный рост количества осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности. В 2021 г. в тюрьмах

¹ Council of Europe. Penal Statistics. SPACE1-2020 Pp. 34. Available: URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf.

² Official Site of Federal Bureau of Prisons. Statistic Inmate. Available: URL: <https://www.bop.gov/about/statistics/statistics>.

³ В соответствии с разработанной в 2020 г. ФБТ США программой «Инструменты оценки риска заключенных в федеральных тюрьмах». Доступно: URL: https://www.bop.gov/policy/forms/BP_A0338.pdf.

⁴ Global Prison Trends, 2021. Available: URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2021/05/Global-prison-trends-2021.pdf>.

Великобритании содержалось 157 чел., классифицированных как «исламисты-экстремисты», кроме того 44 чел. отнесены к категории «крайне правых»¹.

Зарубежная пенитенциарная практика свидетельствует (о том), что в учреждениях имеет место совершение тяжких преступлений, наблюдаются злостные нарушения режима отбывания наказания, фиксируется поступление большого количества наркотиков, колюще-режущих и других запрещенных предметов; велико влияние заключенных, агрессивно отвергающих установленный распорядок, что создает угрозу нормальному функционированию тюрем и исправительных колоний. В 2020 г. протесты в тюрьмах (часто называемые «беспорядки») затронули почти каждый уголок земного шара. Беспорядки со смертельным исходом зарегистрированы в Венесуэле, Уганде, Шотландии и Шри-Ланке. Сообщается о 82 акциях в Аргентине, 40 – тюрьмах Италии. Причинами выступали заполняемость лимитов мест лишения свободы, неадекватные меры по предотвращению COVID-19, ограничение свиданий с семьей и социальных контактов в период пандемии, ужесточение норм национального законодательства. Беспорядки привели к гибели 13 осужденных и травмам среди десятков заключенных, в том числе среди тюремного персонала². Заключенные федеральных тюрем США совершили 71 441 противоправное деяние, из которых 17 178 (24%) отнесено к категории особо тяжких; в отношении сотрудников зарегистрировано восемь случаев сексуального насилия, оставшихся безнаказанными³.

Отмечаемые тенденции свидетельствуют о том, что эффективность противодействия таким негативным явлениям, отклонениям от норм морали и права невозможна без одного из основных средств противодействия преступности – оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой уполномоченными государственными органами в пределах их компетенции посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (согласно российскому законодательству).

Следует отметить, что этот вид правоохранительной деятельности в ряде зарубежных стран структурно и организационно не обособлен от иных функций уголовной юстиции, не выделен специальный круг субъектов, уполномоченных государством ее осуществлять. В качестве аналога оперативно-розыскных мероприятий можно рассматривать специальные методы расследования⁴, они отличаются от обычных и включают как скрытые действия, так и использование технических возможностей. Они особенно полезны в борьбе с профессионально организованными преступными группами, поскольку раскрытие преступных операций и сбор информации и доказательств, необходимых для внутригосударственного судебного преследования и уголовного производства, сопряжены с многими рисками.

Это обуславливает необходимость изучения иностранного опыта в области организации и правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и на этой основе разработки и внесения предложений по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной практики Российской Федерации.

Методы исследования

При проведении данного исследования автором использованы методы эмпирического получения знаний: исторический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой анализ, метод толкования правовых норм; частные методы: наблюдение, статистический, контент-анализ материалов СМИ. В совокупности указанные методы позволили комплексно исследовать рассматриваемый феномен как социальное, правовое явление, систематизировать закономерности его детерминации и основные направления развития.

В странах Европы оперативное сопровождение процесса реализации уголовных наказаний включает, прежде всего, уголовно-исполнительные средства обеспечения режима (деятельность по охране заключенных, применение мер оперативно-профилактического характера, обеспечение безопасности), носящие характер принуждения. Так, в Великобритании в структуре Министерства

¹ House of Common Library. Terrorism in Great Britain. The Statistics. 2021. Available: URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7613/CBP-7613.pdf>.

² Global Prison Trends, 2021. Available: URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2021/05/Global-prison-trends-2021.pdf>.

³ US Department of Justice. Bureau of Justice Statistics. Federal Prisoner Statistics Collected under the First Step Act, 2021. Available: URL: <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/fpscfsa21.pdf>.

⁴ Понятие «специальные методы расследования» определено рекомендацией Rec (2005) Совета Европы от 20 апреля 2005 года; под которыми понимаются методы, применяемые компетентными органами в контексте уголовных расследований для выявления и раскрытия особо опасных преступлений и действий подозреваемых и обеспечивающие сбор информации таким образом, чтобы об этом не знали лица, против которых они направлены.

юстиции и на уровне пенитенциарных учреждений существуют оперативные подразделения, к их компетенции отнесены задачи поддержания установленного законом и соответствующими нормативными правовыми актами порядка исполнения наказаний и отбывания лишения свободы¹. В ходе решения этих задач проводятся регламентированные нормами законодательства и подзаконными нормативными актами оперативно-розыскные и режимные мероприятия с применением арсенала специальных средств и методов.

В Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ) значительное место в обеспечении государственной безопасности принадлежит Федеральному ведомству уголовной полиции. К его компетенции отнесено противодействие терроризму, расследование уголовных дел, агентурно-оперативная работа². Для этого оно использует свой агентурный аппарат, самостоятельную службу наблюдения, а также современные оперативно-технические средства и методы.

В Соединенных Штатах Америки (далее – США) оперативно-розыскная функция занимает подобающее ей место в ряду иных функций обеспечения безопасности в федеральных тюрьмах, тюрьмах штатов и джейлах. Аттестованные сотрудники учреждений, специальный следственный состав, сотрудники подразделений оперативной аналитической разведки, надзиратели образуют круг субъектов, ее осуществляющих.

Правовая система США определяет особенности организации правоохранительных органов США, в том числе пенитенциарной системы страны, целиком и полностью подчиняющейся решениям высших органов государственной власти США и проводимой политике. В США в ведении федерального министерства юстиции США и управлений исправительных учреждений находятся тюрьмы, исправительные учреждения, центры приема, диагностики, классификации заключенных по уровню безопасности.

Центральные органы управления пенитенциарными силами – министерства и ведомства – играют весьма значительную роль в организации и осуществлении оперативно-розыскной деятельности фактически во всех зарубежных странах независимо от того, возлагается ли главная ответственность за состояние правопорядка в местах содержания заключенных на общенациональные или региональные власти. Это обусловлено, прежде всего, тем, что преступность в местах лишения свободы не является узковедомственной или региональной проблемой, и действительно решать ее местные власти просто не в состоянии. Министерство юстиции США – департамент федерального правительства США, своим предназначением имеет обеспечение исполнения законов и отправление правосудия. Управление министерством осуществляется по принципу единоначалия. Его возглавляет Генеральный прокурор, выполняющий всю совокупность функций, которые в большинстве стран разделены между полицией, прокуратурой, министерством внутренних дел, уголовным розыском, министерством юстиции и пенитенциарной системой.

Исследователи подчеркивают, что оперативно-розыскная деятельность – одна из основных составляющих раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, без нее невозможно достижение поставленных целей защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [6, с. 16.]. Очевидно, что дальнейшее совершенствование организации, форм и методов оперативно-розыскной деятельности – важнейший фактор повышения эффективности противодействия пенитенциарной преступности³ в целом.

Анализ научных публикаций позволяет говорить о том, что вопросы оперативно-розыскного сопровождения исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы заложены и развиты такими учеными как П.А. Ананьин, В.М. Анисимков, Н.П. Барабанов, С.И. Гирько, Ю.Ф. Кваша, Л.В. Кондратюк, В.В. Копейкин, В.В. Кутковский, В.В. Мамчун, А.С. Михлин, В.Н. Омелин, Е.М. Рябков, И.Л. Хромов и др.

Для современного понимания проблемы динамично развивающейся системы и специфичной деятельности, направленной на комплексное решение, особого внимания заслуживают исследования А.А. Бабушкина, К.К. Горяинова, С.С. Епифанова, А.В. Кудрявцева и др.

¹ HM Prisons & Probation Service. Annual Report and Accounts. 2020/2021. Available: URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1041628/HMP_PS_Annual_Report_and_Accounts_2020-21.pdf.

² Официальный сайт Федерального ведомства уголовной полиции. Bundeskriminalamt (БКА). Доступно: URL: https://www.bka.de/DE/UnsereAufgaben/Deliktsbereiche/Spionage/spionage_node.html.

³ Пенитенциарная преступность – это совокупность преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы за определенный промежуток времени.

Среди зарубежных исследователей необходимо выделить Р. Акермана (R. Ackerman), К. Замбла (K. Zamble), В.Л. Куинси (V.L. Quincey), Р. Мюллера (R. Müller), Дж. И. Дугласа (J.E. Douglas), внесших вклад в изучение содержания сдерживающих механизмов совершения преступлений.

Анализ опубликованных работ (П.В. Агапов, С.С. Галахов, Г.А. Майстренко, В.В. Меркурьев и др.) позволяют констатировать важную проблему, суть которой заключается в недостаточном развитии существующей практики противодействия терроризму и экстремистским проявлениям в местах лишения свободы [4, с. 47–51]. Специалисты констатируют, что имеющаяся практика оказания контролирующего воздействия на лиц, находящихся в местах отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы недостаточно результативна, нуждается в совершенствовании [3, с. 159–164].

Опыт стран с развитыми правовыми системами свидетельствует, что мощным оружием по предотвращению и борьбе с террористической и экстремистской деятельностью, различными проявлениями противоправного поведения в пенитенциарных учреждениях выступает оперативно-розыскная деятельность. Осознание необходимости решения стоящих перед правоохранительными органами России задач обуславливает необходимость изучения иностранного опыта в области противодействия терроризму и экстремизму, организации и нормативного правового регулирования оперативно-розыскного обеспечения исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы.

Результаты исследования

Анализируя многоаспектную деятельность оперативно-розыскных органов зарубежных государств по профилактике (предупреждению) правонарушений террористической и экстремистской направленности, следует отметить, что она в основном осуществляется путем криминологической профилактики, т.е. представляет собой комплекс мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, в целях последующего воздействия компетентными органами исполнительной власти. При этом надо учитывать, что объективное и всестороннее выявление, изучение причин и условий – наиболее сложная и весомая часть работы по противодействию терроризму и экстремизму, слабо регламентированное законодательно и недостаточно изученное наукой [1].

В этой связи деятельность федерального бюро тюрем США (далее – ФБТ США) содержит такие важные компоненты как недопущение противоправного поведения, любого насилия (выявление причин и условий им способствующим); предотвращение противоправных деяний (на стадиях формирования, обнаружения умысла и приготовления к преступлению), пресечение правонарушений [11, с. 735–755].

Для ФБТ США остро стоит вопрос противодействия наблюдаемой в последние десятилетия радикализации [12] и «вербовки» заключенных: десятки тысяч заключенных федеральных тюрем, исповедовавших иную религию, приняли ислам во время отбывания срока наказания¹. Как известно, радикализация представляет собой динамичный процесс, при котором индивид принимает и поддерживает насильственный экстремизм. Причины этого процесса могут быть идеологическими, политическими, религиозными, социальными, экономическими или личными. В масштабах страны наибольшая активность обращения в ряды последователей этого учения отмечается в тюрьмах густонаселенных районов западного побережья и северо-востока США. Особую угрозу представляет наступательная деструктивная активность ряда радикально настроенных объединений, побуждающих к совершению преступлений – носителей «идейной платформы салафизма» сунитского направления ислама, приверженцев шиитского ислама, а также пропагандируемая ими идеология, аналогичная иранской и ливанской «Хезболле». Как известно, отправление правосудия в США – главным образом прерогатива штатов и местных исполнительных органов власти². Из более чем 2 млн. заключенных

¹ По результатам комплексной оценки, основанной на результатах 2 000 опрошенных (аттестованных сотрудников пенитенциарных учреждений США, специального следственного состава, сотрудников подразделений аналитической разведки, надзирателей государственных и местных учреждений, капелланов, а также сотрудников федерального бюро расследований США, агентства национальной безопасности США, террористического скринингового центра США, Министерства внутренней безопасности США и службы федеральных маршалов США).

² Федеральные тюрьмы и тюрьмы штатов не представляют замкнутой иерархичной системы, они независимы друг от друга. Пенитенциарная система США образует сложную сеть пенитенциарных учреждений: федеральные тюрьмы, тюрьмы штатов и местные тюрьмы (джейлы).

США 94 % находятся в местных тюрьмах и джейлах¹. Осужденные судами штатов отбывают наказание в тюрьмах штатов, которые подчиняются местным властям. Исполнение наказания в тюрьмах штатов основано, прежде всего, на уголовном законодательстве штатов. Правовые и организационные основы деятельности тюрем штатов вырабатываются также на местном уровне.

Вопросы угрозы распространения радикальных взглядов среди заключенных наиболее остро звучат на местном уровне [15]. Например, в тюрьмах штата Калифорния отсутствуют стандарты проведения проверок деятельности мусульманских религиозных организаций. Правила устанавливаются начальником в каждой тюрьме по-разному, что приводит к отсутствию единых подходов к работе с капелланами, добровольцами по оказанию религиозной поддержки заключенным. Только одна тюрьма штата Калифорния принимает до 3 000 добровольцев каждый месяц, проверить которых на предмет возможной радикализации заключенных в условиях нехватки персонала и недостаточного финансирования довольно сложно.

В условиях переполненности тюрем остро ощущается нехватка экспертов и аналитиков, при этом тюремный персонал направляет большую часть своих ресурсов на поддержание элементарного порядка и безопасности, а не для квалификации криминогенных деликтов заключенных и лиц, освобождаемых условно-досрочно. Ситуация усугубляется тем, что радикально настроенные сокамерники, не желая привлекать внимания к себе и своим экстремистским целям, побуждают персонал сосредоточить внимание на заключенных других групп и категорий риска, что выводит из-под контроля латентные процессы радикализации тюрем [2, с. 30–32].

В 2005 г. в штате Нью-Йорк совместными усилиями департамента внутренних дел, службы безопасности штата Нью-Йорк, государственного департамента исправительных учреждений штата Нью-Йорк, департамента исправительных учреждений г. Нью-Йорка, полиции г. Нью-Йорка и ФБР США начат сложный процесс создания интегрированной системы наблюдения за тюрьмами с тем, чтобы иметь возможность отслеживать процессы радикализации в тюрьмах штата и тюрьмы на острове Райкерс, где находится главный тюремный комплекс г. Нью-Йорка. Названные агентства располагали ранее собственными программами мониторинга тюрем, при этом каждое было независимым от другого. Новая интеграционная система построена на базе хорошо зарекомендовавшей себя группе разведывательных подразделений на уровне штата и города, использует возможности регионального разведывательного центра для объединения разведанных, получаемых в тюрьмах.

Научная дискуссия

Полезным подспорьем в практике обнаружения, сдерживания и пресечения процессов радикализации и вербовки в тюрьмах США становятся цифровые технологии, которые можно использовать в качестве инновационных элементов сложных специальных методов расследования [10, с. 1219–1239]. С 2003 г. решение задач в этой сфере организовано посредством инициативной аналитики с применением искусственного интеллекта. Полученные результаты позволили расширить эту практику за пределы федеральной системы и распространить в государственных и местных исправительных учреждениях. Сбор данных нацелен на комплексное понимание проблемы; обнаружение, сдерживание и пресечение усилий террористов, экстремистов, радикально настроенных групп на федеральном уровне, уровне штата, в местных, или частных тюрьмах. Полученные материалы предоставляются в качестве учебных и вспомогательных материалов и могут быть использованы для обучения сотрудников и организации профилактической работы в государственных и местных исправительных учреждениях.

Вопросы организации оперативно-розыскной деятельности по противодействию экстремизму – одно из приоритетных направлений зарубежной оперативно-розыскной практики. Выявление, предупреждение и пресечение экстремисткой деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, отдельных лиц в местах лишения свободы вышли за пределы ведомственных, требуют координации и согласованности действий компетентных субъектов.

Последнее десятилетие наглядно демонстрирует изменение характера угроз безопасности, требующее поиска комплексных подходов к противостоянию им. Поскольку одних лишь усилий силовых структур или новаций в нормотворчестве, становится недостаточно [5, с. 7–13], то в новых ассиметричных подходах необходимо будет опираться на современные информационные стратегии.

В 2009 г. в ФРГ вступил в силу законодательный акт о федеральном криминальном ведомстве, существенно расширяющий полномочия в антитеррористической борьбе: расширены

¹ Department of Justice. Office of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics. Prison Statistics. August, 2020.

права сотрудников федеральной полиции по получению и проверке первичных данных в отношении отдельных лиц на предмет возможной причастности к террористическим актам. В результате совершенствования информационной составляющей создана межведомственная база данных и использование персональных досье в борьбе с терроризмом и экстремизмом¹. Реализация требуемых законодательных актов направлена на создание разветвленной информационной системы, нацеленной на борьбу с экстремистской и террористической деятельностью.

Сферой деятельности специальных служб ФРГ является «превентивная разведывательная деятельность», т.е. сбор информации о потенциальных террористических угрозах. Ответственность за обеспечение внутренней безопасности на федеральном уровне несет федеральное министерство внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern und für Heimat, ВМИ)², тогда как осуществление антитеррористических мероприятий возложено на федеральную полицию Германии (Bundespolizei, ВПОЛ)³ и федеральное ведомство уголовной полиции (Bundeskriminalamt, ВКА)⁴. На региональном уровне поддержку им оказывают органы полиции, находящиеся в юрисдикции соответствующей земли. Помимо этого, в ФРГ функционирует так называемое спецподразделение федеральной полиции GSG 9 (Grenzschutzgruppe 9), представляющее собой многофункциональную оперативную группу немедленного реагирования. Оперативные силы используются при решении особо сложных или особо опасных задач, когда преступники оказывают сопротивление с применением оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, опасных веществ или других опасных материалов.

Для противодействия исламскому экстремизму, т.е. в целях выявления «спящих» террористических ячеек, оперативными службами ФРГ используется метод моделирования [14, с. 85–86] в осуществлении «растрогого розыска» потенциальных преступников [7, с. 6–17]. Его суть сводится к получению персональной информации о не конкретизированном круге лиц путем автоматизированной обработки информационных массивов в целях поиска сведений, релевантно соотносимых с прообразами лиц, явлений, процессов с последующим анализом выявляемых имплицитных (скрытых) характеристик, динамики и взаимосвязей; объяснения поведения объекта в конкретных ситуациях. К числу массивов информации, носящих накопительный (аккумулированный) характер, отнесены полицейские информационные системы, базы данных, формируемые в интересах уголовного преследования, персонифицированные базы данных государственных и негосударственных организаций и учреждений. Благодаря этому методу в ФРГ выявлены сотни лиц, косвенно причастных к террористической деятельности [8, с. 52–62].

Системный сбор информации законодательно урегулирован положениями Основного закона ФРГ (Конституции), федеральными и земельными законами о полиции, уголовно-процессуальными нормами, нормами полицейского права, в соответствии с которыми государственные и негосударственные структуры Германии обязаны предоставить соответствующие информационные ресурсы для машинной обработки (просеивания) информации. В результате обработки информации по формализованным критериям – поисковым признакам выбираются лица, соответствующие составленной динамической модели (растру, профилю) потенциального правонарушителя [9, с. 371]. Эти лица подвергаются дальнейшей проверке на предмет их причастности к противоправной деятельности традиционными следственными и оперативно-розыскными средствами и методами (электронного наблюдения, опросов, допросов, обысков).

Таким образом, особое место в зарубежной оперативно-розыскной практике отведено информационно-аналитическим технологиям. Сегодня вполне очевидно, что служба оперативной разведки – важнейший компонент обеспечения безопасности в зарубежных тюрьмах. Формируемые учеты оперативных данных нацелены на упредительное выявление заключенных, посетителей, персонала и организаций, планирующих либо осуществляющих деятельность, которая может

¹ Bundeskriminalamt. Datenbestand und Nutzung der Anti-Terrordatei (ATD) und der Rechtsextremismus-Datei (RED). Available: URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/AntiterrordateiRechtsextremismusdatei/antiterrordateiRechtsextremismusdatei_node.html.

² Официальный сайт федерального министерства внутренних дел Германии. Bundesministerium des Innern und für Heimat. Available: URL: <https://www.bmi.bund.de/DE/startseite/startseite-node.html>.

³ Официальный сайт федеральной полиции Германии. Bundespolizei. Available: URL: <https://www.komm-zur-bundespolizei.de/>.

⁴ Официальный сайт федерального ведомства уголовной полиции Германии. Bundeskriminalamt. Available: URL: https://www.bka.de/DE/Home/home_node.html.

представлять угрозу обеспечению правопорядка, охраны и безопасности тюрьмы. Цели тюремной разведки – выявление и пресечение потенциальных угроз путем анализа поступающей оперативной информации, снижение неопределенности в принятии управленческих решений.

Задачи могут быть определены следующим образом:

- изучение определенных групп заключенных (например, участников тюремных банд), выявление их как причастных к противоправной деятельности и представляющих различные угрозы безопасности тюрьмы;
- оказание содействия администрации тюрем в организации информационного обеспечения по предотвращению побегов, массовых беспорядков;
- выявление, пресечение и предупреждение противоправной деятельности в тюрьме, нарушений режима содержания;
- выявление, пресечение и предупреждение преступной деятельности за пределами тюрьмы;
- выявление, пресечение и предупреждение коррупционных проявлений, возможной причастности персонала к доставке контрабанды;
- содействие выявлению организованных преступных и/или террористических групп;
- оценка влияния и взаимоотношений членов организованных преступных групп;
- выявление уязвимостей пенитенциарной системы;
- выявление радикально и экстремистски настроенных заключенных;
- содействие защите наиболее уязвимых категорий заключенных;
- информационное обеспечение принятия управленческих решений по предотвращению и управлению инцидентами [13].

Подводя итоги можно констатировать, что в местах лишения свободы в структуре оперативно-розыскного обеспечения исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы следует выделить такие элементы как:

- недопущение правонарушений (находится у истоков генезиса противоправного поведения, и характеризуется формированием первичных причин, условий, иных криминологически важных детерминант);
- предотвращение преступных деяний (достигается на стадиях формирования, обнаружения умысла и приготовления к преступлению);
- пресечение (реализуется на стадиях неоконченного и окончченного покушения на их совершение, а также в ситуациях многоэпизодной преступной деятельности).

Список использованной литературы:

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование: монография. М., 2015.
2. Галахов С.С. Характеристика личности участников религиозных экстремистских организаций, отбывающих уголовное наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, используемая для решения задач оперативно-розыскной деятельности. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2018;(6):30–32.
3. Казберов П.Н. Проблемные аспекты безопасности функционирования уголовно-исполнительной системы в связи с распространением политического и религиозного экстремизма. *Юридическая наука: история и современность*. 2015;(8):159–164.
4. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемы пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России. *Право и безопасность*. 2014;(2):47–51.
5. Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Противодействие исламскому экстремизму – основной принцип мировой безопасности. Сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. «Перспективы социально-экономического развития

References:

1. Antonyan Yu.M., Ehminov V.E. [The identity of the perpetrator. *Criminological and psychological research*]. M., 2015. (In Russ.)]
2. Galakhov S.S. [Characteristics of the personality of participants in religious extremist organizations serving criminal sentences in institutions of the penitentiary system, used to solve the problems of operational-search activity]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie = Penal system: law, economics, management*. 2018;(6):30–32. (In Russ.)]
3. Kazberov P.N. [Problematic aspects of the security of the functioning of the penitentiary system in connection with the spread of political and religious extremism]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*. 2015;(8):159–164. (In Russ.)]
4. Merkur'ev V.V., Agapov P.V. [Problems of suppression and prevention of extremist activity in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*. 2014;(2):47–51. (In Russ.)]
5. Nishkin A.V., Vashkevich A.V. [Countering Islamic extremism is the main principle of world security]. Sat. mater. all-Russian scientific-practical. conf. "Prospects for the socio-economic development

- России*». Чебоксары, 2020.
6. Проблемы оперативно-розыскной деятельности: избр. работы / сост. К.К. Горяинов, А.П. Исиченко, А.С. Вандышев. М., 2005.
7. Сокол В.Ю. Растровый розыск в Германии. Краснодар, 2009.
8. Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009;(10):52–62.
9. Andrews D.A., Bonta J., Wormith J.S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? *Criminal Justice and Behavior*. 2011;38(7):735–755. DOI: 10.1177/0093854811406356.
10. Arbach-Lucioni K., Martines-García M., Andrés-Pueyo A. Risk Factors for Violent Behavior in Prison Inmates. *Criminal Justice and Behavior*. 2012;39(9):1219–1239. DOI: 10.1177/0093854812445875.
11. *Criminal Profiling. International Theory Research and Practice* / Ed. by R.N. Kocsis, Totowa. New Jersey: Humana Press; 2007.
12. Gary Hill. *Prevention of Radicalization to Terrorism in Prisons: A Practical Guide* [text: electronic]. Available: Handbook-Ch-8-Schmid-Gary-Hill-FINAL-11-12-2020-1%20(1).pdf.
13. *Innovative Prisons Systems. Intelligence in Prisons*. [text: electronic]. Available: URL: <http://prisonsystems.eu/intelligence/>.
14. Meyer H., Wolf K., Müller R. *Kriminalistisches Lehrbuch der Polizei*. Verlag Deutsche Polizeiliteratur GmbH Buchvertrieb, Hilden/Rhld, 2003.
15. *Out of the Shadows: Getting Ahead of Prisoner Radicalizations* [text: electronic]. Available: URL: https://med.virginia.edu/ciag/wp-content/uploads/sites/313/2015/12/out_of_the_shadows.pdf.
- of Russia*". Cheboksary, 2020. (In Russ.)]
6. Problems of operational-search activity: fav. work / comp. K.K. Goryainov, A.P. Isichenko, A.S. Vandyshev. M., 2005. (In Russ.)]
7. Sokol V.Yu. [Raster search in Germany]. Krasnodar, 2009. (In Russ.)]
8. Trofimova O. [Muslims and Islam in Western Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2009;(10):52–62. (In Russ.)]
9. Andrews D.A., Bonta J., Wormith J.S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? *Criminal Justice and Behavior*. 2011;38(7):735–755. DOI: 10.1177/0093854811406356.
10. Arbach-Lucioni K., Martines-García M., Andrés-Pueyo A. Risk Factors for Violent Behavior in Prison Inmates. *Criminal Justice and Behavior*. 2012;39(9):1219–1239. DOI: 10.1177/0093854812445875.
11. *Criminal Profiling. International Theory Research and Practice* / Ed. by R.N. Kocsis, Totowa. New Jersey: Humana Press; 2007.
12. Gary Hill. *Prevention of Radicalization to Terrorism in Prisons: A Practical Guide* [text: electronic]. Available: Handbook-Ch-8-Schmid-Gary-Hill-FINAL-11-12-2020-1%20(1).pdf.
13. *Innovative Prisons Systems. Intelligence in Prisons* [text: electronic]. Available: URL: <http://prisonsystems.eu/intelligence/>.
14. Meyer H., Wolf K., Müller R. *Kriminalistisches Lehrbuch der Polizei*. Verlag Deutsche Polizeiliteratur GmbH Buchvertrieb, Hilden/Rhld, 2003.
15. *Out of the Shadows: Getting Ahead of Prisoner Radicalizations* [text: electronic]. Available: URL: https://med.virginia.edu/ciag/wp-content/uploads/sites/313/2015/12/out_of_the_shadow s.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калужина Марина Анатольевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

Author ID: 57202003524

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Kaluzhina

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University", Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Author ID: 57202003524

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-87-92>

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКИХ БИОБАНКОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Публично-правовое регулирование системы медицинских биобанков: постановка проблемы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):87–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-87-92>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.04.2022

Статья принята к печати: 11.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Целью работы выступает освещение малоисследованной проблемы публично-правового регулирования медицинского биобанкинга в Российской Федерации.

Соответственно, задачи работы включают в себя следующие исследовательские блоки: выработка понятия медицинского биобанка, соответственно, его содержания в соотношении с иными подобными явлениями, анализ системы публично-правового регулирования медицинских биобанков и постановка основных проблем такого правового регулирования.

В силу того, что медицинские биобанки выступают частью информационных систем, важно определить правила использования данных, имеющихся в различных типах биобанков.

Принципиальным выводом данного исследования является мысль о том, что медицинский биобанк представляет собой многоаспектное явление, включающее в себя медицинско-технологические, информационные и организационные аспекты. Правовая регуляторика медицинских биобанков имеет как публично-правовую, так и частно-правовую составляющие. Более того, есть аспекты биобанковской деятельности, которые выходят за рамки классического правового регулирования и являются предметом медицинского права с его активно формирующимся специфическим предметом правового регулирования. Речь в данном случае, на наш взгляд, идет о регулировании технологических условий хранения материалов биологических банков и условиях их использования для медицинских опытов.

Ключевые слова: медицинский биологический банк, медицинские информационные системы, правовое регулирование биобанков, управление в сфере медицины.

**PUBLIC LAW REGULATION OF THE SYSTEM OF MEDICAL
BIOBANKS: PROBLEM STATEMENT**

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Public law regulation of the system of medical biobanks: problem statement. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):87–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-87-92>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.04.2022

The article has been accepted for publication: 11.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The aim of the work is to highlight the little-studied problem of public law regulation of medical biobanking in the Russian Federation.

Accordingly, the tasks of the work include the following research blocks: the development of the concept of a medical biobank, respectively, its content in relation to other similar phenomena, the analysis of the system of public law regulation of medical biobanks and the formulation of the main problems of such legal regulation.

Due to the fact that medical biobanks are part of information systems, it is important to define the rules for using the data available in various types of biobanks.

The main conclusion of this study is the idea that the medical biobank is a multifaceted phenomenon that includes medical-technological, informational and organizational aspects. The legal regulation of medical biobanks has both public law and private law components. Moreover, there are aspects of biobanking activities that go beyond the classical legal regulation and are the subject of medical law with its actively emerging specific subject of legal regulation. In this case, in our opinion, we are talking about the regulation of the technological conditions for storing materials from biological banks and the conditions for their use for medical experiments.

Keywords: medical biological bank, medical information systems, legal regulation of biobanks, management in the field of medicine.

Введение

Активное развитие медицинских технологий, помноженное на возможности цифровых технологий, привели к принципиально новому явлению – появлению целой системы медицинских биобанков, разнообразных по своему содержательному наполнению, используемых для различных медицинских и не только медицинских целей, а потому требующих адекватного правового регулирования. Важно понимать, что роль и значение биобанков выходит далеко за исключительно медицинскую проблематику и включает в себя как минимум следующие проблемные компоненты: защита персональных данных; высокий риск мошенничества и иных противоправных деяний при оперировании с базами данных; защита от избирательного биологического оружия, что является одним из важнейших компонентов национальной безопасности. Целый ряд эпидемий, характеризующихся избирательным воздействием инфекций и вирусов на определенные расы, национальности, возрастные группы вольно или невольно приводит к мысли о том, что экспериментируются средства биологического воздействия на основе имеющихся баз биологических образцов.

Наличие предметно-функционального и организационного подходов к трактовке понятия биобанка также требует определенности для целей правового регулирования. Безусловно, в обозначенных условиях говорить об исключительно гражданско-правовом регулировании оборота медицинской биологической информации и образцов биологических материалов контрпродуктивно. Проблема явно выходит за рамки имущественных и личных неимущественных отношений, приобретает масштаб публичного интереса.

Методы исследования

Российская наука административного права и формирующаяся наука медицинского права нацелены на как на теоретическое обоснование нормотворческой и правоприменительной практики, так и на совершенствование фундаментальных основ правового регулирования медицинских биологических банков. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также методов сравнительного правоведения в контексте изучения опыта иностранных государств в сфере публично-правового регулирования медицинских биологических банков.

Результаты исследования

Мы приходим к идее о том, что биобанк должен восприниматься в том смысле, который в него вкладывает отечественный нормодатель, а именно – как система биологических данных в виде материальных биологических и информационных носителей, имеющих медицинское значение для человека, облеченная в юридически значимую организационно-правовую форму, допускаемую действующим законодательством для такого рода деятельности.

Предлагается формировать популяционные медицинские биобанки исключительно в организационно-правовых формах, предполагающих федеральную государственную форму собственности с целью обеспечения контроля за оборотом биологических образцов и геномной информации, потенциально являющейся материалом для разработки биологического оружия массового поражения.

Оборот персональной информации о биологических материалах несовершеннолетних должен осуществляться только с согласия уполномоченного государственного органа, осуществляющего государственный контроль и надзор в сфере медицинской деятельности.

Научная дискуссия

Биологические банки, «по мнению большинства исследователей, – одна из базовых составляющих персонализированной медицины, они позволяют проводить крупномасштабные популяционные исследования, осуществлять поиск новых биомаркеров, образцы биологических материалов человека являются неотъемлемой частью фундаментальных разработок и ключевым компонентом всех программ по созданию лекарственных препаратов» [9, с. 40]. Целый ряд государств, особенно тех, под чьей юрисдикцией формально находятся медицинские биотехнологические корпорации «проявляют прямую заинтересованность в формировании максимально обширной базы биологических данных на своей территории» [4, с. 22; 12, с. 123; 8, с. 39]. Справедливо говорится о том, что «сравнительно скромное правовое регулирование функционирования биобанков, помимо проблем безопасности информации, может повлечь претензионную практику со стороны граждан и общественности в их адрес» [13, с. 153–160].

Заметим, что не все биологические банки являются медицинскими. Существуют биобанки семян, растений и тому подобных биологических материалов, не имеющих отношения к медицинской деятельности.

Российское законодательство в норме части 3 статьи 37 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹ упоминает термин «биобанк», но не раскрывает его точного содержания, лишь оговариваясь, что биологический материал, клетки для приготовления клеточных линий, клеточные линии, предназначенные для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинские клеточные продукты должны храниться в условиях биобанков, обеспечивающих сохранение их биологических свойств и предотвращающих их инфицирование и загрязнение. Таким образом, законодатель говорит о функциональных свойствах биобанков с биотехнологической точки зрения. В то же время, М.Н. Малейна рассматривает биобанки с организационно-правовой точки зрения, отмечая, что «функции биобанка может

¹ О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ (ред. от 08.03.2022 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

выполнять структурное подразделение медицинской организации» [11, с. 75]. Аналогичные организационно-правовые подходы к пониманию биобанка есть в работах А.Г. Барабашева и Д.В. Пономаревой, которые также видят в биобанке лишь особый вид организации [2, с. 186–194]. «Суть биобанка не просто в хранении биоматериалов, но и в детальном описании геномных сведений» [1, с. 1372] – считают Е.В. Балановская с соавторами.

Нельзя не отметить, что представители иных гуманитарных наук видят биобанк в качестве некоего сложного явления. Так, Е.В. Брызгалина с соавторами говорят, что «в конце концов, биобанк не может восприниматься как простой склад биологических материалов и соответствующих данных» [5, с. 19].

Действующее законодательство определяет технологические требования к организации и деятельности биобанков в целом, не выделяя медицинские биобанки¹.

Роль и значение создания биобанков подчеркнуты в Указе Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»² и Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года³.

Как уже отмечалось, функционирование биобанков имеет медико-технологическую, информационную (включая информационную безопасность) и этическую составляющие. Технологическая и информационная составляющие выступают объектом публично-правового регулирования в том случае, когда сбор, хранение, оборот биологического материала и информации о нем приобретают характер «big data», то есть могут быть использованы для прогнозирования, принятия политических, включая военные решений.

Медицинские биобанки имеют неоднородную содержательную структуру хранящихся в них данных – это могут быть образцы тканей, биологически активные материалы, органы человека для целей трансплантации.

И если биологически активные материалы, органы для целей трансплантации регулируются гражданским правом давно, то материалы, используемые для реализации генетических и геномных исследований в Российской Федерации, в отличие от ряда иностранных государств [15, с. 803–814; 16, с. 707–710; 14, с. 404–424] стали объектом правового регулирования сравнительно недавно. Согласимся с мнением М.П. Имековой, считающей недостатком понимания биобанка в некоторых нормативных источниках отсутствие указания на сопроводительную информацию [6, с. 115] о биологических материалах как составной части биобанков [7, с. 54–65].

Особое место среди биобанков занимают «популяционные биобанки, проводящие комплексное обследование различных групп населения для определения профиля биомаркеров, свойственных данной популяции, генетических основ и частоты встречаемости заболеваний» [9, с. 39–42]. Без преувеличения можно сказать, что такого рода биобанки должны находиться только в федеральной государственной собственности и функционировать исключительно под контролем государственных органов медицинского и экспортного контроля. Это обусловлено высокой потенциальной опасностью использования таких биобанков для разработки биологического оружия массового поражения. В этом смысле прав А.В. Лисаченко, считающий, что возможность «несанкционированного использования потенциально опасных генно-инженерно-модифицированных организмов, которые не прошли соответствующих испытаний и неизвестны специализированным службам государственного надзора Российской Федерации», в пищевой промышленности, растениеводстве или в качестве кормов для сельскохозяйственных животных на тот момент волновала несравненно больше, чем вероятность использования кем-либо (террористами или внешним врагом) разработок в области генетики, геномики, молекулярной биологии и т.п. в качестве оружия массового поражения» [10, с. 38–46]. События в связи с проведением специальной военной

¹ См., напр.: Об утверждении требований к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов: Приказ Минздрава России от 20 октября 2017 года № 842н (ред. от 30.01.2019 г.) // [Официальный интернет-портал правовой информации] URL: <http://www.pravo.gov.ru> – 02.04.2018 (дата обращения: 23.03.2022).

² Собрание законодательства РФ. 2019. № 23. Ст. 2927.

³ Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2012 года № 2580-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 2. Ст. 111.

операции по димилитаризации и денацификации Украины подтвердили такого рода опасения¹. Впрочем, еще до указанных событий звучали голоса опасения в отношении использования геномных банков данных, например, А.Г. Блинов и М.М. Лапунин писали, что «к счастью человечества, пока генетическое оружие неэффективно в силу малых различий геномов разных народов. К сожалению, нет никаких гарантий, что в ближайшее время технически не будет достижимо подобное оружие, например, на уровне рас» [3, с. 805].

Сказанное требует не косвенной, а прямой регуляторики функционирования биобанков в Российской Федерации с выделением понятийного аппарата, структуры и организационных форм биобанков.

Список использованной литературы:

1. Балановская Е.В., Жабагин М.К., Агджоян А.Т. Популяционные биобанки: принципы организации и перспективы применения в геногеографии и персонализированной медицине. *Генетика*. 2016;52(12):1372–1385.
2. Барабашев А.Г., Пономарева Д.В. Защита персональных данных и научно-исследовательская деятельность: опыт правового регулирования ЕС. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;(6):186–194.
3. Блинов А.Г., Лапунин М.М. Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020;(4):804–831.
4. Брагина Е.Ю., Буйкин С.В., Пузырев В.П. Биологические банки: проблемы и перспективы их использования в исследованиях генетических аспектов комплексных заболеваний человека. *Медицинская генетика*. 2009;8(3):21–29.
5. Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов. *Вопросы философии*. 2016;(2):17–28.
6. Буйкин С.В., Брагина Е.Ю., Конева Л.А., Пузырев В.П. База данных коллекций биологического материала: организация сопроводительной информации. *Бюллетень Сибирской медицины*. 2012(1):114–126.
7. Имекова М.П. Биобанк как объект прав. *Журнал российского права*. 2020(12):54–65.
8. Кнопперс Б.М. Генетика, геномика и права человека. *Прецеденты Европейского суда по правам человека*. 2018;(3):39–48.
9. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Правовое регулирование деятельности биобанков в России. *Гражданское право*. 2020;(6):39–42.
10. Лисаченко А.В. Правовое обеспечение безопасности применения результатов генетических технологий как элемент государственной политики: состояние и перспективы. *Российский юридический журнал*. 2020;(6):38–46.
11. Малеина М.Н. Договор криоконсервации и хранения биологического материала человека в

References:

1. Balanovskaya E.V., Zhabagin M.K., Agdzhoyan A.T. [Population biobanks: principles of organization and prospects for application in gene geography and personalized medicine]. *Genetika = Genetics*. 2016;52(12):1372–1385. (In Russ.)
2. Barabashev A.G., Ponomareva D.V. [Protection of personal data and research activities: experience of legal regulation of the EU]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019;(6):186–194. (In Russ.)
3. Blinov A.G., Lapunin M.M. [Limits of intervention of criminal law in the field of human genome research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2020;(4):804–831. (In Russ.)
4. Bragina E.Yu., Buikin S.V., Puzyrev V.P. [Biological banks: problems and prospects of their use in the study of genetic aspects of complex human diseases]. *Meditinskaya genetika = Medical Genetics*. 2009;8(3):21–29. (In Russ.)
5. Bryzgalina E.V., Alasaniya K.Yu., Sadovnichii V.A. [Socio-humanitarian examination of the functioning of national depositories of biomaterials]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2016;(2):17–28. (In Russ.)
6. Buikin S.V., Bragina E.Yu., Koneva L.A., Puzyrev V.P. [Database of collections of biological material: organization of accompanying information]. *Byulleten' Sibirskoi meditsiny = Bulletin of Siberian Medicine*. 2012(1):114–126. (In Russ.)
7. Imekova M.P. [Biobank as an object of rights]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*. 2020(12):54–65. (In Russ.)
8. Knoppers B.M. [Genetics, genomics and human rights]. *Pretsedenty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka = Precedents of the European Court of Human Rights*. 2018;(3):39–48. (In Russ.)
9. Kryukova E.S., Ruzanova V.D. [Legal regulation of biobanks in Russia]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*. 2020;(6):39–42. (In Russ.)
10. Lisachenko A.V. [Legal support for the security of the application of the results of genetic technologies as an element of state policy: current state and prospects]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Journal of Law*. 2020;(6):38–46. (In Russ.)
11. Maleina M.N. [Contract for cryopreservation and storage of human biological material in a personal

¹ Кремль сообщил о наличии доказательств развития биологических лабораторий США вокруг РФ [сайт]. Известия; 2022. Доступно: <https://iz.ru/1309177/2022-03-22/kreml-soobshchil-o-nalichii-dokazatelstv-razvitiia-biolaboratorii-ssha-vokrug-rf>.

персональном биобанке. *Журнал российского права*. 2021;(4):71–82.

12. Резник О.Н., Кузьмин Д.О., Скворцов А.Е., Резник А.О. Биобанки – неопенимый ресурс трансплантации, история, современное состояние, перспективы. *Вестник трансплантологии и искусственных органов*. 2016;XVIII(4):123–132.

13. Сарманаев С.Х., Широков А.Ю., Васильев С.А., Осавелюк А.М., Зенин С.С., Суворов Г.Н. Предложения по расширению функций российских биобанков с целью защиты геномной информации. *Lex russica*. 2019(6):153–160.

14. Adigun M., Ojebuyi B.R., Akinyemi R. Symbolic legislation and the regulation of stroke biobanking and genomics research in Sub-Saharan Africa. *Theory and practice of legislation*. 2021;9(3):404–424.

15. Le Roux N., S de Montgolfie, J.H. di Donato, L. Boccon-Gibod, P. Teillace, C. Hervéb, P. Berthona Les collections de ressources biologiques humaines pour la recherche: de la réglementation à la mise en place d'un guide de bonnes pratiques du collectionneur. *La Revue de Médecine Interne*. 2003;24(12):803–814.

16. Pawlikowski J., Sak J. and Marczewski K. The analysis of the ethical, organizational and legal aspects of Polish biobanks activity. *European journal of public health*. 2010;20(6):707–710.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6611-8031>

Author ID: 57200340983

biobank]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(4):71–82. (In Russ.)]

12. Reznik O.N., Kuz'min D.O., Skvortsov A.E., Reznik A.O. [Biobanks – an invaluable resource for transplantation, history, current state, prospects]. *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov = Bulletin of transplantology and artificial organs*. 2016;XVIII(4):123–132. (In Russ.)]

13. Sarmanaev S.Kh., Shirokov A.Yu., Vasil'ev S.A., Osavelyuk A.M., Zenin S.S., Suvorov G.N. [Proposals for expanding the functions of Russian biobanks in order to protect genomic information]. *Lex russica*. 2019(6):153–160. (In Russ.)]

14. Adigun M., Ojebuyi B.R., Akinyemi R. Symbolic legislation and the regulation of stroke biobanking and genomics research in Sub-Saharan Africa. *Theory and practice of legislation*. 2021;9(3):404–424.

15. Le Roux N., S de Montgolfie, J.H. di Donato, L. Boccon-Gibod, P. Teillace, C. Hervéb, P. Berthona Les collections de ressources biologiques humaines pour la recherche: de la réglementation à la mise en place d'un guide de bonnes pratiques du collectionneur. *La Revue de Médecine Interne*. 2003;24(12):803–814.

16. Pawlikowski J., Sak J. and Marczewski K. The analysis of the ethical, organizational and legal aspects of Polish biobanks activity. *European journal of public health*. 2010;20(6):707–710.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6611-8031>

Author ID: 57200340983

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Лупарев Е.Б.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б. Проблемы административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):93–98. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-93-98>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2022

Статья принята к печати: 27.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Целью работы выступает освещение проблематики материально-правовых и процессуальных особенностей привлечения к административной ответственности за злоупотребление свободой средств массовой информации.

Соответственно, задачи работы включают в себя следующие исследовательские объекты: выработка понятия заведомо недостоверной информации, следовательно, его содержания в соотношении с иными подобными явлениями, анализ практики применения соответствующих статей КоАП РФ и перспективы развития деятельности государственных органов в сфере противодействия распространению заведомо недостоверной информации.

В силу того, что злоупотребление свободой СМИ является многоаспектным явлением смежным с уголовной ответственностью, автором проанализировано соотношение составов КоАП РФ и УК РФ, связанных с таким аспектом злоупотребления свободой СМИ, как распространение «фейковой» информации.

Принципиальным выводом данного исследования является мысль о том, что введенный в 2022 году в КоАП РФ состав статьи 20.3.3 в случае, если публичные действия выражаются в форме распространения заведомо недостоверной информации являются смежным с составами частей 9,19, 10.1, 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ. Дифференцирующим ответственность элементом объективной стороны выступает публичность распространения заведомо недостоверной информации, а с субъективной стороны – наличие такого факультативного элемента состава административного правонарушения как цель в виде дискредитации.

Ключевые слова: злоупотребление свободой средств массовой информации, ответственность за распространение «фейковых» новостей, заведомо недостоверная информация.

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION

Evgeniy B. Luparev

FGBOU VO "Kuban State University"

Link for citation: Luparev E.B. Problems of administrative responsibility for the dissemination of deliberately false information. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):93–98. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-93-98>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.04.2022

The article has been accepted for publication: 27.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The aim of the work is to highlight the issues of substantive and procedural features of bringing to administrative responsibility for the abuse of freedom of the media.

Accordingly, the tasks of the work include the following research objects: the development of the concept of knowingly unreliable information, respectively, its content in relation to other similar phenomena, the analysis of the practice of applying the relevant articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the prospects for the development of activities of state bodies in the field of counteracting the spread of knowingly unreliable information.

Due to the fact that the abuse of media freedom is a multidimensional phenomenon related to criminal liability, the author analyzes the ratio of the compositions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation related to such an aspect of the abuse of media freedom as the dissemination of "fake" information.

The fundamental conclusion of this study is the idea that the compositions of articles 20.3.3 introduced in 2022 in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, if public actions are expressed in the form of dissemination of deliberately false information, are adjacent to the compositions of parts 9.19, 10.1, 10.2 of article 13.15 of the Code of Administrative Offenses RF. The differentiating responsibility element of the objective side is the publicity of the dissemination of deliberately false information, and on the subjective side, the presence of such an optional element of an administrative offense as a goal in the form of discredit.

Keywords: abuse of freedom of the media, responsibility for the dissemination of "fake" news, knowingly false information.

Введение

Распространение заведомо недостоверной информации приобрело особый смысл с бурным развитием цифровых технологий, которые вывели оборот массового информирования населения за рамки исключительно средств массовой информации. Только за 1 месяц с момента введения в марте 2022 года в КоАП РФ статьи 20.3.3, по данным портала Право.ru в суды поступило 610 дел¹, часть из которых связана с использованием для этих целей СМИ, Интернет-ресурсов и связана с публичным распространением заведомо недостоверной информации о Вооруженных Силах РФ.

Практика показывает, что значительная часть населения, особенно молодежи, больше пользуется сетевыми источниками информации, которые не имеют статуса СМИ. Это, с одной стороны, создает для распространителей иллюзию того, что распространяться может любая информация без обязательств проверки ее достоверности, а с другой – дезориентирует значительную часть населения относительно обстоятельств того, о чем распространяется информация. Оценка такой информации затруднена в силу отсутствия возможностей достоверной ее проверки, так как зачастую распространители информации облачают ее в форму ссылок на некие информированные источники без конкретного их указания. С административно-правовой точки зрения такого рода

¹ [сайт]. ПРАВО.RU; 2022 [процитировано 19 мая 2022]. Доступно: <https://pravo.ru/news/240665/>.

злоупотребления конституционным правом получать и передавать информацию создают своего рода криминогенный фон, создающий почву для совершения уже преступных деяний. В силу этого одной из задач исследования выступает разграничение составов административных правонарушений и преступлений за распространение заведомо недостоверной информации.

Методы исследования

Российская наука административного права и, в частности, административно-деликтное право формируют теоретическое обоснование нормотворческой и правоприменительной практики, а также фундаментальные основы правового регулирования административно-деликтных отношений в сфере деятельности средств массовой информации и оборота информации. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также методов сравнительного правоведения в контексте изучения опыта иностранных государств в сфере публично-правового регулирования оборота заведомо недостоверной информации.

Результаты исследования

Результатом исследования является сопоставительный анализ составов различных статей КоАП РФ, соотносящихся с разными родовыми объектами. Применительно к распространению заведомо недостоверной («фейковой») информации родовый объект – область связи и информации. Сам непосредственный объект статьи 13.15 КоАП РФ также носит неоднородный характер. Такое же публичное распространение, но с целями дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации (20.3.3) уже относится к такому родовому объекту, как общественный порядок и общественная безопасность. Нельзя сказать, что эти составы в чистом виде смежные. Дискредитация может выражаться в форме распространения заведомо недостоверной информации о действиях Вооруженных Сил РФ в том числе и посредством СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей, типа Интернет. С другой стороны, распространение заведомо недостоверной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ – частный случай дискредитации. Норма статьи 20.3.3 КоАП РФ выступает преюдиционной по отношению к статье 280.3 УК РФ. В совокупности данная конструкция дает основания считать соотношение 20.3.3 КоАП РФ по отношению к 13.15 КоАП РФ конкуренцией норм. Но, соответствующие части статьи 13.15 становятся при этом частным случаем статьи 20.3.3 КоАП РФ.

Научная дискуссия

Проблема распространения заведомо недостоверной информации [8, с. 38–43; 13, с. 3; 2, с. 54–57; 7, с. 52–55] стоит не только в связи с функционированием традиционных, включая электронные, средств массовой информации, но в связи с широким распространением социальных сетей и групповых мессенджеров типа WhatsApp¹, Telegram, WeChat как в Российской Федерации, так и в иностранных государствах [9, с. 72–80]. Экономическая нестабильность, массовые протестные выступления, банальные электоральные процедуры [15, с. 818–828] и тому подобные события зачастую становятся предметом политических спекуляций. В любом случае, законодательная характеристика состава такого рода правонарушения предполагает специфические характеристики субъекта, субъективной и объективной сторон, а также собственно объекта административного правонарушения. Объектом фейков могут стать не только общественно-политические события [12, с. 55–58], но и научные новости, например, связанные с методами лечения и получившие широкое распространение и социальную значимость в период пандемии COVID-19 [14, с. 290–298; 1, с. 32–39; 4, с. 22–26; 11, с. 3–5].

Итак, законодатель определил в качестве непосредственного объекта административного правонарушения, предусмотренного частями 9, 10, 10.1, 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ злоупотребление свободой массовой информации. Информационно-телекоммуникационные сети выходят за рамки понятия средств массовой информации. Понятие информационно-телекоммуникационной сети, заложенное в пункте 4 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² некоторые авторы предлагают скорректировать, употребив термин «информационно-

¹ Компания Meta, которой принадлежит мессенджер WhatsApp признана экстремистской организацией решением Тверского суда г. Москвы 21.03.2022 г. по делу № 02-2473/2022, но при этом данный мессенджер в отличии от иных продуктов данной компании не запрещен к использованию на территории Российской Федерации.

² Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

телекоммуникационная среда» [3, с. 16]. Тем не менее, применительно к вопросам административной ответственности законодатель вносит совершенно ясный посыл применительно к технологиям распространения информации, то есть посредством информационно-телекоммуникационной сети. Впрочем, в приведенной выше позиции А.К. Жаровой есть рациональное зерно, позволяющее охватывать и СМИ, и информационно-телекоммуникационные сети одним термином, но требующее от правоприменителя понимать структуру информационно-телекоммуникационной среды, что не всегда удобно в реальном правоприменении. Характеристика непосредственного объекта была бы поверхностной, если бы мы не проводили внутреннюю дифференциацию столь обширного объекта, как свобода информации, заложенного в наименовании статьи 13.15 КоАП РФ. Такая дифференциация может быть проведена через понятие предмет административного правонарушения. Некоторые авторы под предметом правонарушения понимают то, на что направлено непосредственное негативное влияние от незаконного посягательства правонарушителя [10, с. 39]. В случае с заведомо недостоверной информацией предметом правонарушения выступают как печатные средства массовой информации, так и носители информации, посредством которых осуществляется распространение, хотя некоторые авторы считают, что носители информации не могут считаться предметом административного правонарушения [6, с. 54–57]. В то же время, сама информация вряд ли может стать предметом правонарушения в смысле, который заложен в Кодексе РФ об административных правонарушениях. Таким образом, объект статьи 13.15 КоАП РФ неоднороден и включает в себя разные виды информации. В контексте заявленной темы исследования нас интересует заведомо недостоверная информация, а конкретно:

– заведомо недостоверная общественно значимая информация под видом достоверных сообщений, распространение которой создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния (часть 9 статьи 13.15 КоАП РФ);

– заведомо недостоверная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (часть 10.1 статьи 13.15 КоАП РФ);

– заведомо недостоверная общественно значимая информация под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи (часть 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ).

Введение 9, 19, 10.1, 10.2 частей КоАП РФ в 2019-2020 годах было обусловлено необходимостью борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19 [5, с. 15–20], заведомо недостоверная информация об эффективности принимаемых мер по борьбе с которой могла повлиять на общую эпидемиологическую обстановку в Российской Федерации.

Субъектом данного административного правонарушения выступают не только средства массовой информации, но и любые физические лица, и организации, причем, лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет, не зарегистрированные в качестве средств массовой информации, несут административную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации. Выясняя вопрос о том, имеет ли место злоупотребление свободой массовой информации, суду или иному юрисдикционному органу следует учитывать не только использованные в статье, теле- или радиопрограмме слова и выражения (формулировки), но и контекст, в котором они были сделаны (в частности, каковы цель, жанр и стиль статьи, программы либо их соответствующей части, можно ли расценивать их как выражение мнения в сфере политических дискуссий или как привлечение внимания к обсуждению общественно значимых вопросов, основаны ли статья, программа или материал на интервью, и каково отношение интервьюера и (или) представителей редакции средства массовой информации к высказанным мнениям, суждениям, утверждениям), а также учитывать общественно-политическую обстановку в стране в целом или в отдельной ее части (в зависимости от

региона распространения данного средства массовой информации)¹. В этой связи злободневным выглядит вопрос о распространении информации в условиях режима повышенной готовности в связи с пандемией COVID-19 и в связи со специальной военной операцией Российской Федерации по защите ДНР и ЛНР. В последнем случае, как нам представляется состав статьи 13.15 является смежным с вновь введенными в КоАП РФ составами статей 20.3.3 и 20.3.4, так как заведомо недостоверная информация может распространяться с целью дискредитации. Дифференцирующим ответственным элементом объективной стороны выступает публичность распространения заведомо недостоверной информации, а с субъективной стороны – наличие такого факультативного элемента состава административного правонарушения как цель в виде дискредитации.

Список использованной литературы:

1. Брежнев О.В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(2):32–39. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039>.
2. Долидзе Н.И., Ионкина Р.С. Современные технологии правового просвещения и правового информирования как инструмент профилактической деятельности прокуратуры. *Российский следователь*. 2021;(9):54–57. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-9-54-57.
3. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. М.: Янус-К; 2016.
4. Маслов И.А. Обеспечение законности применения административно-юрисдикционных средств в условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации. *Законность*. 2021;(8):22–26.
5. Новиков Е.А. Административная ответственность в связи с введением режима повышенной готовности. *Судья*. 2020;(11):15–20.
6. Пошелов П.В. Особенности правоприменения по делам о правонарушениях экстремистской направленности. *Административное право и процесс*. 2021;(12):54–57. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-12-54-57.
7. Рахматулина Р.Ш. Технология deepfake в праве интеллектуальной собственности. *Юрист*. 2022;(2):52–55. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-52-55.
8. Снежко О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(6):38–43. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-6-38-43.
9. Совик Ю.И. Ограничение распространения недостоверной общественно значимой информации: опыт европейских государств. *Конституционное и муниципальное право*. 2020;(8):72–80. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-8-72-80.
10. Стародубова Л.В. Соотношение предмета правонарушения и потерпевшего с позиции общей теории права. *Юридические исследования*. 2021;(6):37–43. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.6.35823.
11. Тихонов Я.И. О превентивных правовых мерах против распространения COVID-19 в России.

References:

1. Brezhnev O.V. [The problem of "anticovid" legal restrictions in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2022;(2):32–39. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039> (In Russ.)]
2. Dolidze N.I., Ionkina R.S. [Modern technologies of legal education and legal information as a tool for the preventive activities of the prosecutor's office]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2021;(9):54–57. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-9-54-57 (In Russ.)]
3. Zharova A.K. [Law and information conflicts in the information and telecommunication sphere]. M.: Janus-K; 2016. (In Russ.)]
4. Maslov I.A. [Ensuring the legality of the use of administrative and jurisdictional means in an unfavorable epidemiological situation]. *Zakonnost' = Legitimacy*. 2021;(8):22–26. (In Russ.)]
5. Novikov E.A. [Administrative responsibility in connection with the introduction of the high alert regime]. *Sud'ya = Judge*. 2020;(11):15–20. (In Russ.)]
6. Poshelov P.V. [Features of law enforcement in cases of extremist offenses]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2021;(12):54–57. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-12-54-57 (In Russ.)]
7. Rakhmatulina R.Sh. [Deepfake technology in intellectual property law]. *Yurist = Lawyer*. 2022;(2):52–55. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-52-55 (In Russ.)]
8. Snezhko O.A. [Ensuring the right to reliable information in the digital space]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2021;(6):38–43. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-6-38-43 (In Russ.)]
9. Sovik Yu.I. [Limitation of the dissemination of unreliable socially significant information: the experience of European states]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2020;(8):72–80. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-8-72-80 (In Russ.)]
10. Starodubova L.V. [Correlation between the subject of the offense and the victim from the standpoint of the general theory of law]. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2021;(6):37–43. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.6.35823 (In Russ.)]
11. Tikhonov Ya.I. [On preventive legal measures against the spread of COVID-19 in Russia]. *Gosudarstvennaya*

¹ См.: О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 года № 16 (ред. от 09.02.2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

Государственная власть и местное самоуправление. 2021;(2):3–5. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-2-3-5.

12. Хорунжий С.Н. Конституционные гарантии реализации избирательных прав в контексте ответственности за распространение недостоверной информации. *Конституционное и муниципальное право.* 2020;(3):55–58. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-3-55-58.

13. Шестакова М. Закон о «фейковых новостях». Штрафовать будут не за любую недостоверную информацию. *ЭЖ-Юрист.* 2019;(12):3–7.

14. Gerbina T.V. Science Disinformation: On the Problem of Fake News. *SCIENTIFIC AND TECHNICAL INFORMATION PROCESSING.* 2021;48(4):290–298.

15. Resende G., Melo P., Benevenuto F. Information Dissemination in WhatsApp: Gathering, Analyzing and Countermeasures. *WEB CONFERENCE 2019: PROCEEDINGS OF THE WORLD WIDE WEB CONFERENCE.* Pp.818–828.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4336-9495>

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government. 2021;(2):3–5. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-2-3-5 (In Russ.)]

12. Khorunzhii S.N. [Constitutional guarantees for the implementation of electoral rights in the context of responsibility for the dissemination of false information]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law.* 2020;(3):55–58. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-3-55-58 (In Russ.)]

13. Shestakova M. [Law on "fake news". They will not be fined for any false information]. *Ezhzh-Yurist = EZh-Lawyer.* 2019;(12):3–7. (In Russ.)]

14. Gerbina T.V. Science Disinformation: On the Problem of Fake News. *SCIENTIFIC AND TECHNICAL INFORMATION PROCESSING.* 2021;48(4):290–298.

15. Resende G., Melo P., Benevenuto F. Information Dissemination in WhatsApp: Gathering, Analyzing and Countermeasures. *WEB CONFERENCE 2019: PROCEEDINGS OF THE WORLD WIDE WEB CONFERENCE.* Pp.818–828.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy B. Luparev

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4336-9495>

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СМЕЖНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: О ПОНЯТИИ, ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ И ПУБЛИЧНО- ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ

Пашенко И.Ю.

Избирательная комиссия Краснодарского края
(Гимназическая ул., д. 30, г. Краснодар, Россия, 350000)

Ссылка для цитирования: Пашенко И.Ю. Искусственный интеллект и смежные технологии: о понятии, информационной природе и публично-правовых аспектах. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):99–105. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-99-105>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Пашенко Илья Юрьевич, советник аппарата избирательной комиссии Краснодарского края

Адрес: Гимназическая ул., д. 30, г. Краснодар, Россия, 350000

Тел.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: ilpa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.03.2022

Статья принята к печати: 30.04.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: В центре внимания данной работы – искусственный интеллект и смежные (сквозные) технологии, а также их возможное влияние на общественное развитие. Искусственный интеллект рассматривается автором как собирательная категория, основу для которой формируют информационные технологии. Соответственно, информационные технологии могут обладать интеллектуальными свойствами и функциями, а также наделять интеллектуальными характеристиками информационные системы. Под смежными технологиями автор подразумевает технологические решения, которые производны от искусственного интеллекта. Если искусственный интеллект рассматривается обобщенно, то смежные технологии имеют более конкретное выражение.

Цель данного исследования заключается в анализе подходов к определению искусственного интеллекта, формировании авторской позиции и выделении существующих тенденций развития отраслевого законодательства.

Методы, использованные автором, можно представить в комплексе, среди них особое место занимают системный анализ, обобщение, формально-логический и формально-юридический методы.

Результатом исследования стали выводы, сформулированные в отношении категории «искусственный интеллект». Исследованы подходы к определению искусственного интеллекта, проанализировано официальное понятие и предложена авторская дефиниция, учитывающая юридическую сторону и информационную природу объекта. Под искусственным интеллектом понимается комплекс технологий, предполагающих использование познавательных процессов для осуществления целенаправленной деятельности.

Настоящая работа подготовлена с целью участия в развитии общественной и научной дискуссии по вопросам искусственного интеллекта и перспективам его применения, в том числе в сфере юридической деятельности. Даная публикация открывает цикл статей о правовых аспектах искусственного интеллекта и смежных технологий, а ее продолжением является тематика демократизации искусственного интеллекта, его система и классификация.

Ключевые слова: искусственный интеллект, смежные технологии, сквозные технологии, информационные технологии, информационные системы, информационное право, информационное законодательство, информация, теория права, правовое регулирование.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND RELATED TECHNOLOGIES: ABOUT THE CONCEPT, INFORMATION BASIS AND PUBLIC LEGAL ASPECTS

Ilya Yu. Paschenko

Election commission of Krasnodar Krai
(Gimnazicheskaya str., 30, Krasnodar, Russia, 350000)

Link for citation: Paschenko I.Yu. Artificial intelligence and related technologies: about the concept, information basis and public legal aspects. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):99–105. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-99-105>

CONTACT INFORMATION:

Ilya Yu. Paschenko, Adviser to the office of the election commission of the Krasnodar Krai

Address: Gimnazicheskaya str., 30, Krasnodar, Russia, 350000

Tel.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: ilpa@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.03.2022

The article has been accepted for publication: 30.04.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The focus of this work is artificial intelligence and related technologies, as well as their possible impact on social development. Artificial intelligence is considered by the author as a generalized category, the basis for which is formed by information technologies. Information technologies can have intellectual properties and functions, as well as endow information systems with intellectual characteristics. By related technologies, the author means technological solutions that are derived from artificial intelligence. Artificial intelligence is considered generically. Related technologies have a more specific expression.

The purpose of this research is to analyze approaches to the definition of artificial intelligence, the formation of the author's position and the identification of existing trends in the development of industry legislation.

The methods used by the author can be presented in a complex (analysis, generalization, formal-logical and formal-legal methods).

The results of the research were the conclusions formulated in relation to the category of «artificial intelligence». The approaches to the definition of artificial intelligence are investigated, the official concept is analyzed, and the author's definition is proposed, considering the legal side and the informational aspect of the object. Artificial intelligence is understood as a complex of technologies involving the use of cognitive processes to carry out purposeful activities.

This work has been prepared to participate of public and scientific discussion on artificial intelligence and the prospects for its application, including in the field of legal activity. This publication opens a series of articles on the legal aspects of artificial intelligence and related technologies, and its continuation is the topic of the democratization of artificial intelligence, its system and classification.

Keywords: artificial intelligence, related technologies, automation technologies, information technologies, information systems, information law, information legislation, information, theory of law, legal regulation.

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) сравнительно недавно стал объектом многочисленных научных исследований в предметной области социальных наук, при этом непосредственно технологии ИИ и связанные с ними сферы были разработаны и широко известны еще во второй половине XX века (дискуссия велась представителями кибернетики, информатики и иных научных направлений) [8, с. 26].

Особый интерес к проблематике применения ИИ проявили представители юридической науки и практики, что отчасти обусловлено возникновением нетипичных правовых коллизий, с которыми юристы все чаще сталкиваются в профессиональной деятельности (определение субъектности и

деликтоспособности, оценка последствий и рисков, анализ распространения информации и возможностей ее влияния на участников отношений, выявление пределов усмотрения и свободы действий и т.п. при использовании информационных технологий с интеллектуальными функциями). Заметное расширение сфер применения ИИ привело к трансформации восприятия устоявшейся системы общественных отношений, что способствовало возникновению дискуссии об изменении ее субъектного состава и известной структуры, но при этом не оказало существенного влияния на конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений, т.е. на существование юридических фактов.

Нынешний уровень развития ИИ не представляется возможным назвать совершенным. Существующие информационные технологии с интеллектуальными свойствами не могут сравниться с уровнем сознания и разумностью, вкладываемой взрослым человеком в совершаемые им поступки. При этом подобные технологии уже сегодня демонстрируют явные преимущества перед возможностями человека, которые заключаются в принципиально ином выражении качественных и количественных результатов деятельности. Очевидный потенциал применения ИИ связан с возможностью совершения ускоренных (за наименьший промежуток времени) и обширных (на наибольшем объеме данных) вычислений, способных усовершенствовать пользовательский опыт при эксплуатации различной техники и обеспечить полезный эффект от осуществления разнообразной экономической деятельности.

Процесс развития ИИ в определенном смысле напоминает этапы социальной адаптации и обучения человека (от момента рождения к моменту ведения целенаправленной деятельности, но с различным целеполаганием на протяжении всего жизненного пути). Современный уровень развития ИИ исследователи зачастую обобщенно и условно сравнивают с уровнем хорошо подготовленного подростка [10, с. 39]. Перспективы применения интеллектуальных функций в информационных системах настолько высоки, что ИИ может стать уникальным результатом человеческого творения – принципиально иной формой, не имеющей биологических особенностей человека, но обладающей схожим набором возможностей для рационального познания окружающего мира и ведения целенаправленной деятельности в нем. Не исключено, что именно ИИ и смежные технологии позволят человечеству осуществить переход от биологической формы жизни к информационной, которая окажется более адаптированной к постоянно изменяющимся условиям существования во Вселенной. Однако спрогнозировать временные рамки столь сложного качественного перехода не представляется возможным, как и дать достоверную оценку реалистичности подобных сценариев общественного развития.

Последовательное внедрение информационных технологий с ИИ формирует потребности в появлении новых правил, необходимых для разрешения повседневных правовых проблем, которые являются совсем не простыми как для теории, так и для практики. Общественные отношения, в определенной мере осложненные ИИ, требуют не только правового анализа и фактической оценки рисков, но и выработки своевременных и обоснованных предложений по формированию нормативно-правового регулирования.

Методы исследования

Методология исследования подразумевает как использование общенаучных методов (системный анализ, обобщение, формально-логический метод), так и применение специально-юридических методов (формально-юридический метод).

Результаты исследования

Сформулированные автором результаты исследования можно представить в следующих тезисах, которые подробно раскрыты в рамках научной дискуссии:

1. В правовой науке представлены различные точки зрения по вопросу определения понятия искусственного интеллекта. Позиции исследователей можно условно разделить на несколько групп (выделение неюридических свойств, сопоставление с человеком и перечисление технических характеристик). Сложность формулирования правовой дефиниции искусственного интеллекта обусловлена неразрывностью технической и информационной сторон объекта исследований.

2. Стремительное развитие массива «цифрового» законодательства создает условия для выделения отдельных новых институтов в правовых отраслях. Автор делает предположение о том, что формирование новой отрасли права, связанной с искусственным интеллектом, в том числе имеющей комплексный характер, преждевременно. Внимание читателей акцентируется на том, что понятийно-категориальное регулирование искусственного интеллекта сформировано на базе информационного законодательства.

3. Искусственный интеллект – это комплекс технологий, предполагающих использование познавательных процессов для осуществления целенаправленной деятельности. Отмечается, что познавательные процессы человека и механизмы искусственного интеллекта во многом схожи по своей природе, поскольку искусственный интеллект разрабатывался по модели обучения человека и развития у него необходимых для жизни навыков. Для адекватной правовой квалификации отношений приоритетное значение приобретает целеполагание в процессе применения искусственного интеллекта.

Научная дискуссия

По вопросу определения дефиниции ИИ в научном юридическом сообществе нет единства мнений [1, с. 503]. Собираемые понятия зачастую не отражают правовую природу объекта, а фиксируют техническую, философскую, культурную, экономическую и иные характеристики категории. Кроме того, не представляется оптимальным способ выбор тотального применения правового инструментария к явлениям технического плана для того, чтобы получить понятную формально-юридическую интерпретацию (при этом важен учет разнообразной семантики языков программирования, поскольку ИИ – это комплекс технологических решений).

Наиболее распространенное понимание сущности ИИ сводится к указанию на свойства интеллектуальных систем, способных выполнять творческие функции, которые традиционно присущи человеку¹. Категория «творчество» вплетена в правовое полотно отраслевого российского законодательства, однако в данном случае она не выражает формальный признак объекта, а лишь выступает его специфической и обособленной характеристикой. Творчество подразумевает индивидуальность, а также связь с мыслительной деятельностью [6, с. 31]. Творческие продукты могут быть созданы как без участия человека с помощью технологий ИИ, так и без наличия интеллектуальных свойств у информационных систем и программ для электронно-вычислительных машин (например, формирование баз данных).

В научной литературе исследователи стремятся найти оптимальные подходы к интерпретации содержания ИИ. К примеру, отдельные авторы подходят к определению ИИ с учетом многообразия существующих позиций и взглядов, подразумевая полностью или частично автономную самоорганизующуюся систему (с характеристиками компьютерной, аппаратно-программной, виртуальной, киберфизической, биокибернетической среды), наделенную и обладающую определенными способностями и возможностями [3, с. 69]. Другой подход основан на выделении самостоятельности ИИ, под которым понимается интеллектуальная система, способная без участия человека решать задачи, в том числе творческие, а также обучаться в процессе их решения². При этом отмечается существенная роль человека в процессе использования и развития ИИ. Третий подход основан на выделении ключевых характеристик ИИ: факультативность аппаратного воплощения, способность анализировать среду, автономность функционирования, получение опыта и самообучение, использование категорий [4, с. 90].

Доктринальное разнообразие подходов связано с традиционно широким отраслевым взглядом отечественных ученых на исследование феноменов информационного общества, в том числе на ИИ. Конкуренция отраслевых подходов приводит к формированию разнообразных позиций по вопросам правового регулирования. Очевидно, что ИИ является «сферой интереса» для всех отраслей права, поскольку он находит и будет находить воплощение во всем многообразии правоотношений. При этом наибольшее количество смежных областей регулирования приходится на институты информационного, административного и частного законодательства. Для российской правовой системы принципиальное значение имеет взгляд конституционалистов на природу ИИ, поскольку в новых условиях соблюдение и обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина остается приоритетной сферой для органов правотворчества и правоприменения.

Наполнение действующего законодательства нормами, связанными с ИИ, позволяет исследователям делать предположения о том, что в процессе становления находится новая комплексная отрасль права [2, с. 136]. В качестве обоснования приводится не только отраслевое расширение нормативного массива, но и связанная с этим цель – установление соответствия

¹ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет; 2020.

² Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? [сайт]. Закон.ру; 2019 [процитировано 01 марта 2022]. Доступно: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__что_ето_такое_или_кто_ето_takie.

законодательства текущим реалиям общественного развития. Полагаем, что текущее состояние нормативно-правовой базы и теоретической проработки ИИ не позволяет уверенно говорить не только о возможности, но и о необходимости формирования новой отрасли права, что, безусловно, не исключает ее возникновения в перспективе. Основанием для ее выделения должно послужить не просто увеличение нормативного и научного материала, а качественное развитие явления и его тотальное проникновение во многие сферы человеческой деятельности, в том числе безапелляционное признание такого обстоятельства научным сообществом. К настоящему времени представляется допустимым утверждать о формировании объективных условий как для появления правового института в отдельных отраслях, так и для выстраивания комплексного института, черпающего в первую очередь информационно-правовой инструментарий из системы информационного права [7, с. 133].

Официальное нормативно-правовое определение ИИ сформулировано в законодательстве и подзаконных актах Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 и Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ и определяют ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты указанной деятельности, которые будут хотя бы минимально сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека¹. Аналогичная дефиниция содержится в стандартах технического регулирования². Определение, сформулированное в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и впервые утвердившее нормативное понятие ИИ, по мнению разработчиков документа, не задумывалось как универсальное [5, с. 85]. При этом стоит отметить, что стратегия, будучи документом ограниченного срока действия, зачастую имеет программно-декларативный характер. Она нацелена на формирование направлений и прогнозирование результатов в определенной сфере и на определенный период. Таким образом, сформулированное легальное определение ИИ имеет характер временного, что обусловлено периодом действия указанных нормативно-правовых актов.

Дублирование норм из акта в акт выглядит избыточно, хотя и не исключает дальнейшее нормативное раскрытие определения в более узком значении. Наличие официальной дефиниции ИИ не является препятствием для последующего обсуждения сущности явления и возможных направлений его регулирования.

Наиболее доступный способ выработки определения основан на раскрытии и перечислении формальных признаков объекта. Правила юридической техники не исключают такой подход. Однако в случае с ИИ подобный подход не будет являться сбалансированным, что обусловлено высокой динамикой развития отношений и их объемным содержанием. ИИ обобщенно формирует основу для целого комплекса сквозных технологий и смежных областей, в числе которых робототехника, сенсорика, беспилотное управление, нейронные сети, виртуальная реальность, дополненная реальность, квантовые технологии, беспроводная связь, распределенный реестр и иные производственные технологии. Для каждой смежной технологии потребуется свое отдельное определение и точечное регулирование, которое позволит эффективно развивать конкретное направление. Таким образом, правовое регулирование ИИ может носить лишь рамочный характер, тогда как каждая отдельная технология заслуживает собственного предметного изучения и правового оформления.

Продолжая развивать тезис о многообразии позиций, стоит подчеркнуть отсутствие общепризнанного определения для категории «интеллект» (как в отношении человека, так и в отношении технологических решений). Интеллект подразумевает способность индивида решать такие задачи, для которых заранее не известна последовательность совершаемых действий, а переводя на технический язык – для них отсутствуют заранее заданные алгоритмы. В процессе

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ // Российская газета. 2020. № 92. 28 апреля.

² ГОСТ Р 59277–2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 года № 1372-ст. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

решения какой-либо задачи человек постепенно приходит к ожидаемому либо непредсказуемому итогу, а ИИ – правильному или неправильному результату. Человек обучается и постепенно развивает интеллект, что позволяет осуществлять группировку, классификацию, моделирование, адаптацию, применять дедукцию, индукцию и совершать другие логические операции. Аналогичным образом «обучаются» технологии нейронных сетей, что позволяет им и информационным системам приобретать интеллектуальные свойства. При этом процесс обучения человека базируется на познании окружающего мира.

Формализация процессов и их предсказуемость – это результат, к которому стремится право, в основе которого лежат представления о должном и справедливом. Аналогичное стремление свойственно ИИ на современном этапе его развития и возможностей применения. В этом смысле ИИ, традиционно представленный в науке в виде слабого, сильного и сверхчеловеческого [9, с. 6], в качестве инструмента сопоставим с правом, хотя и не ориентирован на предсказуемость развития общественных отношений.

Авторская позиция по вопросу определения ИИ может быть представлена следующим образом. Абстрагируясь от терминологии, которая не свойственна юриспруденции, можно сформулировать более емкое определение. Искусственный интеллект – это комплекс технологий, предполагающих использование познавательных процессов для осуществления целенаправленной деятельности. Познавательные функции подразумевают анализ информации и ее интерпретацию для совершения дальнейших действий (например, сбор, обработка, хранение, использование, распространение, обмен информацией), что позволяет имитировать принципиально иной уровень памяти и мышления, а в перспективе получить восприятие, ощущение, представление, внимание и даже воображение на уровне техники и технологий. Целенаправленная деятельность подразумевает самостоятельный поиск и выработку таких алгоритмов, которые стремятся к своему исполнению и завершению.

Размышляя об искусственном интеллекте, стоит принять во внимание формирующиеся и постоянно изменяющиеся представления о возможностях человеческого мозга и информационных технологиях. Юриспруденция не может эффективно развиваться без учета достижений других наук. Представители философии, антропологии, психологии, лингвистики и неврологии сформировали серьезный массив знаний об ИИ. Комплексный взгляд на ИИ, основанный на современных наработках когнитивных и компьютерных наук, позволит сформировать такое определение, которое будет соответствовать актуальным потребностям правового регулирования. Не исключено, что в будущем потребуется пересмотр утвердившихся представлений об ИИ и их корректировка, а также нормативно-правовой базы.

Список использованной литературы:

1. Андреева Г.Н. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в России. *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2021.
2. Кашкин С.Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях: постановка проблемы. *Вестник Российского нового университета. Серия: человек и общество*. 2019;(3):134–144.
DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.134>.
3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Научная монография. М.: Буки Веди; 2017.
4. Наумов В.Б., Камалова Г.Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта. *Труды Института государства и права РАН*. 2020;15(1):81–93.
DOI: <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-1>

References:

1. Andreeva G.N. [Problems of legal regulation of artificial intelligence in Russia]. *Russia: Trends and prospects of development*. Yearbook: Materials of the XX National Scientific Conference with international participation. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2021. (In Russ.)]
2. Kashkin S.Yu. [Legal regulation of the use of artificial intelligence and robotics technologies as an emerging new complex branch of law in the most representative states and international integration associations: problem statement]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: chelovek i obshchestvo = Bulletin of the Russian New University. Series: Man and society*. 2019;(3):134–144.
DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.134> (In Russ.)]
3. Morkhat P.M. [Artificial intelligence: a legal view]. Moscow: Buki Vedi; 2017. (In Russ.)]
4. Naumov V.B., Kamalova G.G. [Issues of constructing legal definitions in the field of artificial intelligence]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2020;15(1):81–93.

naumov-kamalova.

5. Незнамов А.В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;(12):82–88. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.082-088>

6. Нестеров А.В. Критерий творчества: юридический аспект. *Российский судья*. 2018;(1):31–37.

7. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права. *Правовое государство: теория и практика*. 2021;17(3):133–145. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.3.11>.

8. Поспелов Д.А. Где начало того конца, которым кончается это начало? Рассуждения об эволюции работ в области искусственного интеллекта. *Знание – сила*. 1985;(6):26–29.

9. Шефтелович Д.Р. Искусственный интеллект: время слабых. *Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тетрадь*. 2018;(44):6–14.

10. Clark P., Etzioni O., Khot T., Khot T., Dalvi Mishra B., Richardson K., Sabharwal A., Schoenick C., Taffjord O., Tandon N., Bhakthavatsalam S., Groeneveld D., Guerquin M., Schmitz M. From «F» to «A» on the N.Y. Regents Science Exams: An Overview of the Aristo Project. *AI Magazine*. 2020;41(4):39–53. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1909.01958>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашенко Илья Юрьевич

советник аппарата избирательной комиссии Краснодарского края
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-2126>
ResearcherID: D-1916-2017

DOI: <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-1-naumov-kamalova> (In Russ.)]

5. Neznamov A.V. [Legal aspects of the implementation of the national strategy for the development of artificial intelligence until 2030]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(12):82–88. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.082-088> (In Russ.)]

6. Nesterov A.V. [Criterion of creativity: legal aspect]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2018;(1):31–37. (In Russ.)]

7. Polyakova T.A., Kamalova G.G. [«The law of artificial intelligence» and its place in the system of information law]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The rule of law: theory and practice*. 2021;17(3):133–145. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.3.11> (In Russ.)]

8. Pospelov D.A. [Where is the beginning of the end with which this beginning ends? Reasoning about the evolution of works in the field of artificial intelligence]. *Znanie – sila = Knowledge is power*. 1985;(6):26–29. (In Russ.)]

9. Sheftelovich D.R. [Artificial intelligence: the time of the weak]. *Mezhdunarodnye i sotsial'nye posledstviya ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta. Rabochaya tetrad'* = *International and social implications of artificial intelligence technologies. Workbook*. 2018;(44):6–14. (In Russ.)]

10. Clark P., Etzioni O., Khot T., Khot T., Dalvi Mishra B., Richardson K., Sabharwal A., Schoenick C., Taffjord O., Tandon N., Bhakthavatsalam S., Groeneveld D., Guerquin M., Schmitz M. From «F» to «A» on the N.Y. Regents Science Exams: An Overview of the Aristo Project. *AI Magazine*. 2020;41(4):39–53. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1909.01958>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya Yu. Paschenko

Adviser to the office of the election commission of the Krasnodar Krai
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1445-2126>
ResearcherID: D-1916-2017

**КОНФЕРЕНЦИИ; СИМПОЗИУМЫ;
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ**

**CONFERENCES; SYMPOSIUMS;
SCIENTIFIC SEMINARS**

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-106-110>

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Юбилейная международная научно-практическая конференция кафедры уголовного процесса. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):106–110. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-106-110>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@.yandex.ru

ANNIVERSARY INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Anniversary international scientific-practical conference of the department of criminal procedure. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):106–110. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-106-110>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@.yandex.ru

17 марта 2022 года кафедрой уголовного процесса юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета проведена Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности», посвященная 50-летию образования кафедры уголовного процесса.

Тематика конференции определена с учетом трех реализуемых кафедрой уголовного процесса магистерских программ: 1) правоохранительные органы в системе обеспечения национальной безопасности (руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани О.В. Гладышева); 2) судебная власть, прокурорский надзор, правоохранительная и правозащитная деятельность (руководитель – доктор юридических наук, профессор В.А. Семенцов); 3) уголовно-процессуальная деятельность суда и правоохранительных органов (руководитель – доктор юридических наук, профессор Р.В. Костенко) и программы обучения в аспирантуре по специальности научных работников 12.00.09 – уголовный процесс.

Заявки на конференцию предоставили 124 человека, в том числе 24 зарубежных ученых из 9 стран: Азербайджанской Республики, Донецкой Народной Республики, Кыргызской Республики (Кыргызстан), Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Сербия, Республики Таджикистан, Сирийской Арабской Республики, Социалистической Республики Вьетнам, а также представители отечественного судейского сообщества, работники прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокаты, аспиранты (адъюнкты) и студенты.

Традиционно к началу научного мероприятия опубликована не только программа, но и сборник материалов конференции, состоящий из двух частей общим объемом 46,7 п.л., с размещением материалов в электронной библиотеке системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С приветственным словом к участникам конференции обратились:

Гладышева Ольга Владимировна – заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани;

Редькин Николай Васильевич – проректор по комплексной безопасности, воспитательной и социальной работе, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Рудакова Светлана Викторовна – заместитель декана юридического факультета имени А.А. Хмырова, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Горбань Владимир Васильевич – судья Краснодарского краевого суда, председатель состава, юрист 1 класса, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Кубани;

Май Дак Биен – проректор Ханойского прокурорского университета (г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам), старший прокурор, доктор юридических наук, доцент;

Копачев Юрий Пантелеевич – председатель Ассоциации защиты бизнеса в России;

Борозенец Николай Николаевич – заместитель прокурора Ульяновской области, старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Милич Иван – ассистент кафедры уголовного права Новосадского университета (г. Нови-Сад, Республика Сербия), доктор юридических наук;

Репкин Михаил Сергеевич – руководитель первого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного Комитета России по Краснодарскому краю, полковник юстиции, кандидат юридических наук;

Кропачев Сергей Александрович – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор;

Мещеряков Виталий Николаевич – член Общественной палаты Краснодарского края, председатель комиссии по вопросам взаимодействия с ОНК и защиты прав человека;

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, доктор юридических наук, профессор, отличник образования Кыргызской Республики;

Хамед Ал Хаж Али – студент магистратуры юридического факультета имени А.А. Хмырова из Сирийской Арабской Республики.

С научными докладами на конференции выступили:

1) *Россинский Сергей Борисович* – главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент;

2) *Гаврилов Борис Яковлевич* – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

3) *Зайцев Олег Александрович* – главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики, заведующий кафедрой подготовки юристов правоохранительных органов, уголовного судопроизводства, правозащитной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

4) *Ильютченко Наталия Владимировна* – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент;

5) *Боярская Александра Владимировна* – доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук;

6) *Константинова Виктория Александровна* – доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент;

7) *Милич Иван* – ассистент кафедры уголовного права Новосадского университета Республики Сербия, доктор юридических наук;

8) *Ткачева Наталья Викторовна* – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

9) *Арипов Анвар Лутфиллоевич* – начальник кафедры уголовного процесса Академия МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук;

10) *Гладышева Ольга Владимировна* – заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани;

11) *Бекшиев Асхат Кенжебекович* – начальник кафедры кибербезопасности и информационных технологий Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, доктор философии по праву;

12) *Костенко Роман Валерьевич* – профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

13) *Машовец Асия Океановна* – профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент;

14) *Хмыров Ростислав Владимирович* – вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, председатель комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края;

15) *Рахматуллин Рамиль Рашитович* – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского Федерального университета, кандидат юридических наук, доцент;

16) *Рудакова Светлана Викторовна* – заместитель декана юридического факультета имени А.А. Хмырова, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

17) *Балакиин Виктор Степанович* – профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации;

18) *Долгов Андрей Михайлович* – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, адвокат Краснодарской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук;

19) *Казакова Александра Викторовна* – доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук;

20) *Петрикин Владимир Юрьевич* – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, адвокат Краснодарской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук, доцент;

21) *Дагуф Юлия Адамовна* – преподаватель кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

22) *Пелюшенко Екатерина Вадимовна* – студентка юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета.

В выступлениях участников конференции затрагивалась сущность и предназначение вещественных доказательств как автономных средств уголовно-процессуального доказывания (С.Б. Россинский), анализировались проблемы современного уголовно-процессуального законодательства и перспективы его развития (Б.Я. Гаврилов, Н.В. Ильюченко), рассматривалась специфика возбуждения уголовного дела о преступлениях, которые посягают на финансово-бюджетные отношения (О.А. Зайцев) и переходные конструкции в упрощенном производстве (А.В. Боярская, В.А. Константинова), показаны особенности применения пяти видов наказания к лицам, совершившим уголовные преступления в Республике Сербия (И. Милич), дано философское, общеправовое и отраслевое понимание уголовно-процессуальных функций (Н.В. Ткачева),

продемонстрированы положительные аспекты использования современных технических средств фиксации в ходе осмотра места происшествия в Республики Таджикистан (А.Л. Арипов).

Заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета О.В. Гладышева в своем докладе сделала акцент на правовой категории «обоснованность», как глобальной проблеме уголовного судопроизводства, и прикладных аспектах ее проявления при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также наложении ареста на имущество.

Участниками конференции были затронуты проблемы использования информационных технологий в деятельности органов уголовного преследования в Республике Казахстан (А.К. Бекишев), виновности лица в совершении преступления как обстоятельства, подлежащего доказыванию (Р.В. Костенко), о соотносимости понятий «стандарты» и «бремя доказывания» (А.О. Машовец), полномочиях представителя адвокатской палаты в уголовном процессе (Р.В. Хмыров), о понятии и перспективах развития категории «раскрытие преступлений» (Р.Р. Рахматуллин), о праве защитника на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (С.В. Рудакова), об единстве подходов к порядку признания доказательств недопустимыми (В.С. Балакшин), о цифровизации уголовного судопроизводства и вкладе ученых кафедры уголовного процесса в исследование этой темы (А.М. Долгов), об основаниях отказа в передаче лица для отбывания наказания в страну, гражданином которой он является (А.В. Казакова), о проблематике прекращения уголовного дела частного обвинения по инициативе суда (В.Ю. Петрикин), о возможных направлениях решения проблемы использования искусственного интеллекта в российском уголовном судопроизводстве (Ю.А. Дагуф, Е.В. Пелюшенко).

Фото 1. Участники конференции в зале ученого совета юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета

Фото 2. Выступление Май Дак Бьена, проректора Ханойского прокурорского университета (Социалистическая Республика Вьетнам), доктора юридических наук

